

ДАРЬЯЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2'2025

ПРОЗА

Алеш ГУЧМАЗТЫ
«Пойте
по-осетински,
парни»

Петр ЙИЛЕМНИЦКИЙ
«Компас в нас»

Ян ТУАЛЛАГОВ
«Книгочей»

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

Шамиль ДЖИКАЕВ
«Наследие предков»

Игорь БУЛКАТЫ
«Хадже»

ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА

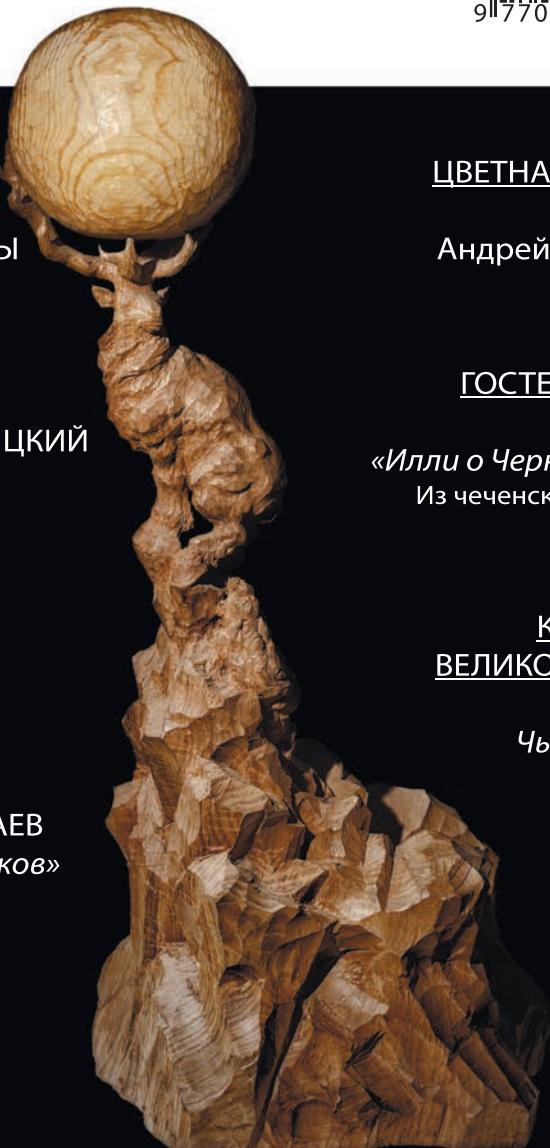
Андрей КАСАБИЕВ
Скульптура

ГОСТЕВАЯ КНИГА

«Илли о Черном Ногае».
Из чеченской народной
поэзии

К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Чье у памяти
лицо?
Стихи

ДАРЬЯЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

* * *

WWW.DARIAL-ONLINE.RU

ВЛАДИКАВКАЗ
2025

ДАРЬЯЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

* * *
ВЫХОДИТ С 1991 ГОДА

16+

Главный редактор

А. И. ЦХУРБАЕВ

Зам. главного редактора

О. Э. ТОТРОВА

Редакционный совет:

И. Г. ГУРЖИБЕКОВА

М. С. ДЗАСОХОВ

В. О. КОЛИЕВ

Т. А. САЛАМОВ

И. А. ТАБОЛОВА

Ф. С. ХАБАЛОВА

А. Л. ЧИБИРОВ

В. Т. ЧШИЕВ

Адрес редакции:

362040, г. Владикавказ, ул. Маркуса, 1

Телефоны: (8672) 53-60-30

(8672) 53-58-10

(8672) 54-38-04

e-mail: darial@darial-online.ru

http: www.darial-online.ru

Свидетельство

о регистрации средства массовой
информации

ПИ №ТУ 15-00144 от 22.05.2017

Выдано Управлением Федеральной

службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий

и массовых коммуникаций

по Республике Северная Осетия-Алания

Учредитель и издатель:

Комитет по делам печати и массовых
коммуникаций Республики Северная
Осетия-Алания

Адрес: 362040, Республика

Северная Осетия-Алания,

г. Владикавказ, ул. Димитрова, 2, офис 202

Телефон: (8672) 33-33-69

Рукописи не возвращаются

и не рецензируются

Мнение редакции не всегда

совпадает с мнением авторов

Выход в свет 30.04.2025
Формат бумаги 60 x 90^{1/16}
Бум. офсетная
Гарнитура шрифта MyriadPro
Печать офсетная
Усл. п. л. 15 + 1 п. л. цветная вклейка
на мелованной бумаге
Заказ № 204
Тираж 600 экземпляров

АО «Осетия-Полиграфсервис»
362015, г. Владикавказ,
проспект Коста, 11
Телефон: (8672) 25-97-94

Цена свободная

2'2025 (187)
МАРТ — АПРЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

© ДАРЬЯЛ № 2/2025

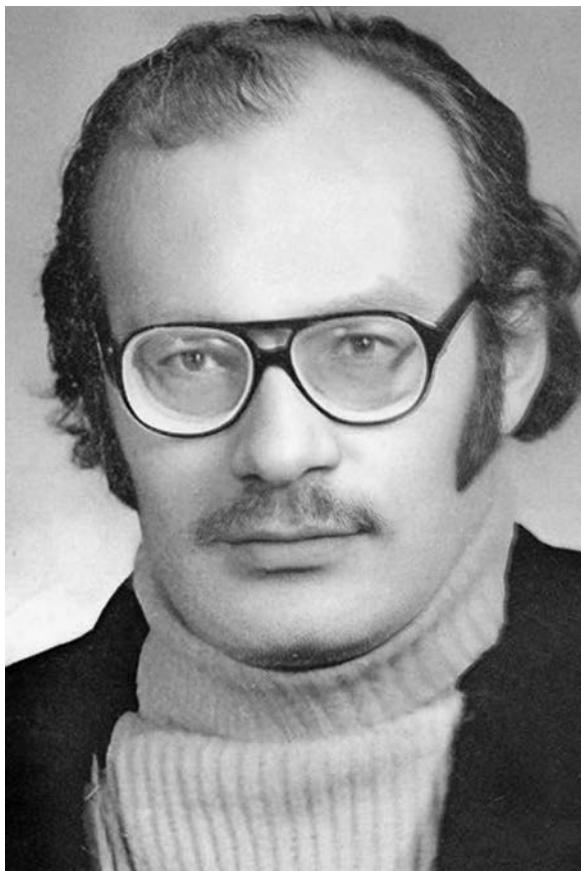
ПРОЗА	К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
4 Алеш ГУЧМАЗТЫ Пойте по-осетински, парни... Рассказы. Перевод с осетинского И. Булкаты	130 Чье у памяти лицо? Стихи
12 Алан ЦХУРБАЕВ Что-то, что ты кому-то должен. Рассказ	136 Роберт КУДЗАЕВ Зря дядя Петя с войны вернулся. Рассказ
26 Петр ИИЛЕМНИЦКИЙ Компас в нас. Отрывки из романа. Перевод со словацкого В. Пукиша. Литературная редакция И. Хугаева	ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ
44 Батрадз ХАРЕБОВ Моя Москва. Автобио- графическая повесть. Продолжение	148 Артур ЦЕРЕКОВ Коллекционирование в Орджоникидзе. Эссе
80 Ян ТУАЛЛАГОВ Книгочей. Рассказ	170 Алена ДЖЕНИКАЕВА От Терека до Турции. Очерк
ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ	НАШИ ПЕРЕВОДЫ
96 Шамиль ДЖИКАЕВ Наследие предков. Стихи	182 Терентий ГРАНЕЛИ Нечаянное откровенье. Стихи. Перевод с грузинского В. Светлосанова
104 Игорь БУЛКАТЫ Хадже	ГОСТЕВАЯ КНИГА
ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ	
112 Вадим ЖУК «Не слышно мне ни тишины, ни плеска...» Стихи. Вступительная статья М. Шевелева	188 Илли о Черном Ногае. Из чеченской народной поэзии. Перевод с чеченского А. Преловского
118 Варлам ШАЛАМОВ Сентенция. Рассказ	200 Амаяк Тер-АБРАМЯНЦ Я не обижу тебя, Вулкан. Рассказы
ЭПИГРАММЫ	НАУКА И КУЛЬТУРА
126 Шалико ТЕДЕЕВ «...В погоне за фартом»	210 Аслан ГАЛАЗОВ К вопросу о этимологии этнонима «русы»: очерки славяно-иранских культурно- исторических связей
АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ	
129 Сараби ЧЕХОЕВ «Я на войне такое видел...»	238 АВТОРЫ НОМЕРА

ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА
Андрей КАСАБИЕВ
Скульптура

Алеш ГУЧМАЗЫ

ПОЙТЕ ПО-ОСЕТИНСКИ,
ПАРНИ...

РАССКАЗЫ
ПЕРЕВОД С ОСЕТИНСКОГО И. БУЛКАТЫ

ОЛЛЕШ
Несчастья как средства адаптации
к божественному дару

*И*злишне сегодня говорить об обратной зависимости писательского таланта и жизненного пути. И когда я вспоминаю осетинского прозаика и поэта Алеша Гучмазты, которого мы с отцом в шутку называли Оллеш, мне приходят в голову печальные аллюзии, что все его несчастья были средством адаптации к миру его Божественного дара.

Он родился 10 сентября 1951 года в селе Гучмазтыкау Южной Осетии. Отучился в Ортеуской восьмилетней школе, а продолжил учебу в соседнем селе Уанат. И то, что он дважды поступал на филологический факультет Юго-Осетинского педагогического института, но не прошел по конкурсу, и то, что поступил в Литературный институт им. А. М. Горького, но, не закончив его, вернулся в Осетию растрачивать талант на выпуск стенгазет да формирование библиотечных подшивок, по выражению его друга Мелитона Казиты, только отточило писательскую самоиронию. С 1988 года Алеш Гучмазты — редактор отдела прозы литературного журнала «Фидиуәг». Первый свой рассказ «Земной ад» («Уәэлзәххон саудзыдзыда») он опубликовал в газете «Глашатай» («Фидиуәг») в 1971 году. Через год вышел сборник «Полуночник» («Әхсәвидар»). Позже появились повесть «Белые сны» («Урс фынтәе»), роман «Матрона» («Дә уды фарн») и другие произведения.

25 мая 1992 года, во время осетино-грузинского военного конфликта, Алеш поднялся на крышу дома, чтобы наблюдать за маневрами подступивших к Цхинвалу грузинских войск, и был застрелен.

Но и это, по моему убеждению, стало доказательством особого дара. Незадолго до его смерти мы говорили с ним по телефону, вспоминали лучшие времена. В 1984 году вместе с Мелитоном Казиты и Таймуразом Хаджеты он приезжал в Тбилиси, где я работал

Печатается по изданию: Литературная газета. 2024. № 14. 14 апреля.

в Главной редакции по художественному переводу и литературным взаимосвязям. По заказу альманаха «Кавказиони» я перевел повесть Алеша Гучмазты «Белые сны», перевел неудачно, но автор ни словом не упрекнул меня за это. Помнится, мы зашли в какую-то харчевню на Руставели, заказали пироги с сыром и кахетинское вино, подтрунивали друг над другом, ругали наших «возрастных» классиков — и Нафи, и Гриса, и Александра Царукаты, однако сошлись во мнении, что после Нигера и Уасо кроме этих людей не на кого больше равняться. Таймураз спросил меня, почему я называю нашего друга Оллеш, — это такая молитва? Я ответил: да, молитва. Тогда он произнес нараспев: «Ол-леш! Ол-леш!» — и мы засмеялись. Я выразил сожаление по поводу неудавшегося перевода повести, а Алеш успокаивал меня, дескать, ерунда, брат, ты просто не набрал пока веса.

Вечером, провожая их на автобус с дидубийского автовокзала, я заявил, что персонажи «Белых снов» — старики Матэ и Места — просто поразили меня и что повесть ничем не хуже «Майловых людей» Астуриаса или «Ста лет одиночества» Маркеса. А Таймураз Хаджеты добавил, что даже лучше, потому что чувствуешь тепло родного языка, как в детстве, когда мать купала тебя в деревянном корыте.

Игорь Булкаты

АНГЕЛ

Я перечитал рассказ и остался собой доволен. В кои-то веки обыкновенному писателю удалось сотворить нечто стоящее. Теперь будет что предъявить небожителям. Глядишь, удастся убедить их в том, что человеческий разум способен не только на злодеяния. И я радовался своему достижению, пока не уснул на холме посреди изумрудного поля. Уснул воодушевленным, даже не обратив внимания на то, что в небе ни облачка и звезды взъерошились как ежи. Но вскоре набежали тучи и полил такой дождь, что окрест не было видно ни зги. Однако я не спешил просыпаться. Я спал так крепко, что крупные капли оплели мое тело непромокаемым коконом и дождь нисколько не беспокоил меня. Отныне я был бессмертен, мог излечить любую болезнь, и эта уверенность вселяла спокойное великолодущие.

Потом смотрю — кто-то приближается ко мне. Говорю кто-то, но на самом деле это был мой двойник. Душа была так полна радости, что мне не хотелось ни с кем разговаривать, поэтому я закрыл глаза. Идите-ка своей дорогой, милейший. Но он не прошел мимо, встал надо мной и задышал часто-часто, как ребенок, которому не терпится сообщить что-то важное. Я чувствовал его озабоченное лицо сквозь сомкнутые веки. Он медленно протянул руку, потряс меня легонько за плечо и, дождавшись, пока я открою глаза, сказал:

— Я пришел к тебе.
— Ты? — удивился я.
— Да.
— А кто ты?
— Никто.
— Я это и без тебя знаю, — усмехнулся я.
Он обиделся.
— Вставай, — говорит, — мне нужно поговорить с тобой.
— Кто ты? — повторил я вопрос, чувствуя, как во мне закипает злость.

— Я?
— Да, ты.
— Я ангел.
— Ангел?
— Да, ангел. И мне надо поговорить с тобой.
— Пожалуйста, давай поговорим. Присаживайся.
— Ангелы не разговаривают сидя.

У меня совсем вылетело из головы, что я тоже ангел, и мне стало стыдно. Как же я забыл, что ангелы никогда не садятся и всегда прислуживают стоя. Ровно я разбирался в этом меньше его.

Ангел глянул на меня сверху вниз и хмыкнул еле заметно, как будто догадался обо всем.

— Ничего, — сказал он, — ты еще молодой.
— О чём будем говорить? — встал я.
— О людях.
— О людях?
— Да, о людях.
— Растилкуй.
— Ты же знаешь, что ангелы часто говорят о людях.
— Знаю, — солгал я. — Но почему так?
Он помолчал немного и произнес:
— Мы хотим истребить человеческий род, уничтожить всех.
Даром что ты появился здесь, но это не изменит нашего решения.

— Я не позволю вам этого сделать.

— Мы знаем. Потому и пришел к тебе.

— Чего ты хочешь?

— Знаешь ли ты, что среди живущих на земле люди — самые порочные и беспутные?

— Это не так.

— Это именно так. Вы расплодились больше других земных тварей, счету не стало. Но что вы сделали за это время? Только и грызетесь друг с другом. Мы долго терпели, надеясь на то, что вы одумаетесь. Но этому, видимо, не бывать, вы не способны обеспечить покой земле. Ждать дальше нет никакого смысла. Человечество должно исчезнуть с лица земли. В противном случае ваши мысли заразят и другие миры.

И тут я испугался за людей. Какими бы порочными они ни были, их страдания всегда стояли у меня перед глазами и я не мог им не сочувствовать.

А он продолжал свою речь:

— Вспомни каверзы изошренного человеческого ума еще с библейских времен. Вспомни греков, римлян, вспомни Александра Македонского. Чего вы только не творили на протяжении веков. А что вы намерены делать теперь? Вы способны только на зло и подлость. И добро ваше в конце концов выливается во зло. От ваших злодеяний скоро, совсем скоро эту маленькую землю разнесет в клочья.

— Если вы осуществите задуманное, это будет преступлением с вашей стороны. Разве это пристало вам?

— Никакого преступления, ведь люди все одно истребят друг друга — это закон вашего мира. Сначала вы расплодитесь, как мыши, так что от одного вида друг друга вас будет воротить, от этого землю охватят неизлечимые недуги, и человечество перестанет существовать. Правда, это случится не скоро, люди еще успеют наделать столько зла, что его с лихвой хватит на все времена. Мы не допустим этого.

— Не трогайте хотя бы детей.

Он подумал немного и сказал:

— Может быть, ты и прав. Но они тоже не смогут поладить между собой, потому что у людей, как зараза, в крови ненависть друг к другу, они пропитаны ею, как лилии мертвый лошади. Не из любви, но из ненависти к ближним они снова станут размножаться и лить друг на друга злость и подлость. Но, возможно, мы откликнемся на твою просьбу и не станем убивать оставшихся в живых детей и женщин.

— Пожалуйста, не торопитесь истреблять и других. Я постараюсь их образумить. Разошлю во все концы крик отчаяния. Может, прислушаются ко мне.

— Наивный писака. Впрочем, попробуй, чтоб не говорил потом, что мы не пошли тебе навстречу. А в том, что люди не услышат тебя, я нисколько не сомневаюсь. Они глупы и беспомощны именно потому, что не слышат криков отчаяния. И чем громче звучат эти голоса, тем меньше они слышат. Да разве им до тебя, если из своих шкурных интересов люди меняют местами добро и зло? Попробуй, попробуй, когда проснешься, чтобы убедиться в этом.

Он не спеша повернулся ко мне спиной и ушел, и я увидел перекинутое через плечо его теплое дыхание. Я проснулся, огляделся, но не нашел нигде своего рассказа. Рядом валялись блестящие охотничьи гильзы, и тугие комки рукописной бумаги были им пыжами. Одна изрешеченная дробью страница висела на дереве. Наверное, ее использовали в качестве мишени.

ПОЙТЕ ПО-ОСЕТИНСКИ, ПАРНИ...

Воспоминания меняют смысл жизни... Мокрый снег сеет над оживленным перроном. Медленно набирая ход, гудят поезда. Пространство мрачно ширится обилием мешкающих пассажиров с багажом под ногами и легких на подъем, излишне беспечных провожающих. Одним тяжело расставаться, другим — наоборот. Суeta. Сколько слез увозит с собой каждый раз поезд вместе с тugo набитыми рундуками под нижними полками да нишами под потолком. Сколько полных отчаяния взглядов пытаются проникнуть в купе и тамбуры и разорвать их изнутри на мелкие кусочки.

Падающие снежинки и те словно бы раздались в тревожном напряжении.

Друзья запели по-осетински, напутствуя меня, ровно я собрался в далекую неведомую страну, и люди, прикрыв глаза, слушают многоголосую песню. Иные — от гордыни ли, от глупого высокомерия — бурчат что-то себе под нос. Однако чистые напевы притягивают окружающих, и они бочком-бочком придвигаются к нашему вагону.

Господи, в этом же нет никакого греха, когда друзья провожают тебя в дорогу, искренне полагая, что осетинская песня охранит каждого путника, даже если ее слушают иноземцы орлиного полета.

...ехх, коли решился покинуть
родные ущелья, село и дом,
где тебя вспоминать
никогда не уста-а-анут...

Где любят тебя и ждут...
Денно и нощно...

Небо изорвано в клочья и, пока не тронулся поезд, торопится упасть нам на голову.

И завывает ветер. И стонет выюга. И только снегопад безмолвен, ворочается, как прикорнувшая от усталости плакальщица.

В конце села на холме стоит наш бревенчатый дом. Ветер бьет кулаками в хлипкую дверь, ровно его отвергли, не пускают на порог, и в конце концов, взбешенный, ковыляет искать успокоения в объятиях метели за сугробами. Небеса плачут, и ледышки слез, поблескивая, крутят мельничный жернов пространства, поднимаются к вершине холма, заметая окрестные тропы, и ложатся под стенами нашего дома.

Дворовая собака Мила, верный страж очага, лежит под крыльцом, кутаясь в собственную лень. Лежит с закрытыми глазами, слушает вполуха снегопад и временами подывает ему.

Кругом тихо. Даже соседские собаки не подают голоса. Только за звуками выюги порой доносится скрип заиндевевших диких яблонь, и Мила нехотя огрызается на этот звук, и тогда другие псы подхватывают лай.

Кто-то приоткрыл дверь. Высунул голову в проем и долго смотрит на заснеженную дорогу, вслушиваясь в бесконечное пространство, но не заметив никого, неспешно возвращается в дом.

Внутри горит керосиновая лампа. Слабый язычок пламени нетнет да подрагивает от гуляющего по дому холодного ветра, что, впрочем, не мешает ей лить в окно теплый свет.

А в печи потрескивают березовые поленья. В трубу задувает, выдавливая в дыры обжигающий огонь. Чугунная печь раскалена докрасна.

Отец, пожилой мужик с косматыми бровями, сидит рядом и думает о своем. А мать стоит возле окна, смотрит вдаль и молит про себя Лагтыдзуар² уберечь детей от напастей.

Старики знают, что стоит дать слабину — и тишина раздавит их.

² Так в Осетии женщины иносказательно называют Уастырджи — божество, покровителя мужчин, воинов, путников. (Примеч. ред.)

Они утомлены. Утомлены зимними хлопотами, и сердца их полны одиночества.

Позже мать принимается собирать на стол. Нынче Великая ночь.

Отец наливает араки в рог со стертыми краями и молится: «Господи, я не сомневаюсь в твоей справедливости. Просим тебя, убереги от несчастий всех путников. Уастырджи, где ты, проглотить бы мне все твои хвори, сделай так, чтобы гости не обходили наш дом стороной, а путники всегда находили верную дорогу. Окажи нам такую милость. Великая ночь, не обижайся, ежели обратились к тебе за помощью, подтолкни нас к добру».

И медленно цедит напиток сквозь зубы. А остаток его стряхивает на пол — пусть так же закончатся наши враги.

Мать молится молча.

В эту Великую ночь без младших и кусок не лезет в горло. По щеке ее сползает слеза и падает на пахнущий уютом хлеб.

И все застывает вокруг. До старииков внезапно доносится скрип снега. Гость, Божий гость! Хотя нет, почудилось. А в доме продолжают звучать какие-то странные звуки...

— Поезд трогается... Да, трогается...

— Эй, парни, — говорю я, поднимаясь по трапу, — не прерывайте песню, я буду вас слушать из окна.

— Не проклиной нас под чистым небом Осетии, — шутит кто-то за моей спиной.

— Хорошо, — отвечаю, — только вы продолжайте петь. Пойте по-осетински...

Москва, 1973 год

Алан ЦХУРБАЕВ

ЧТО-ТО, ЧТО ТЫ КОМУ-ТО ДОЛЖЕН

РАССКАЗ

С теннисного корта раздавался размежеванный стук мяча и смех. Я смотрел то на нее, то на него и ждал, когда их ярко-зеленый мячик перемахнет через сетчатый забор и полетит в мою сторону. Оба в белых поло, с напульсниками на запястьях. У него специальная повязка на лбу — чтобы пот не заливал глаза, у нее — спортивный козырек, из-под которого торчал на затылке тугой хвост русых волос. Он все время мазал и картишно падал на корт, выкрикивая что-то глупое, чтобы повеселить ее, а потом не спешил вставать. В этот день у него, видимо, не было настроения играть всерьез. Она звонко смеялась, глядя на его выходки, но в смехе ее чувствовалось разочарование от матча. Этим солнечным утром она был настроена выложиться на полную, но все планы рушил партнер.

Мячик в очередной раз улетел за пределы площадки; он вытянул длинную руку, делая вид, что пытается дотянуться до него, — и рухнул на покрытие. Она вновь засмеялась, но уже не так весело. Затем досадливо вскрикнула:

— Андре-е-ей, ну ** твою мать!

— Не, Анют, — отозвался он, подтягивая под себя ноги, — все-таки последний бокал вчера был лишним.

Я смотрел на этот цирк, сидя на ящике с водкой, и ждал, когда мячик перемахнет через забор прямо ко мне. И хотя я наблюдал за кортом не первый день, этого так и не происходило. Да, наверное, и не могло произойти, ведь герои теннисного корта и работяги алкогольного склада в реальной жизни не пересекаются. Я по-ник головой и сплюнул на асфальт. Слюна, упав в толстый слой пыли, свернулась в шарик. Вдруг я услышал пронзительный женский выкрик и тут же резкий стук мяча о ракетку. Это была Анюта. Наконец-то ее партнер выдал отличную подачу, и девушка изо всех сил вложилась в ответный удар — коротко вскрикнула на

Печатается по изданию: Цхурбаев А. Что-то, что ты кому-то должен // Волга. 2025. № 3.

выдохе, представляя себя Марией Шараповой. Ее теннисная юбка в складку при этом сильно взлетела, обнажив розовые панталоны... Розыгрыш гейма затянулся, и Аньота еще несколько раз показала мне свое нижнее белье так, что мое воображение разыгралось и я живо представил ее спортивную молодую фигуру на полотне Дейнеки, чьи работы я незадолго до этого видел в Эрмитаже.

— Чего вылупился? — послышался грубый голос за спиной.

Это был наш бригадир Гена, в прошлом запойный алкаш, у которого теперь на шее, в области ключицы, была вшита подкожная ампула с ядом. Он как-то рассказывал нам, грузчикам, как на последний Новый год вырезал ее сам себе ножом, чтобы хорошоенько напиться, а потом снова зашился. «Не, ну Новый год — святое дело...» — отвечали грузчики, такие же алкаши, и кивали.

— Чего смотришь, ну? — спросил Гена, хитро улыбаясь и подбородком указывая на карт, где прыгала Аньота в панталонах. Глаза у него при этом похотливо сверкали. — Давай вперед, Асланчик! Ты же кавказец, ты должен трахать все, что движется! — и захочотал, обнажая ряд страшных редких зубов.

Я на секунду оторопел от этого нового знания о себе, потом растер подошвой свой плевок, поднялся и молча пошел внутрь. Перерыв заканчивался, надо было возвращаться в зал, таскать ящики с бухлом.

На склад я подался потому, что Белобрысая, с которой я тогда жил, хотела на море. Вот только денег у нас тогда хватало только на еду вроде шпротного паштета и немного дешевого портвейна по особым случаям. Этим случаем как-то стал концерт «Модерн Токинг». Там мы перед сценой упились этого портвейна просто до чертиков. Как мы добрались в тот день до общаги, никто не помнит, но сохранился снимок ужасного качества, который она сделала. Я там улыбаюсь в камеру как идиот, а за мной на сцене стоит в черном плаще Томас Андерс с микрофоном и поет «Ёмаха, ёмас». Когда я смотрю на это фото, думаю о том, в каком странном сочетании реальности тогда я жил — работа грузчиком, диссертация, поп-концерты, комната на двоих в общаге, фонтаны Петергофа... И многое еще чего.

Стипендии аспиранта мне хватало только на электричку до города и обратно, поэтому я подался грузчиком, чтобы заработать на море. Сначала я, правда, пошел устраиваться продавцом в книжный магазин, но там какой-то боров посмотрел мой паспорт и сказал, что с временной регистрацией они никого не берут, хоть ты им весь курс мировой литературы перескажи. Это было странно, мы тогда там были кем-то вроде нелегалов — без права на работу, но при этом с обязанностями вовремя сдавать главы диссертации.

Тогда я решил набрать одному родственнику, номер которого дала мне мама для особых случаев перед самым отъездом в Питер. Ну я и решил, что этот случай настал. Так я попал на торговый склад алкоголя у станции метро «Черная речка», где-то в тех местах, где Дантес убил Пушкина. Я каждый раз думал об этом, когда шел от метро до склада: настраивался на работу... Там, кстати, не только Пушкина убили. На углу одной из улиц стояло огромное заброшенное здание с выбитыми окнами, и на столбе рядом была приkleена листовка: портрет парня с короткой стрижкой, которого нашли мертвым прямо на этом углу. В тексте листовки сообщалось, что ищут свидетелей того случая, и я все время останавливался, вглядывался в лицо того человека и думал, найдут ли когда-нибудь свидетелей.

Другие грузчики на складе на меня посматривали подозрительно — какой-то молчун-кавказец, который не пьет и у которого один дополнительный день — среда. Этот выходной мне пришлось себе выбрать через того же родственника, потому что среда была для меня кафедральным днем, и, вместо того чтобы грузить водку, я грузил всех в университете своими новыми находками в области французской журналистики. Научным руководителем у меня был один плечистый мужик с греческим именем, который три года подряд каждую среду говорил мне одну и ту же фразу: «Привет, Асланчик!» Проблема заключалась в том, что меня не звали Аслан. В моем имени на одну букву меньше, но эта очень маленькая и простая деталь никак не могла зафиксироваться ни в голове моего бригадира-алкаша Гены, ни в голове моего научного руководителя, доктора политических наук. Ну хоть трахаться меня не заставляет, думал я каждый раз при этом.

Все остальные дни, кроме среды, я проводил на складе. Зимой там было тяжеловато, приходилось в перерыве сидеть в нашей каморке и играть в шахматы с одним долговязым стариком. Больше заняться было нечем, я даже не курил. Этот старик был очень благородного вида и говорил не о том, о чем другие. Он красиво рассказывал о своем саде, о деревьях, но, к сожалению, он тоже был спившимся алкашом. Как-то раз после смены я чуть задержался, переодеваясь, минут на десять, не больше. Когда же наконец вышел со склада, прямо у подъезда уже валялся этот старик, и пустая бутылка «Столичной» покоилась рядом. Ну и скорости у вас тут, подумал я и пошел своей дорогой.

Когда потеплело, стало проще. Можно было выходить на улицу и глязеть на теннисный корт, а больше мне ничего и не нужно было. Странное ощущение — наблюдать за этими здоровыми, красивыми людьми в идеально белой спортивной одежде из

нашего спившегося дна, мира опустившихся, морально разложившихся людей. Водочный склад и теннисный корт были разделены высоким сеточным забором, и я все смотрел и удивлялся: почему мячик еще ни разу не перелетел через забор в нашу сторону? Они лупили по нему изо всех сил, мяч перелетал во все стороны, но никогда — в нашу. Как будто нас разделяло энергетическое поле из «Звездных войн». Я так втянулся в эту игру, что твердо решил — в день, когда их мяч окажется на территории склада, я уволюсь.

Помещение было гигантским, до потолка заваленным коробками с бухлом. Работали мы по двое. Когда поступал заказ, из офиса спускали накладную. Один брал рохлю, другой лазил по завалам из коробок и искал нужные ящики с водкой. «Шесть «Ювеналов», три «Матрицы» и один «Топаз»». Когда заказ бывал собран, рохлю с накладной спускали на грузовом лифте вниз, откуда ее забирали фургоны.

Иногда к нам на перекур выходил Джазо, блатной тбилисский курд, который за нами присматривал. Джазо был настоящий дзвели бичи¹, и по этим понятиям относился ко мне как к своему дзмао²: каждый раз лез по-тбилисски целоваться при встрече. Русские всякий раз открыто смеялись над этим ритуалом, но Джазо не принимал их во внимание — гораздо важнее было соблюсти блатной этикет. У меня все это поначалу вызывало дикую неловкость, но чем чаще я слышал смех, тем сильней начинал подыгрывать и лез целовать его щетинистую щеку пофактурнее, чтобы повеселить трудяг. Странно, но, несмотря на эти культурные различия, Джазо отлично ладил со всеми. Чувство юмора у него было, правда, странное: шутил он с серьезным лицом, а когда, наоборот, говорил нечто серьезное — улыбался во весь рот. И еще у него была одна козырная шутка, которую он периодически повторял, и каждый раз успешно. Там в кабинете работала прекрасная молодая девушка, даже не помню толком, чем она занималась, но постоянно ходила с бумажками из одного офиса в другой мимо нас. Формы у нее были совершенно не питерские, скорее московские, а то и вовсе краснодарские. И каждый раз, когда мы смотрели на ее зад в духе фламандского барокко, Джазо кидал нам:

— Такую только зимой трахать.

Мы все прекрасно знали окончание этой шутки и молчали; но какой-нибудь новичок обязательно в недоумении спрашивал:

— Почему зимой-то?

Тогда Джазо, бросив окурок под ноги, отвечал:

— Чтоб не простудиться.

¹ Приблатненный, авторитет (*разг.; здесь и далее груз.*).

² Брат.

И шел обратно в офис раскладывать пасьянс на компьютере. Толпа смеялась, и смех был в равной мере искренним и нет.

Так как большинство из нас на этом складе были оформлены нелегально, то зарплату мы получали в конвертах этажом выше. Обычно мы стояли в небольшой очереди в кабинет. Внутри сидел всегда один и тот же тип, жутко похожий на Юрия Гагарина. «Заходи, студент», — говорил он мне вежливо. «Аспирант», — поправлял я, а он поднимал глаза, делал какое-то невероятно сочувственно-грустное лицо и спрашивал: «Вот скажи мне, аспирант, если мы такие умные, то почему такие бедные?» В этот момент всегда хотелось врезать ему так, чтобы он улетел в открытый космос, но оставалось только расписаться в ведомости и забрать свои гроши.

Постепенно необходимая сумма на проект «Анапа» начала собираться. Белобрысая устроилась официанткой в ночной клуб и стала там зарабатывать больше, чем я на складе. Перспективы нашей поездки стали уже более реальными, и вскоре, после очередного кафедрального дня в университете, я поехал в кассы у Казанского собора, отстоял там пару часов в очереди и купил два боковых плацкартных билета до Анапы с возвратом через две недели. Оттуда я поехал на Черную речку, чтобы забрать на складе последнюю зарплату и попрощаться с работягами.

— Трахни там за меня одну телку, а? — как-то слишком серьезно попросил меня бригадир Гена.

— Не переживай, Гена, самую красивую выберу.

— Спасибо, Асланчик! — чуть ли не со слезами на глазах произнес он и тут же добавил: — Только имя им свое не называй: не даст ведь никто! — и захочотал, снова обнажив ряд своих страшных зубов.

В чем-то Гена был прав. Мое имя в предварительных ласках имело какой-то странный эффект. Я еще перед отъездом в Питер подозревал, что что-то пойдет не так. Помню, мама, собирая меня в дорогу, вдруг очень строго сказала: «Ты мне смотри это, без глупостей там! А то знаю я этих русских — охмурят, и сразу голову потеряешь». «Ты что, мам, — ответил я тогда. — Я им свое имя назову, а если понадобится, то и фамилию, тогда точно сразу отстанут».

В дорогу мама приготовила четыре просто гигантских бутербродов из лаваша с домашними котлетами (по две в каждом бутерброде), с домашней же аджикой. Четыре — потому что ехали мы тогда с Беном, по два на каждого. Бен — это очень высокий и очень носатый черножопый, мой друг. Он был чуть старше меня и на тот момент уже пару лет учился в Питере. В Минводах Бена хлопнули менты за то, что, пока он был в Осетии на летних каникулах, не оформил временную регистрацию на проживание в родном доме.

Такова была Россия начала нулевых — хочешь двигаться, умей регистрироваться. Но мне потом было жутко неудобно перед Беном, потому что я точно знал, почему те менты к нам подкатили. Дело в том, что, когда мы вышли на остановке в Минводах, на мне были идеально чистые кроссовки белого цвета, ярко-зеленые и очень широкие спортивки, которые я выклянчил перед поездкой у двоюродного брата, и дорогая черная кожанка поверх. У мусоров не было шанса. Тогда они отняли у Бена шестьсот рублей, но, к чести Бена, надо сказать: из всей той поездки позже он всегда вспоминал только бутерброды.

«В России бабы сами на тебя кидаются», — говорили мне друзья с какой-то завистью в глазах, зная о моем скором отъезде. Но прошел месяц, два, и никто на меня не кидался. Это было странно, потому что мне говорили, что ничего делать не нужно, они просто берут и сами кидаются. Но этого не происходило. Я начал беспокоиться. И тут я как-то ехал в пустом ночном вагоне электрички «Питер — Ораниенбаум», и девушка в кожаной юбке из угла вагона, слегка покачиваясь, пересела на место напротив моего, очень красиво мне улыбнулась, широко раздвинула ноги и произнесла:

— Там ничего нет.

— Совсем ничего? — опешил я.

— Из одежды, — уточнила она.

Ну наконец, подумал я. Не соврали кенты. Просто чуть по времени не угадали... Следующие двадцать минут мы провели с ней в тамбуре, где было холодно, но у нее под юбкой было теплее. И там действительно ничего не было. Это происходило как в эротическом фильме на старой видеокассете — ровно до тех пор, пока она не спросила мое имя, а я, дурак, его не назвал. Она как-то вся съежилась, скрючилась, как будто яд проглотила. Я еще зачем-то добавил: «Хотите, паспорт покажу?» — я ведь тогда постоянно носил паспорт в кармане — ментам показывать, но этим окончательно все испортил. На ближайшей остановке она вышла без слов. Просто не попрощавшись.

На следующий день я вертел в руках бумажку с ее номером, который она успела оставить до нашего личного знакомства, и думал: звонить — не звонить? Вечером я все же спустился вниз и от вахтерши позвонил. Пока ждал ответа, рассматривал записки, которые там, прямо на столе у вахтерши, оставляли жители нашей общаги друг другу. Одна почему-то запомнилась навсегда. Там было написано: «Андрей, ***, оставь ключи!» Тут на том конце провода кто-то ответил, какой-то незнакомый взрослый женский голос. Я успел только поздороваться и попросить Алену, так ее вроде звали, но голос сообщил, что такая там не проживает, и в трубке пошли гудки.

Я плюнул на эту историю, поднялся к себе и сел за работу. В те дни я пытался написать рассказ на основе попавшейся мне от родственников рукописи. Это были дневниковые заметки моего прадеда, простого горца, который в царские времена отправился в поисках удачи на другой край света. Написанные от руки листы лежали передо мной, и я как раз работал над моментом прибытия их парохода в Канаду, когда вычитал эту фразу:

«Городское население Галифакса встречало нас с любопытством. Среди встречающих было много молодежи. Веселые, красиво одетые и очень культурные люди. Мне стало за себя стыдно и завидно в то же время. Я не мог на них насмотреться, и у меня потекли слезы от мысли, для чего мы, осетины, живем на земле, неужели только для того, чтобы коптить белый свет».

Я закрыл рукопись и лег спать к чертовой матери.

В последний день перед отъездом на море меня позвали играть в футбол против дагестанцев, я этого никак не мог пропустить. Обычно мы играли на поле за нашей общагой на улице Кораблестроителей. Дагов там жило много, и практически все были борцами, поэтому на поле они носились как лоси, и никакие наши хитрые тактики против них не срабатывали. Они просто нас перебегали. Мы играли все лето раз в неделю, и осетины проигрывали всегда, и с крупным счетом. Но в тот день как будто что-то случилось, я даже не могу это объяснить, но мы просто стали одним целым — я, Сос, Тамик, Азамат, Азат, Валера и другие. Мы вдруг просто стали одной командой — черт знает почему. Ну и Бен на воротах просто какие-то чудеса творил. Пот с меня катился, как с Зидана, мы сыграли основное в сухую ничью, потом так же и дополнительное. Когда пошли пенальти и мы начали забивать один за другим, даги принялись биться в истерике, такими злыми я их никогда не видел. Они просто не могли поверить в происходящее, да и мы сами тоже.

Когда настала моя очередь бить, мы уже вели в счете, и мой удар мог стать решающим. Я понял, что вот так неожиданно и пришел тот самый момент, который ты будешь вспоминать о себе. И уже через минуту будет ясно, что именно ты будешь вспоминать — что ты неудачник или все-таки что-то сумел. Я неплохо бил пенальти во дворе, не силой, но техникой мог уложить мяч в угол. Но проблема была в том, что еще никогда в жизни от моего удара не зависело так много. Это был самый главный матч в моей жизни. Это меня и подвело. Разбегаясь, я уже представлял, как мы празднуем победу, а этого делать было нельзя. Видимо, поэтому я ударил не очень удачно, верхом, но не сильно, и широкоплечий Мансур легко и без какого-то напряга достал мяч. А потом мы проиграли. Вечером мы все вместе сидели в коридоре общаги и пили

пиво, а я не мог смотреть ни на кого, особенно на дагов, которые были вообще-то классными ребятами, но в тот момент я не знал, кого я больше ненавижу — их или себя самого.

На следующий день мы с Белобрысой уселись в поезд, и я сразу залез на верхнюю полку. Я понимал, что в последнее время был немного не в своей тарелке от этой поездки, потому что впервые ехал в романтическое путешествие со своей женщиной на море — совсем как когда-то давно, наверное, мои родители, или чьи-то еще родители, и я понимал, что ни черта не готов к этому всему. И я решил спокойно поразмышлять над тремя вопросами.

Вопрос первый: куда движутся наши отношения с Белобрысой?

Вопрос второй: кто я?

Вопрос третий: будет ли когда-нибудь еще такой же важный матч в моей жизни, как вчера?

Решил начать с третьего вопроса. В футбол я играл ровно столько, сколько себя помню. В моем тбилисском детстве взрослые часто играли двор на двор, и, судя по тому, как они матерились, это тоже были очень важные матчи для них... А как-то раз весь наш двор замер от новости — Нугзар вышел из тюрьмы. Я слышал это имя всю жизнь, и не только потому, что его младший брат Алик учился со мной в одном классе. Просто это имя знал весь микрорайон, каждая семья в каждой девятиэтажке вокруг нашего маленького футбольного поля, а это очень много людей. И вот вскоре после того как Нугзар откинулся, взрослые устроили очередной крутеший матч двор на двор. Мы сидели на дереве, матерились как умели и болели за наших, а конкретно за Нугзара. Очень худой, быстрый, смуглый кожей. Вы бы видели, что он творил! Асфальт плакал под его ногами. Но он бы так не запомнился, если бы его выражение лица — полностью отрешенное, холодное, даже надменное, как и положено настоящему отсидевшему вору, ведь именно за это он и сидел. Это было сильнейшее впечатление.

Воровская романтика была тогда в большом почете, я даже сам не заметил, как стал вдруг разговаривать блатными прибаутками. Хоть убейте, не могу вспомнить, где я их понабрался, но в моем лексиконе появились частушки, шутки и мудрости по фене. И вскоре по двору пошел слух обо мне как о чуваке, который может этими знаниями поделиться. А так как русский язык я знал лучше многих во дворе, то вскоре к нам в дверь начали стучаться незнакомые люди и спрашивать меня. Мама насторожилась, а мне стало немного жутко. Особенно я поразился, когда два здоровых грузина, старше меня на пару лет, которые раньше часто меня доставали, подошли ко мне с блокнотом и ручкой и вежливо попросили записать что-то им там.

Один из тех двух грузин, Коба, часто ловил меня. Башка у него такая здоровая была, типа как у Сыроежкина в «Электронике», и голос похожий. Как-то он стащил с меня шапку и стал с ней кататься на велосипеде вокруг здания детского садика. Одной рукой держал руль «Школьника», другой мою шапку. Я был вне себя от злости, смешанной со страхом. До этого один курд отнял мои новые перчатки, которые я всего-то раз надел, и я не смог ничего сделать, слишком он был сильный и наглый, просто пришлось проглотить это. Но, возможно, именно поэтому второй раз я решил действовать. Когда Коба уже в который раз проезжал мимо меня, дразня и размахивая шапкой, я разыскал в кустах длиннющую ветку, разбежался и с криком «Мэ вар Дон Кихот Ламанчеури!» пронзил ею колесо велика. Грохот от падения был жуткий, я думал, Коба прибьет меня, но вместо этого он бросил мне шапку и начал громко, со слезами на глазах причитать по поводу сломанного велика. Я даже почувствовал ему, уж больно жалкими казались эти погнутые, вырванные из колеса спицы, похожие теперь на грузинские буквы.

Так вот, когда Коба со своим дружком подошел ко мне на улице с блокнотом и ручкой и попросил научить его блатной грамоте, я уже не боялся его, как раньше. Я выбросил окурок воображаемой сигареты, сплюнул в пыль и спросил его:

— А ты уверен, что ты этого хочешь?..

— Ну да, — ответил он.

— ...Или убежден? — медленней, со значением добавил я.

Он замолчал, ничего не понимая, но я его спас:

— Это и был твой первый урок, Коба. Никогда не молчи на разборках. Момеци шэни блокноти³.

Я стоял и с чувством победителя записывал там что-то типа «Крути педали, пока ***** не дали», и тут вдруг услышал холодный голос за спиной:

— На вора качаешься?

Я обернулся. Это был Нуғзар. Даже не знаю, с чем сравнить сам факт того, что он сам, первый заговорил со мной. Это значило, что я теперь в другой лиге. Я что-то промямлил в ответ, пытаясь скорчить такое же безразличное лицо, какое было у него, а он сказал что-то типа: «Маладец, бично», — и медленно пошел дальше смотреть, где что плохо лежит.

В те прекрасные дни воровство по мелочи стало нашим обычным делом. Рубль из бабушкиного кошелька на видеосалон, арбуз на базаре, яйца в магазине, микроскопы на складе... Про микроскопы промолчу, пожалуй, до сих пор не понимаю, зачем мы туда полезли. А зачем нам нужны были яйца? Да просто: поднимаешься на

³ Давай сюда твой блокнот.

крышу девятиверстки и кидаешь ими в прохожих! Они начинают ругаться, а мы, чтобы не поймали внизу, бежим по всей крыше от десятого подъезда до первого и дальше несемся по лестнице, заодно стучась во все двери. Кстати, арбузы нам нужны были для того же самого. Эх, видели бы вы, что остается от арбуза, сброшенного с крыши шестнадцативерстки... Ничего, большое мокрое пятно.

А как-то раз я украл настоящий мяч. У ребенка.

Я ничего не собираюсь говорить в свое оправдание. Но все же, может, этого бы и не случилось, если бы у нас был хоть один нормальный мяч во всем дворе. Я до сих пор не понимаю, почему в Советском Союзе был такой дефицит с футбольными мячами. Это никак меня не извиняет, но почему во всей нашей большой компании друзей мяча не было ни у кого? Ну я могу понять дефицит продуктов, это, наверное, не так просто решить, но дефицит мячей? Почему они стоили так дорого и почти никто не мог их себе позволить? Мы очень долго играли не мячами, а камерами. Резиновыми камерами от порванных мячей, у которых стерлась оболочка и осталась только камера, которую мы клеили-переклеивали по тысяче раз. Обиднее всего бывало, когда, ударяя ногой, попадаешь по твердому резиновому пупку этой камеры: это всегда было очень больно. А больше играть было нечем... Хотя один хороший мяч в компании у нас все-таки был — у Мамуки, но он хранился у него дома — в серванте за стеклянной дверью. И когда мы приходили к Мамуке, то подолгу стояли напротив этого мяча и просто смотрели. Так никогда и не достали его из серванта. А Мамука стоял чуть позади нас с довольным видом единственного обладателя этого сокровища и главного его охранителя. Его важность и надменность мы ощущали спинами — как и боязнь, что он перегрызет нам горло, попытайся мы дотронуться до этого мяча. Эту черту характера он удивительным образом сохранит и даже удачно монетизирует — через десять лет Мамука станет работать в охране у Эдуарда Шеварднадзе, тогдашнего президента Грузии, и получит в свой «сервант» вместо вялого мяча вялого старика.

Шанс поиграть нормальным мячом случался на школьной физре. Как предмета у нас ее никогда не было — учитель, ни имени, ни лица которого я не помню, кидал нам мяч и удалялся в свою каморку пить цинандали и рубиться в нарды. И правильно делал, потому что большего счастья для нас, пацанов, не существовало. Даже переодеваться в спортивное не надо было: скинул пиджак, снял галстук, закатал штаны, чтобы не пачкались, — и вперед. Играли в футбол с одноклассниками мне удавалось куда хуже, чем во дворе, ведь я был почти на год младше всех в классе. Поэтому приходилось всегда стоять в защите. Хотя какая там защита, все

просто носились за мячом толпой. Я же все чаще околачивался возле своих ворот. Но именно так я и забил лучший гол в своей жизни. Наши все побежали к воротам не наших и смеялись там в одну кучу. Я заскучал, так долго они там возились. Уже потерял интерес, но тут кто-то выбил мяч, и он, подпрыгивая на асфальте, устремился точно ко мне, прямо под правую мою ногу. Думать ни о чем не нужно было, я сделал шаг вперед и, чуть наклонившись влево, со всей дури вложился в удар. Все замерло, кроме мяча. Только он летел — над полем, над домами, над школой, над директрисой, над улицами, над блатными и над простыми, над деревьями и над собаками, над виноградниками, над холмами и даже еще выше, над Тбилиси и Кутаиси, над стадионом «Динамо», где шел матч, — пока, наконец, не влетел сквозь чьи-то руки, мимо удивленных лиц прямо в «девятку», и тут же под ним, вытянув руки, пролетел Заза Тамоев, который стоял на воротах. Через секунду я лежал на земле, а на мне сидел весь мой класс. Они меня били, душили, дергали за волосы... по-другому радоваться мы не умели.

А тот мяч, за который мне стыдно, он просто свалился на нас в один день. Был день, мы сидели у кромки нашего футбольного поля во дворе и болтали о том, чье кунг-фу сильнее, и тут я увидел, как на балконе, кажется, десятого этажа ближайшего корпуса появился малыш с мячом в руках. Переваливаясь с ноги на ногу, малыш поднял свою ношу над головой, дотянулся до перил (уже в тот момент я сказал ему мысленно: «Давай, я знаю, ты можешь это сделать...») и скинул его вниз. Мой план был готов еще до того, как мяч коснулся земли. Я быстро поймал прыгающий мяч, подобрал с земли осколок стекла, нацарапал на мяче крестик и велел всем сейчас же начать играть в футбол. Через пару минут из подъезда дома вышел отец малыша и приблизился к нам с претензией. Уже зная свою роль, я подскочил к этому дядьке и ткнул ему свежим крестиком на мяче в лицо:

— Ай, нахе!⁴ — Дескать, мяч-то наш, мы его давно пометили, чего хочешь?

До сих пор помню, как он почесал свою тыкву, развернулся и ушел. И до сих пор не понимаю, как это возможно. Актер я тот еще, но, видимо, наглости уже поднабрался к тому моменту, это и сработало.

Это был легендарный мяч. Забыл сказать, что он оказался баскетбольным. И следующие два года мы играли в футбол баскетбольным мячом. Тяжеловат, конечно, но ничего, привыкли. В каких только приключениях он с нами не побывал... Мы им так дорожили, что даже с Олежкой стали вести подсчет его «смертей»,

⁴ Вот, смотри!

то есть случаев, когда мы его чуть не лишились. Как-то раз я запустил его в окно первого этажа в первом подъезде нашего дома и разбил стекло. Мяч залетел внутрь квартиры. Вскоре из стеклянного пролома высунулся голый по пояс молодой дядька и на грузинском спокойно пригласил нас зайти. Мы наложили в штаны, но делать было нечего, зашли. Дома этот спокойный тип оказался уже в майке, сел напротив нас и долго молчал. Он не стал устраивать скандалов, искать родителей и все такое, хотя было заметно, как он недоволен. Просто помолчал для важности, попугал своим молчанием — и отдал мяч. Достойный чувак, спасибо ему. Когда мы уходили, из комнаты с широкой улыбкой вышла молодая женщина в халате, и мы потом весь день ржали с Олежкой, что не просто окно выбили чуваку, но и секс обломали.

В другой раз мяч тонул в Куре, это было в районе Диубе, и мы бежали за ним очень долго, с пару километров, наверное, пока его не начало прибивать к берегу и какой-то взрослый не спустился по внутренней лестнице и не поднял его нам. И таких клинических смертей у того мяча было штук с двадцать, не меньше, мы ведь с утра до ночи на улице околачивались и в приключения попадали.

А через несколько дней тем летом случилось землетрясение. Был поздний вечер, дома у нас все готовились спать, и когда все зашаталось, мы сначала подумали, что это опять Любимовы с шестого этажа над нами устроили дискотеку, но потом наша люстра из чешского хрустала задрожала так, что с нее искры посыпались. Мы всей семьей бросились вниз: я, самый младший, за мной папа, который потом сопьется, мама, которая умрет от рака, старший брат, с которым я разругаюсь, — все мы бежали вниз по лестничной клетке и держали друг друга за руки. Все ходило ходуном, двери распахивались, соседи выскакивали из квартир, из мусоропровода выпрыгнула прямо на меня гигантская крыса, а когда мы уже были на первом этаже, вырубился свет. В полной темноте выбежали на улицу спального района на краю гигантской империи. Через несколько минут людей на улице стало столько, сколько на Маракане, когда Бразилия в финале проиграла Уругваю. Кто-то успел взять с собой одеяла, хотя было очень тепло, другие просто громко кричали. Мы семьей стояли, обнимая друг друга, и мама так сильно прижимала меня к себе, что было даже чуть-чуть больно. Постепенно страх отступил, люди начали по-соседски болтать, зазвучал смех. Через минуту я услышал знакомые звуки: кто-то лупил по мячу на поле, за глухим ударом ноги о мяч следовал звонкий удар мяча о железную сетку забора. Не успел я удивиться этому, как услышал позади знакомый низкий голос:

— На ворота встанешь?

Я обернулся. Это был Нугзар. Он широко улыбнулся, сильно обнял меня, а потом земля снова задрожала, раздался скрип колес, и я проснулся.

Было утро следующего дня, поезд быстро приближал нас к курортам Черного моря. Белобрысой нигде не было, я слез с верхней полки и огляделся. По-хорошему надо было идти умываться, но в те дни туалеты в поездах закрывались на время стоянок. Прекрасная была пора.

— Молодой человек, — услышал я женский голос. В отделении купе напротив сидела женщина каких-то там лет, точно не моих. Накануне я ее тут не видел. Немытыми глазами я уставился на нее. — Вы знаете, — сказала она, — у вас очень белая кожа.

Ну началось, мелькнуло в голове. Так, надо сказать свое имя, а если понадобится, то и фамилию. Чтобы сразу избавить себя от глупых эротических игр.

— Знаете, дама, — сказал я, — снаружи я белый, но внутри — насквозь черный. Даже прописку могу показать. Вы и имя такое вряд ли слышали. Его даже мой научрук не смог запомнить, а он-то человек знающий — профессор, голова!

Тут дама неожиданно оборвала:

— Можно вам дать совет?..

Я насторожился, а она продолжила:

— С такой нежной кожей вы быстро сгорите на море. Вы же, петербуржцы, по полгода там у себя солнца не видите. Вам сгореть — нечего делать. И подруга ваша такая же.

Петербуржцы, значит... Это мы-то с Белобрысой... Которая хоть и белобрысая, а в паспорте у нее похлеще моего набор глухих согласных.

— Спасибо, — сказал я вполголоса. — Большое человеческое спасибо за этот совет... — И зачем-то уже громче прибавил: — Кстати, а знаете, как по-осетински «Петербург»?

— Мне-то это зачем? — вдруг напрягшись, спросила дама.

— Бетырбух, — сказал я.

Через сутки мы с Белобрысой вывалились в ужасно жаркий день на вокзале Анапы, прямо в шумный шалман местных жителей, предлагающих жилье. В городе мы сняли комнату в пристройке у трансформаторной будки, а оставшиеся деньги распределили по дням. В сутки нам будет хватать на еду с рынка и литр крепленого краснодарского вина. В первый же день я сгорю на солнце так, что весь покроюсь волдырями размером с теннисный мяч и ко мне нельзя будет прикасаться все две недели.

Петр ЙИЛЕМНИЦКИЙ

КОМПАС В НАС

ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА

ПЕРЕВОД СО СЛОВАЦКОГО В. ПУКИША
ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕДАКЦИЯ И. ХУГАЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Несколько лет назад, при изучении материалов по своей основной исследовательской теме, посвященной истории поселения чехов и словаков на российском Северо-Западном Кавказе в последней трети XIX века, автору этих строк довелось проштудировать творчество словацкого писателя (чеха по происхождению) Петра Йилемницкого (1901–1949), которое, как оказалось, тесно связано с Кавказом и Осетией.

Судьба П. Йилемницкого, который родился в Австро-Венгерской империи, а умер в социалистической Москве, который по-знал в свое время и учительство в сельских школах в Словакии и на Кубани (в чешском селе под Анапой), и жизнь в чехословацком кооперативе в Киргизии, и нацистский концлагерь, достаточно драматична; она изобилует неожиданными поворотами и сложными творческими и жизненными перипетиями, о которых любознательный читатель может узнать из хронологически последней публикации, посвященной его творчеству (см.: Пукиш В. С., Хугаев И. С. Роман Петра Йилемницкого «Компас в нас»: творческая история, жанровое своеобразие, этноисторический материал, идея-на тенденция // Известия СОИГСИ. 2021. № 40 (79). С. 91–110). Дублировать этот материал нет необходимости; читателям «Дарьяла» человек и писатель П. Йилемницкий вполне раскроется в тексте, который здесь предлагается его вниманию.

Личные впечатления П. Йилемницкого о жизни в Советском Союзе легли в основу двух крупных художественных произведений: романов «Звонкий шаг» и «Компас в нас». Кроме того, советской тематике посвящен цикл публицистических репортажей П. Йилемницкого «Два года в Стране Советов» (23 репортажа), а также 19 отдельных очерков, тематически объединенных заголовком «О борьбе и труде советских людей» и повествующих о

жизни северокавказской деревни в период после нэпа, в самом начале колLECTивизации.

В советское время Илемницкого в качестве представителя литературы соцреализма из «страны народной демократии» (как основоположника этого направления в словацкой литературе его даже называли «словацким Горьким») довольно часто переводили на русский язык. Однако романы на кавказскую тематику — «Звонкий шаг» и «Компас в нас» — на русский никогда не переводились, хотя в социалистической Чехословакии считались именно хрестоматийными образчиками литературы соцреализма — при всей их формальной самобытности.

Композиционно роман «Компас в нас» представляет собой цикл из трех пар новелл (всего шесть), обрамленных вступлением, интерлюдиями между новеллами и заключением, в которых автор выступает как рассказчиком, так и одним из главных действующих лиц. Сюжет первого плана разворачивается в Южной Осетии, в родительском доме осетинского писателя Чермена Беджызаты, к которому приезжает повествователь, его друг и соратник по перу.

Этот сюжет развивается, по сути, на протяжении трех ночей, когда Чермен, его отец Казбек и дед Тото (имена деда и отца в романе изменены) и их словацкий гость, сидя на крыше дома Беджызаты в селении Едыс, рассказывают по очереди истории, которые становятся своего рода иллюстрациями их неспешных отвлеченных бесед о человеческом счастье и его непременных условиях. Каждую ночь рассказываются две истории: одна — хозяевами, одна — гостем; соответственно, осетины рассказывают каждый по одной истории, а их гость — три.

«Словацкая» часть гораздо обширнее; если осетинские истории представляют собой новеллы или рассказы, то словацкие выступают полноценными повестями; таким образом, оригинальный текст П. Илемницкого достаточно объемен. Поэтому следует указать, даже несколько забегая вперед, что в предлагаемом переводе отсутствуют как словацкие сюжеты, так и те фрагменты «интерлюдий», в которых содержатся те или иные отсылки к последним. Это сделано для того, чтобы придать переведенной части романа смысловое единство и самодостаточность.

Прочитав роман Илемницкого «Компас в нас» в оригинале, я обратился к осетинскому филологу и писателю Ирлану Хугаеву (с ним мы познакомились и списались некоторое время назад по поводу творческого наследия Хаджи-Мурата Мугуева) с предложением перевести и издать «осетинские» новеллы из этого романа.

на на русском языке как интересное свидетельство, по меньшей мере, европейско-осетинских литературных взаимосвязей. В качестве первого, предварительного шага нами была опубликована упомянутая выше научная статья; сейчас же настало время и для премьерной публикации «осетинских» новелл П. Йилемницкого в переводе на русский язык.

Я весьма признателен Ирлану, ставшему литературным редактором перевода и написавшему примечания к тексту, касающиеся осетинской этнокультурной и исторической фактуры (здесь мы публикуем лишь часть последних, чтобы не отягощать внимание читателя); благодаря его участию в ходе работы были сформулированы новые проблемы, связанные с жизнью и творчеством П. Йилемницкого, вскрыты неожиданные коллизии и выработаны методологические подходы к адекватному и сбалансированному переводу осетинской части романа «Компас в нас».

Прежде всего в этой связи следует специально заметить, что сегодня нам достоверно известно лишь о двух встречах Йилемницкого с Беджызаты. В 1937 году в одном из интервью словацкий писатель вспоминал: «Чермен Беджызаты, с которым мы разговариваем в книге, — реальное лицо, писатель югоосетинского народа, живущего под Казбеком, и мой хороший друг. Я познакомился с ним в 1927 году в Москве, где он учился, — а через семь лет встретился с ним на [Первом] съезде советских писателей». То есть никаких документальных свидетельств кавказского путешествия Йилемницкого у нас — в том числе в осетинском литературоведении — нет, в то время как некоторые исследователи говорят о нем как о факте.

Конечно, можно допустить, что Йилемницкий умалчивает подробности своих отношений с Беджызаты из «политических» соображений: «Компас в нас» был опубликован в 1937 году; в том же году, как известно, был репрессирован Чермен Беджызаты.

Во всяком случае, это вовсе не праздные сомнения, они имеют текстологическое измерение и подоплеку и напрямую относятся к вопросам переводческой стратегии. Дело в том, что чтение романа Петра Йилемницкого не убеждает нас однозначно и решительно, что автор был в Южной Осетии. Мы не видимной должной «аутентичности» в художественном и этнографическом решении осетинской темы — в фиксации некоторых мифологем, этнографических деталей, в описании бытовых сцен (то же мы можем сказать и о кавказском пейзаже Йилемницкого: в нем, при всей его живописности, на наш взгляд, больше стилизации, чем признаков реального наблюдения). В конце концов, необходимый материал —

сюжеты осетинских новелл — он мог получить в ходе «задокументированных» встреч и переписки с Черменом.

Здесь актуализируется еще одно обстоятельство. Тематически и композиционно «Компас в нас» перекликается с повестью Чермена Беджызаты «Башни говорят», опубликованной в начале 1935 года в югоосетинском журнале «Фидиуаг». Эта повесть также представляет собой цикл новелл о смене старого мира новым, также обрамленных сюжетом первого плана, в котором действует старик Баймат, рассказывающий студентам свои истории из прошлого Осетии. Беджызаты посвятил произведение своему деду, Левану Беджызаты (ок. 1820–1942), который был известным в Осетии сказителем, знатоком устного народного творчества. Тем самым он, очевидно, опосредованно указал на первоисточник своих сюжетов. Соответственно, образ Баймата сближается с образом Тото, деда Чермена в романе П. Йилемницкого и рассказчика первой, самой архаичной из новелл «Компаса», и мы вполне определенно можем связывать творческую историю романа Йилемницкого с фамилией Беджызаты (Бегизовых), в которой всегда бережно хранились «преданья старины глубокой».

Наконец, выяснилось, что «осетинские новеллы» были уже переведены на осетинский язык и публиковались в журнале «Мах дуг» (Йилемницкий Петер. Нæ хъыбыллаæ — нæхæдæг. (Сæргæндтæ романæй.) / Малиты Х. æмæ Хæблиаты С. тæлмац // Мах дуг. 1982. № 7. С. 43–64). Ирлан Хугаев, изучив этот материал в сопоставлении с нашим первоначальным русским переводом, пришел к выводу, что осетинские переводчики сталкивались с теми же проблемами и коллизиями, что и мы, и так же, как, в конце концов, и мы были вынуждены допустить некоторые лексикеско-стилистические отклонения от оригинала и внести определенные корректизы в его фактографию.

В настоящее время мы готовим к публикации еще одну статью о романе П. Йилемницкого «Компас в нас», в которой намерены еще раз поставить вопрос о реальности кавказского путешествия П. Йилемницкого и специально рассмотреть авторские принципы и приемы решения осетинской темы, актуальные тем более, что Сафар Хаблиев и Хасан Малиев оставили свой перевод на осетинский язык без каких-либо комментариев.

Владимир Пукиш
(Будапешт, Венгрия)

Это было как во сне.

Я странствовал по чудесным краям, мало, как мне казалось, похожим на реальность, и встречался с людьми, всем своим обликом напоминавшими скорее силы стихий из наших детских сказок и героев приключенческих романов.

Но в то же время, продолжая насыщаться образами горных вершин, ущелий и темных пропастей, игрой светлых и темных красок, составлявших цвета этого дивного мира, я ощущал под ногами твердую землю, слышал человеческую речь, бесконечно удивительную и разную почти в каждом ущелье: это был не сон.

Я был на Кавказе.

На широкой дороге, высеченной в стенах скал, видя над собой грозно нависающие утесы, а под собой стремнины и пропасти, где клокотали горные потоки и водопады, в заранее обусловленном месте я встретился со своим другом.

Я узнал его издалека. Он несся верхом на лошади, еще одну держа под уздцы правой рукой. В мохнатой шапке, сдвинутой на затылок, в черкеске с разевающимися полами, с искусно разукрашенным кинжалом на окованном серебром поясе он казался мне скорее рыцарем из сказки, спешившим на бой с драконом. Я не привык видеть его в парадном одеянии кавказских горцев. Мы познакомились в Москве, где он носил европейский костюм, достать который в то время было большой удачей. Там я часто наблюдал, как он нервно грызет карандаш, переживает над открытой книгой или работает в типографии. В Москве он изучал журналистику.

Увидев меня, он соскочил с коня и бросился было мне навстречу. Но я увидел гримасу боли на его лице — и он, взяв коня за уздечку, направился ко мне медленно и смиренно, прихрамывая на правую ногу. Проходивший мимо старик с острым носом, скорее похожим на орлиный клюв, красивой бородой и телом, будто сплетенным из ивовых прутьев, сделал сердитое движение и исторг пригоршню звуков, напоминающих рык хищного зверя. В ответ мой друг улыбнулся и махнул рукой.

Меня это удивило, но Чермен ничего не объяснил. «Не так давно ногу сломал», — сказал он только, и сказал так, будто речь шла о сломанном карандаше. Я больше ничего и не спрашивал, довольный тем, что снова его увидел, и радовался, что увижу этот край, о чём давно уже мечтал.

Дорога вела вниз. Мне казалось, что мы едем по местности, которую художник нарисовал, пребывая в состоянии транса, — таким головокружительно красивым и нереальным было все

вокруг. Образы, звуки и запахи стремительно атаковали здравый смысл, складываясь воедино в новый нереальный мир, который можно было ощущать лишь всей поверхностью тела, как какую-то сказочную купель.

Солнце сияло, выжигая в небе огненную дыру. Был ясный безоблачный день.

Мы прошли село, скопление каменных домов, прилепившихся к крутыму склону скалы, как гнезда ласточек, и, миновав поворот, увидели пред собой яркую долину. На вершинах, обступавших ее со всех сторон, были разбросаны древние сторожевые башни, внизу бурлила вспененная речка, взору открылись и крепости на скалах, и села по обеим сторонам дороги, домики, похожие на винные подвалы, и еще дома с родовыми башнями, огражденные каменным забором; мы встречали старииков, легко, как ветер, поднимающихся вверх по склонам, детей, играющих на узких уступах ущелий, и юношей, вооруженных с ног до головы.

Новые образы продолжали удивлять меня, и я не скрывал своего изумления. Чермен же лишь улыбнулся и только раз произнес с оттенком гордости:

— Это наша Южная Осетия.

Он все рассказывал мне истории древних крепостей и родовых башен, о которых сейчас писал книгу¹, вспоминал Москву и наших общих знакомых.

— Помнишь Молчанова? Я встречал его недавно в Тифлисе. Работает в редакции.

Конечно же, я помнил Молчанова. И сейчас еще он ясно предстает перед моим взором. Он был уроженцем Баку, писал хорошие стихи, которые часто читал мне, когда мы сиживали в кабачках на Красной Пресне или прогуливались по берегу Москвы-реки. Рассказывал он мне о Есенине, о бакинской жизни поэта по возвращении из Персии, и рассказывал с любовью — поэтому он мне и нравился. Как-то вечером мы зашли с ним в писательский дом, где молодые поэты должны были читать свои стихи; в программе вчера был и Молчанов. Было это в то бурное время, когда в партии развернулась острые борьба с оппозицией, когда студенты надолго забросили свои учебники, вместо них штудируя Ленина, когда все пребывали в нервной и взрывоопасной атмосфере. Я спросил его: «Что ты будешь читать?» «Северного оленя», — ответил он. Мне были известны эти стихи, в них автор выразил тоску животного, томящегося в зоопарке, напрасно мечтая о свободе и просто-

¹Речь идет о цикле новелл Чермена Беджызыаты «Башни говорят» (1935). (здесь и далее прим. переводчика и литературного редактора.)

рах родной тундры, — мне понравилось, что он выбрал именно это стихотворение. Я и не подозревал о причинах, определивших его выбор, которые стали ясны, лишь когда Молчанов появился на сцене. Он был бледен и явно возбужден. Он подождал, пока успокоится аудитория, и сказал: «Хочу представить вам свое стихотворение — «Северный олень». Я посвящаю его Льву Давыдовичу Троцкому». Зал зашевелился. Поднялась суматоха. Зазвенел колокольчик организаторов. А потом стало тихо. Молчанов, еще больше побледнев, читал так, как я никогда еще не слышал, и стихи его были безбрежны, как тундра, их интонация звучала, словно протяжная песнь ветра, а взгляд был наполнен мечтательной тоской, образом свободной дали, столь прекрасным, сколь может создать воображение. (Троцкий тогда сидел в алма-атинской тюрьме.) Закончив, Молчанов сразу же убежал за кулисы. У него едва хватило сил на такую демонстрацию. Прошло несколько дней, наполненных бесконечными собраниями и спорами, — Молчанова исключили из университета, и он уехал назад на свою бакинскую фабрику, чтобы там, в труде и общении с рабочими, оценить правоту своего пути... Все это пробежало сейчас у меня перед глазами. Я был удивлен.

— Так Молчанов работает в редакции? Он закончил учебу?

— Закончил. Он вернулся. Ведь было ясно — парень запутался, на время утратил способность видеть правду жизни, позволил себе увлечься поэтическими образами... Представь себе, как-то мы разговорились с ним о партии, об индивидуализме, о свободе... и он сказал: «Понятие свободы у меня всегда ассоциировалось с представлением о реке, ничем не ограниченной и абсолютно суверенной в своих проявлениях. Но теперь я знаю, что иногда река выходит из берегов, уничтожая все вокруг. Свобода, несущая вред, губительна. Свобода должна быть похожа на реку, укрупненную разумом. Она должна вести к определенной цели. К прогрессу. К всеобщему благу». Как-то так он говорил. Я не узнавал его.

Чермен замолчал.

Мы спускались по склону горы, приближаясь к какому-то селу, который откликнулся лаем собак. Небо было чистым, лишь над Кавказским хребтом тянулись белые облака. Скоро и их пелена разорвалась, и в этом просвете показалась далекая вершина Казбека, сверкающая бледно-розовыми и белыми бликами несказанной красоты.

Я все думал о Молчанове. Думал о его обращении, обо всем том, что представлялось мне в этой связи, и, когда мы уже подошли к селу, я сказал:

— Хотел бы я знать, при каких условиях может человек чувствовать себя совершенно свободным и счастливым...

Я не закончил свою мысль. Из села навстречу нам бросились собаки. Они с лаем кидались на нас и на лошадей, которые стали отбиваться от них задними копытами. Скоро мы повернули на тропинку, круто взбиравшуюся вверх. Тропинка сузилась, река внизу бежала все глубже и глубже под нами. Мы приближались к большому плоскому дому, огороженному каменным забором; над домом нависала старая родовая башня; вся усадьба производила вид фортификационного сооружения. Чермен сказал:

— Теперь мы дома.

Это был его родной дом, орлиное гнездо, в которое он возвращался каждый год.

Мы вошли в дом, нижний этаж которого покернел от вековой копоти. В открытом очаге, над которым на цепи висел котел, дожорал огонь. Сидевшая у очага мачеха Чермена встала и приветствовала нас. По лестнице мы поднялись в мужскую комнату. Там сидели его отец Казбек и дед Тото, оба очень похожие на старика, которого я видел в горах.

Мне представилась возможность разглядеть комнату: две кровати, прикрытые овечьими шубами, стол и лавка — это все, что там было. На стенах висели несколько дешевых репродукций и одна фотография в грубо сделанной рамке. На ней я узнал своего приятеля.

— Это фотография времен Гражданской, — сказал Чермен.

На фото Чермен был в полном вооружении: черкеска с газырями, патронташ, перекрещивающийся на груди, на плече — ружье, на поясе — кинжал; на одном из двух ремней, наброшенных на шею, висел бинокль...

— А что на том, другом ремне?

— Компас.

Вечером мы поднялись на плоскую крышу дома. Я не знал, как называются у осетин эти вершины, обступившие нас со всех сторон, но никогда я не видел ничего столь великолепного. А когда мой взгляд упал вниз, в ущелье, окутанное мраком, у меня просто закружилась голова.

Отец Чермена жевал табак и молчал. Дед его сидел, высоко подобрав колени и втянув голову в плечи; он был похож на дремлющую хищную птицу, но он не дремал: угольки его глаз двигались, зорко следя за скалами, на которых угасали последние блики заходящего солнца.

— Условия человеческой свободы и счастья? — Чермен вдруг вернулся к вопросу, который я задал ему еще днем, когда мы подходили к селу. — Мне кажется, что прежде всего не может быть счастлив тот, кто не освободился от страсти к богатству...

— Да, это действительно яд, который творит много зла, — подтвердил его отец, перекатывая во рту из стороны в сторону табак. — Дед мог бы многое об этом рассказать. Расскажи нам что-нибудь, отец... Какую-нибудь историю из старого времени...

Мы взглянули на старика. Он сидел, не выказывая никаких чувств, будто вопрос сына относился не к нему. Лишь взгляд его загорелся еще сильнее, чем раньше, — кто знает, может быть, от воспоминания, которое вертелось в его голове.

— О чём же вам рассказать? — спросил он и, не ожидая ответа, еще плотнее прижал колени к груди, пригладил свою белую бороду и начал говорить.

О том, как за овец платили человеческой кровью

Чтобы вы меня правильно поняли: в истории, которую я вам сейчас расскажу, речь пойдет о моем отце, о его брате по имени Разден, а также о моем брате и обе мне самом. Потом еще о старом нашем соседе Дзедзелове, о его сыне и о бывшем старосте нашего села. Из них всех в живых остался только я один.

Помню, что, когда я достиг возраста, в котором уже разрешалось участвовать в скачках, как-то пришел к нам в дом сосед Дзедзелов и сказал отцу:

— Послушай-ка, Мате, я вспомнил, что вы все еще должны нам. Когда твой дед строил рядом с вашим домом родовую башню, вам нужны были деньги, и мой дед дал ему в долг. Давно это было; только часть долга вы вернули. Я бы не говорил об этом, но сейчас мне нужны деньги. Отдай или деньги, или тридцать овец.

Мой отец рассердился:

— Разбойник ты и есть разбойник и душитель! Я знаю, что мой дед отдал твоему деду часть долга, а часть отработал косьбой. Чего ты еще хочешь — через столько-то лет?!

А Дзедзелов был тот еще скупой богатей. Обирал самые бедные семьи, а кому раз давал в долг, того держал уже в своих когтях до смерти. Он отвечал:

— Разбойником был твой дед! Мужчинам из вашего рода нравилось грабить народ в горах! А мы издавна живем в мире и по

справедливости. Поступай как хочешь. Заплатишь — хорошо. Не заплатишь — убью кошку на могиле твоих предков!² Ты услышал меня, Мате!

И ушел.

Отец не знал, что ему делать. Мы ему говорили, чтобы не плали. Уверяли его, что Дзедзелов не отважится исполнить свою угрозу, ведь тогда все село станет его презирать. Но он сказал:

— Вы не знаете Дзедзелова! Убьет кошку, увидите! — и боялся даже думать об этом.

— Даже если знает, что долг заплачен? — спрашивали мы отца.

От страха отец даже стал юлить, хоть и знал, что мы ничего не должны:

— Долг заплачен. Я слышал об этом еще в детстве. Но я могу и ошибаться. Не знаю. Ведь поставить родовую башню стоит недешево, не так ли? И хотя наша меньше, чем сельская, гляньте, сколько камня пошло на нее! Недаром ведь говорят: «Из разрушенного села не построишь башню, но из развалин башни можно построить целое селение!» Дзедзелов — злой человек, и он может помститься. Лучше заплатить, чем позволить ему убить кошку на наших могилах.

— Не плати! — отговаривали мы отца. — Расскажи об этом деле старосте!

— Староста заодно с Дзедзеловым, — сказал отец.

И заплатил: половину деньгами, а половину овцами.

Через какое-то время дядя Разден, брат отца, ехал верхом по тропе, предназначеннной только для восхождения. Вы ведь знаете — у нас в горах есть тропы, по которым можно только подниматься, и тропы, по которым только спускаются. Они известны каждому горцу. Идти верной тропой — это закон: тропы узки, и идущие навстречу друг другу на них не разминутся. Если на такой тропе встретятся два всадника, одному из них придется разве что шагнуть в пропасть.

Дядя Разден ехал через перевал в Куртатинское ущелье и дальше в Кабарду. Когда-то — это было уже давно, очень давно, о том у нас рассказывают разве что самые древние старики — кабардинцы не пускали наших горцев вниз на равнину³. Каждый, кто хотел спуститься, должен был заплатить. Отдать добрую накидку

² Убить кошку или собаку на могиле человека, «посвятив» ее покойнику, — у осетин смертельное оскорбление для всего рода.

³ После нашествия татаро-монгол (XIII в.), когда предки осетин были оттеснены в горы, центральная часть предгорий Северного Кавказа была заселена кабардинцами.

из овечьей шерсти — шерстяную бурку, войлок, да к тому же еще и орлиное перо. В то время орлиными перьями оснащали стрелы, чтоб летели дальше и точнее били в цель. Но время было такое — ты отдашь им бурку и крыло, а они тебя все равно грабили. А ведь еще и в мое время опасно было ходить в Кабарду. Ну так вот, дядя Разден, хоть и давно уже никто не брал с нас орлиное крыло и бурку и не грабил, при себе имел свое ружье, пистолет и кинжал.

Он ехал вверх; перед ним была стена нависшей скалы, под ним — пропасть. Свернув за островерхий утес, он вдруг услыхал дробный топот. С утеса по узкой тропе сходили овцы, ряд за рядом. Несколько шедших спереди от страха прыгнули в сторону, но куда? Пропали в бездне. Остальные отчаянно блеяли. Пастух за причитал.

Дядя придержал коня.

— Ты ведь пастух Дзедзелова, не так ли? — спросил он. — Это его отара?

— Ой! Ой-ой! — причитал пастух. — Бедная моя голова! Он убьет меня!

— Как же ты посмел спускаться вниз по этой тропе?! Ты горец? Ты... Ну, что теперь будем делать?

Овцы взбесились, а ведь они глупы — с ними не справиться. Они ни за что не пойдут мимо коня. Разден спешился. Его добрый конь, привыкший к нашим тропам, сложил вместе все четыре ноги и осторожно развернулся. Так дядя Разден — о, то был славный горец! — впервые в жизни нарушил закон и поехал по той тропе вниз. И для того лишь, чтобы не погибли все овцы Дзедзелова. Так он в Кабарду и не попал.

Вскоре после этого случая пришел как-то мой отец домой с ныхаса⁴ и говорит дяде:

— Разден! Слышал я в селе, что Дзедзелов о тебе говорит. Что, когда его овцы упали в пропасть и разбились, ты будто бы еще и смеялся и говорил пастуху: «Скажи Дзедзелову, что это я их послал к его покойным предкам, — чтобы не голодали!» Это правда?

У дяди кровь выступила на лице. Он сказал:

— Так как я уважаю своих предков, я никогда бы не посмел оскорбить и предков своего врага. Дзедзелов лжет. И пастух лжет. Напротив, я нарушил закон гор только для того, чтобы Дзедзелов не потерял всех своих овец. Я мог бы ехать дальше, сметя в пропасть всю отару. Но я этого не сделал. Зачем же он клевещет? — Разден едва сдерживал себя от гнева.

⁴ Ныхас — место, где собираются на досуге мужчины, чтобы обсудить текущие дела общины.

Дядя был справедливым и благородным человеком. Он бы никогда так не поступил. Тем более — сказать кому-нибудь, что его предки голодают: это у нас самое тяжелое оскорбление, которое смывается лишь кровью.

Отец пригласил домой одного из своих приятелей, живших по соседству, и наказал ему:

— Иди к Дзедзелову и скажи, что он клевещет на Раздена и говорит неправду. Его пастух шел не по своей тропе, овцы испугались коня и, бросившись в сторону, сорвались в пропасть. О покойных предках Разден не говорил ни слова.

— Можешь поклясться? — спросил Раздена сосед. — Чтоб не вмешивать меня в нечестный спор...

И тогда, я это хорошо помню, дядя Разден кликнул пса, схватил его за хвост и поклялся согласно древнему обычью:

— Если неправда то, что я говорю, пусть мои предки едят одно лишь собачье мясо!

После такой клятвы сосед, конечно же, поверил Раздену. Но Дзедзелов не поверил. Не смирился.

Тогда уже отец с дядей видели: Дзедзелов отомстит им. Но не за оскорбление предков — это все он придумал, или же пастух ему рассказал со страху. За погубленных овец. Дзедзелов был богат и ненасытен, сердце у него болело лишь за свое имущество.

Мы скрывались в доме и в башне, чтобы родственники Дзедзелова на нас не напали в поле или в горах. Так продолжалось долгое время. Нам это было стыдно. Наконец отец махнул рукой и сказал:

— Почему мы должны скрываться? Дзедзеловы не смеют нас преследовать, ведь все в селе знают, что Разден поклялся...

Через два дня пришел отец домой с гор с разбитой головой. Он потерял много крови, был без сил и смог лишь выдохнуть:

— Дзедзелов Цицака.

То был его сын.

Мы все разом вскочили — дядя Разден, я и мой брат — и схватили оружие. Но отец лишь махнул рукой и прошептал:

— Не мстите за меня... Не будет этому... конца. Потребуйте... плату за кровь...

Дядя Разден взял нитку и измерил ею длину раны. Потом положил нитку на стол и стал выкладывать по ней зерна ржи: одно вдоль, другое поперек нити, как делали и хевсуры. Помню, поместилось пятнадцать зерен. Две трети от этого — значит, десять.

— Требуйте десять коров... Так положено обычаем...

Дзедзелов за кровь не заплатил. Тогда мы выследили и покалечили Цицкá, его сына.

С того времени между нами началась война. Дзедзеловы подстерегали нас повсюду. Мы не показывались из дома, разве что по ночам, днем сидели в родовой башне. Знали, что, если встретят кого из нас, живым не отпустят.

Время шло. Вся работа была на женщинах, потому что с женщин кровь не брали. А женщины неправлялись. Хозяйство пришло в упадок.

Потом мы услышали, что Дзедзелов насмехается над нами, говоря сельчанам: «Вот видите, какие они герои? Боятся!» Но знали мы также, что у Дзедзеловых в селе было мало друзей и что люди осуждают их. Ведь всем у нас было известно, каким скупцом был Дзедзелов, и никто его не любил. А все равно то, что он говорил о нас, причиняло нам боль.

Наконец Разден принял решение и сказал:

— Наш род, род Беджызаты, всегда был храбрым. Кто носил имя Беджызаты, тот никогда не трусил. Я не боюсь, пойду! — и добавил, повернувшись к отцу: — Нужно пасти овец в горах.

И пошел. И пас. А мы уж мыкались вокруг дома и делали то, что можно было там делать. По ночам мы караулили в родовой башне. По очереди — я, отец и брат.

Настали теплые летние дни. Почти каждый день шли грозы.

Как-то поздно вечером я караулил в башне. Разразилась гроза. Молнии сверкали, превращая ночь в день. Вдруг вдалеке в горах прозвучал выстрел — с той стороны, где пас овец Разден. Была у нас там времянка из камня и бревен. Там он и ночевал с овцами. Гляжу в ту сторону — сначала ничего не было видно, лишь молнии. Потом там вспыхнул маленький огонек, который постепенно стал расти, — что бы это могло быть?

Я закричал тем, что были внизу, в доме. Отец поднялся в башню.

— Да, как раз там пасет овец Разден.

— Что это за огонь? — спросил я.

— Думаю, он разложил костер, — ответил отец, но голос его дрогнул. Он хорошо знал, что на тех горах леса давно не осталось.

Рано утром, еще до восхода солнца, мы пошли в горы. Овец мы нашли в кошаре под скальным утесом. Времянка сгорела дотла; разрыв пепелище, мы обнаружили там обугленное человеческое тело. То был Разден, брат моего отца.

— Если бы дождь пошел раньше, он бы залил огонь. Тогда можно было бы понять, как умер дядя Разден, — сказал я.

Мы пошли сообщить старосте. Тот сказал:

— Чем же прогневал твой брат святого Илию⁵? Разве вы не видите? Это святой Илия-громовержец поразил его. Готовьте похороны.

Я не сдержался:

— Это Дзедзелов его убил! Я слышал выстрел!

Староста позвал Дзедзелова.

— Вот, говорят тут, что ты убил Раздена. А потом сжег его... чтобы все выглядело так, будто его ударила молния.

Дзедзелов усмехнулся и сказал:

— Покажи мне того человека, который решился бы убить, а потом позвать на помощь святого Илию с его громами и молниями. Или я бог? То, что они говорят, — ложь. Я не убивал. Ночью я был дома.

— Поклянись! — потребовал староста. Он был доволен тем, что Дзедзелов оказался так красноречив.

Дзедзелов осмотрелся вокруг.

— Есть ли тут какой-нибудь пес, чтобы я мог взять его за хвост? Или осел?

— Видишь, я и забыл, — сказал староста. — Все псы в горах. Позову тебя в другой раз, чтобы ты принес клятву.

Дзедзелов усмехнулся и ушел.

— А вы... готовьте похороны, — повторил староста.

Что мы могли поделать? Пошли готовить похороны.

— Как будем хоронить? — спрашивали мы отца. — Похороним его на том месте в горах, где он был убит, или положимся на волю случая, как велит обычай?

Некоторое время мы никак не могли договориться. В конце концов отец согласился с нашим предложением, чтобы место, где будет похоронен дядя Разден, определил случай, как это у нас было заведено, когда кого-нибудь убивала молния. Я именно этого и хотел, хоть и был уверен, что дядя не просто так сгорел во времянке, в которую ударила молния. Я всем говорил, что дядю убил Дзедзелов, а времянку поджег.

Мы приготовили двухколесную арбу и положили на нее тело дяди. В арбу запрягли двух козлов⁶.

⁵Святой Илия (осет. Уацилла) — бог-громовержец, покровитель хлебных злаков и урожая (миф.).

⁶Такого осетинского обычая нет. Но в этом пункте мы должны были следовать построениям автора, чтобы не нарушить собственно событийную канву.

На похороны пришло все селение. Только Дзедзеловы остались в своем доме. Мы уже все попрощались с покойником, когда один седой старик, который до самой смерти так и не принял христианскую веру, встал у гроба и сказал:

— Разден разгневал святого Илию. Помолимся ему, чтобы смилиостивился над Разденом. Святой Илия услышит нас. Опутает слепого змея Руймона⁷ веревками и вытащит его из подземного мира. Добрые небесные духи разрубят его на части. Души наших предков будут варить и есть его мясо и так воскреснут. С ними будет и Разден!

Мы помолились, и похоронная процессия двинулась в путь.

Я погнал козлов, и было у меня при этом одно желание: чтоб они остановились где-нибудь на земле Дзедзеловых.

— Куда ты их так гонишь? — спросил меня отец.

— Хочу, чтоб пошли к дому Дзедзелова, — шепотом ответил ему. — Хочу, чтоб до конца его жизни дядя Разден стоял у него перед глазами.

— Не делай этого! — сказал отец, дернув меня за рукав. — Не делай этого, наш спор так никогда не закончится. Хватит уже и одного горя...

Уступчивость отца претила мне. Кровь моя кипела. Я не мог допустить, чтобы наш род после смерти дяди Раздена сложил оружие, не осуществив кровной мести. Еще больше возмущало меня то, что семья Дзедзелова помстилась нам не за оскорбление предков и неуважение к роду, а за несколько овец...

Между тем козлы встали. На том самом месте, где сейчас могила. Похоронили мы дядю Раздена. Все было сделано так, как положено обычаем при похоронах убитого молнией. Черного козла мы зарезали над могилой, содрали с него шкуру и повесили ее на высокую жердь. Потом справили поминки: были горячее мясо и арака.

Но я никак не мог успокоиться.

— Дядю Раздена убил не святой Илия, — говорил я друзьям, — это Дзедзелов его убил.

Передали мои слова старосте. Пришел он ко мне.

⁷ Руймон (миф.) — чудовище, встречающееся только в западноосетинских (дигорских) фольклорных текстах. П. Йилемницкий вводит мифологему в текст, игнорируя этнологическую достоверность и решая чисто художественные задачи. Использование дигорской мифологемы указывает на то, что ряд этнографических сведений, в т. ч. о Бунатихицау (ниже), автор черпал из литературных источников, а не из устных рассказов Беджызаты.

— Ты, Тото, заткнись! — сказал он. — Молчи и не заедайся. Дзедзелов в ту ночь был дома. Вчера он поклялся в этом.

Потом мы услышали, как Дзедзелов угрожал: «Вот пойду и донесу на них куда надо, что они провели похороны по языческому обряду. Ведь столько лет они уже христиане, а все живут по-язычески». Только староста отговорил его от этого, потому что боялся, что как бы и его не наказали. Ведь он и сам был на похоронах, потому что ему захотелось араки и мяса.

Отец на те разговоры не обращал внимания. Он сказал: «Когда миссионеры пришли к нам в горы крестить, мужчинам давали по рубашке, а женщинам по зеркалу. К нам пришли, крестили нас, а рубашку не дали и поныне. Я сам был в депутации, когда мы ходили к начальству жаловаться на миссионеров... Пусть Дзедзелов сам заткнется, мы христиане — но придерживаемся и своих старых обычаев».

Тем это и закончилось.

С тех пор все изменилось. Род Дзедзеловых вымер: нашел на них мор, нет уже в живых никого из них. И старые времена тоже прошли. Вот и наша башня рушится. Нет у людей уважения к роду. Везде только молодежь, одни лишь «товарищи». От старика никто не примет совета. Никому нет дела до наших слов. Все перемешались. И каждый, кто только захочет, ходит по нашему Кавказу, как по своему дому. Это нехорошо. Увидите... нехорошо это. Не устану вам это повторять.

Лишь одну истину скажу вам. Так и Дзедзелов не был бы сейчас Дзедзеловым. Должен был бы сам куда-нибудь сбежать, или вы погнали бы его в суд. Вот такая истина.

Но, вы думаете, мне было бы довольно этого? У вас уже другая кровь, вы забыли законы предков, вам бы хватило и суда. Мне же — нет. Когда я прохожу мимо могилы дяди Раздена, до сих пор во мне бурлит кровь. За пару овец лежит там — неотомщенный! Но когда проходите мимо него вы, вы уж и не вспоминаете, какие были когда-то времена.

* * *

Старик закончил свой рассказ.

Уже погасли последние блики на самых высоких вершинах, и на каменный мир вокруг нас, под нами и над нами стали опускаться густые вечерние тени. Вдруг — в одно мгновение — небеса уподобились гигантскому ситу: разом зажигались мириады звезд.

В тени наступающей ночи лежал этот край — горы, ущелья и села, где и сейчас люди ревностно заботятся о чести своего рода; еще не так давно здесь в своей полной силе был обычай кровной мести, корни которого восходят прямо к культу предков. Времена менялись, но и теперь оно было так: не было за кровь иной платы, помимо крови. Впрочем, предок Чермена отдал душу совсем по иной причине. И, пожалуй, не он один, как и Дзедзелов не один страстно желал богатства. И случалось такое не только в те времена, о которых рассказывал нам дед.

Я смотрел на запад: где-то там за горами и равнинами лежит моя родина. Там — наши горы и долины, деревни и города, фабрики, поля и леса. Там живут наши люди, с которыми я дышал одним воздухом, люди, которые трудятся, как муравьи. Там их радости и горести, смирение, довольство, волнения и страсти — понятный мне мир вокруг них и в них.

Пока внутри меня вызревал рассказ старика, я представлял себе, как будто сижу на меже у своей деревеньки. Словно видел воочию, как мои знакомые крестьяне пашут землю, косят злаки, в поте лица зарабатывают себе на кусок хлеба, подгоняемые страхом голода и необходимостью обеспечить свою семью, — я видел их в этой хаотической битве, где каждый борется за свою пядь земли, бессмысленно и безоглядно, и было мне как-то не по себе. Я <...> сказал:

— Насколько я понял деда, Дзедзелов был богатей. Он и не мог повести себя иначе — так уж это устроено. Но намного страшнее, когда у человека нет никаких богатств, а он мечтает о них. <...> Вы избавились от людей, подобных Дзедзелову, и ликвидировали их частную собственность, и могу себе представить, что битва эта была непростой. Но насколько тяжелее людям будет искоренить в себе мечты о богатстве? Насколько тяжелее будет выстроить новые и чистые отношения? Чтобы стали братьями там, где сейчас один другому волк?.. <...>⁸

Окончание следует.

---

⁸ Здесь у П. Йилемницкого следует история «О двух братьях, когда один другого не признал» (новелла из жизни словацких крестьян из бедного Кисуцкого края), которую рассказывает гость, друг Чермена.

Батрадз ХАРЕБОВ

МОЯ МОСКВА

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Часть 2

Плевое ли дело найти себе руководителя в столице, без серьезной протекции тут было не обойтись. Кому, скажите на милость, нужен провинциал, к тому же с географическим образованием, которому требуется научный руководитель — демограф, которых тогда по всему Союзу можно было пересчитать по пальцам двух рук? Начать искать вслепую было делом бесперспективным.

Но тут мне крупно повезло, причем трижды подряд. В те времена то и дело выдвигались какие-то инициативы и проекты для поощрения передовиков и активистов всех мастей, которых собирали в Москве. И кому-то пришло в голову собрать со всего СССР молодых ученых и в качестве награды сфотографировать их в Кремле. Грузия получила свою разнарядку в двадцать человек. А уже внутри нее по одной вакансии были отданы Южной Осетии и Абхазии. Всего в Москве собралось порядка пятисот молодых ученых со всей страны. В их числе оказался и я.

Молодым дарованиям был устроен теплый, достойный прием. Расселили в лучших гостиницах, кормили как в цековских санаториях. Была разработана обширная культурная программа с посещением выставок, музеев, театров и концертных залов. Не обошлось и без обязательного посещения ВДНХ, Мавзолея и «Горок Ленинских». Апофеозом всего было фотографирование в Георгиевском зале Кремля. Нас разделили на группы по 30–40 человек, выстроили как в хоре в несколько рядов, где на переднем плане оказались члены ЦК и Правительства, депутаты ВС, маститые ученые, полководцы и всяческие другие лауреаты и орденоносцы.

Продолжение. Начало см.: Дарьял. 2025. № 1.

Но поскольку это были молодые ученые, то была задействована и Академия наук СССР, чтобы продемонстрировать гостям достижения советских ученых, деятельность научных центров. Чудесным образом грузинскую делегацию отправили для знакомства в Институт экономики АН СССР. Нас встретила группа академиков и профессоров, устроили нам экскурсию. Затем в актовом зале рассказали об истории института, его достижениях, основных направлениях деятельности. Одним из выступивших перед нами был доктор экономических наук Михаил Яковлевич Сонин. С его трудами я был знаком. Строго говоря, демографом он не был, в основном занимался экономикой трудовых ресурсов. Но это уже мне было как-то ближе. Под конец встречи нам устроили чаепитие, а затем — раздача подарков, главным образом книг под институтским грифом. Надо ли говорить, что весь этот пакет в результате оказался у меня, поскольку все остальные наши деятели были далеки от реальной экономики.

Во время неформального общения набрался смелости и рассказал Михаилу Яковлевичу о своих проблемах. Я говорил, что нахожусь в творческом поиске и терзаниях, мне нужен мудрый поводырь в этом лабиринте научных познаний. Между делом назвал книги моего собеседника, с попытками тезисования отдельных вопросов. На этом моменте интерес к моей персоне несколько возрос. Уже потом профессором было сказано, что он полагал, что его тексты полностью читали разве только рецензенты и редакторы.

После моих взволнованных речей профессор стал более внимательно визуально меня изучать, а затем устроил собеседование. При этом его больше интересовали не мои взгляды на экономическую науку как таковую, а беседы «за жизнь». В атмосфере братания в стенах института ни у кого не было желания отказываться в чем-либо нам, гостям. А пожелание исходило только от меня одного, что вполне объяснимо. После недолгого диалога с дирекцией Михаил Яковлевич попросил меня написать заявление, причем подробное и расширенное. Во время составления этого исторического документа он находился рядом и поглядывал на часы, как тренер во время забега его подопечного. Это мне показалось странным. Но потом мой куратор рассказал историю, как однажды ему прислали аспиранта из Средней Азии, который, как потом оказалось, вообще не умел писать. Так что для меня это была своеобразная проверка «на вшивость». Тут случились странность и очередное стеченье обстоятельств. Пятничный день ра-

бочей недели заканчивался, и мой новый куратор торопил меня сделать печатную версию договоренности, чтобы под ней успел подписаться директор института академик Гинзбург. Когда я поднялся в канцелярскую комнату, все пожилые сотрудницы дружно паковали щелкающие агрегаты. Мне было рекомендовано явиться в понедельник. Видя мою растерянность, одна из уходящих взглянула на мою писанину. Больше всего ее заинтересовала фамилия заявителя. И тут она выдала: не знаю ли я Жору Харебова. Эту личность, известного в Союзе ватерпольного тренера, я знал, но знаком с ним не был. Тем не менее я бодро поведал, что он мой дядя. После этого мое прошение было отпечатано, подписано и завизировано. В очередной раз звучная фамилия сыграла свою роль.

Мое дальнейшее будущее решилось росчерком пера, ни к чему, в общем-то, не обязывающим. Получив отступную с обеих сторон, я стал вольным стрелком с правом оглядеться. В Тбилиси были откровенно рады, что ушла одна из проблем. С одной стороны, свой клиент как бы оставался в обойме, а с другой — пусть его формирование станет заботой других. До поры и меня такая двоякость устраивала.

* * *

С осени того же года начался длившийся три года период моего московского бытия. Был он необычен, полон событий и развернут по всем составляющим. Об этих ярких проявлениях — с некоторыми подробностями.

Прежде всего следовало обустроиться. С этим все сложилось наилучшим образом. Мой близкий друг и одноклассник Феликс Тадтаев, окончивший мхмат МГУ, получил в Москве квартиру. Они с женой работали в подмосковных Подлипках в качестве программистов на ЭВМ. В понедельник утром чета уезжала на свой объект и в пятницу вечером возвращалась. Таким образом, всю рабочую неделю жилплощадь была в моем полном распоряжении. И хотя дом находился в спальном районе Бибирево, на окраине города, и добираться до института приходилось почти час, это было куда лучше, чем общага. Были и другие варианты, поскольку к тому времени в Москве проживали, причем на прочной корневой основе, многие мои земляки, в том числе и достаточно близкие. Но возможность жить, не стесняя кого-то, перевешивала. В понедельник я отправлял чету Тадтаевых

на их ответственный пост, в течение недели занимался своими делами и в пятницу встречал моих гостеприимных хозяев. Если на выходные не намечались какие-то совместные мероприятия (поехать в гости, посещение театров, выставок, музеев, просмотр кинофильмов), то я оставлял супругов, чтобы те хотя бы пару дней провели на своей жилплощади без постороннего присутствия, а сам отправлялся в город в поисках новых впечатлений, в стремлении быстрее вписаться в московский быт.

Мой московский круг общения был достаточно широк и разнообразен. Здесь были земляки, коллеги по аспирантскому цеху, новые знакомые из аборигенов и понаехавших. О самых заметных из них речь в той или иной форме пойдет ниже.

И тут на первом месте по праву и на полном основании опять же стоит Феликс Тадтаев. И не только потому, что он на самом моем московском старте принял меня, обустроил, решил многие проблемы и все время играл роль надежного и оберегающего тыла, но и по причине некоего духовного родства.

Познакомились мы с ним достаточно поздно, когда круг моих друзей уже практически сложился. Во многом это было связано с тем, что учились мы в разных школах и жили далеко друг от друга. Поэтому для личного контакта необходимы были особые условия, соответствующие обстоятельства. Они проявились, когда мы оказались в старшем классе математической школы. Мы быстро сблизились, несмотря на полную разность характеров и на то обстоятельство, что пробиться через его защитную броню было очень непросто. Возможно, нашему сближению способствовало то, что мама у него была Харебова, но, скорее, наша дружба строилась на взаимной симпатии, общих взглядах, нам было интересно общаться друг с другом, и, что немаловажно, в принципиальных вопросах мы твердо стояли на одних и тех же позициях. Феликс заметно отличался от всех нас, во многом он был и оставался одиночкой. Ему невозможно было что-либо навязать, жил он исключительно по своим понятиям, своему разумению, и в чем-то переубедить его было невозможно. Как человеческая натура он сложился рано, быстро повзрослел и по жизни ни в чем не менялся. Это был монолит, от которого невозможно было что-либо отслоить или что-нибудь на него нанести. Он категорически не переносил ложь, непорядочность, неискренность. Он любому в лицо мог говорить то, что думал, ничуть не опасаясь возникновения конфликтной ситуации или неловкого положения. Убежденность в своей правоте позволяла ему достойно выйти из любой

ситуации, ни на йоту не изменив себе. Он жил в своем обособленном мире и ничего менять в нем не собирался. Какие-то человеческие слабости (в том числе и мне) он мог простить, но всегда словом ли, взглядом ли давал понять, что здесь что-то не так. Но если некто переступал условную красную линию, Феликс для него «захлопывался» навсегда. Примечательно, что при всей своей прямоте и нетерпимости он был добр и отзывчив. Не припомню случая, чтобы он отказал кому-либо в помощи, а за своих всегда стоял горой. Уверен, что если бы сохранилась традиция биться стенка на стенку, то Феликс за свое упорство, несгибаемость и бесстрашие всегда был бы забивным бойцом.

Все мы в ту пору были в чем-то стадными особями. Однообразно одевались, отдавая предпочтение брюкам клеш, рубахам на выпуск и цыганским ремням. Носили патластые прически и отпускали бакенбарды. Употребляли свой особый сленг, отличались характерными повадками, пользовались различными приколами и примочками. Балдели от «Битлз», читали модных авторов. Феликсу все это было чуждо, он просто не понимал, зачем тратить время и усилия на все эти глупости, не имеющие никакого практического смысла. Одевался он подчеркнуто строго, никогда, например, не закатывал манжеты своих рубах. Прическа всегда была классической, а усы он стал носить с тех пор, как те стали у него расти, и они только подчеркивали его кавказскую красоту.

Повторяю, что напугать или оказать давление на Феликса, которого из-за обилия в нашем окружении лиц с таким именем мы просто называли Пешо, было невозможно. Не в его характере было приспособливаться и подстраиваться. А вот нам, его друзьям, приходилось что-то менять в себе, чтобы хоть как-то соответствовать. Уже одно его присутствие включало самоконтроль, внутренне мобилизовывало и вообще производило отрезвляющее действие. Все это приводило к тому, что истинных друзей у него было мало. И хотя внутренне он все же оставался одиночкой, любил веселое времяпрепровождение, но только в компании «своих».

Общение с Феликсом всегда было для меня благом, дружить с ним было интересно и познавательно. Он многому мог научить, но еще больше он старался учиться у других. Это был один из самых талантливых людей, которых я знал. Круг его интересов был весьма широк, и его таланты предметно проявились в самых различных областях. Его способности обнаружились рано, но он этим

никогда не бравировал. Он обладал феноменальной памятью и великими аналитическими способностями, много читал, много знал.

Феликс от природы был блестящим математиком. Одно то, что он образцово проявил себя, обучаясь в элитной тбилисской математической школе Комарова, о многом говорит. Уже после школы он определил для себя один-единственный ориентир — мехмат МГУ, попасть куда для выпускника из национальной провинции было маловероятно. Поступить при первом заходе Феликсу помешал аппендицит, с которым он тут же безжалостно расправился. Во время второй попытки не могли помешать никакие внешние силы.

В этом гвардейском, даже в рамках МГУ, подразделении Феликс чувствовал себя вполне вольготно, легко учился, без проблем сдавал экзамены и переходил с курса на курс. И с самого первого дня пытался определиться в своих предпочтениях. Выбрать себе специализацию. К тому времени до СССР наконец-то докатилась компьютеризация. Несмотря на то что эта диковинка была впервые создана в Союзе, из-за рубежа она вернулась как новация. Первые компьютеры в СССР назывались электронно-вычислительными машинами (ЭВМ). Феликс тут же заинтересовался чудесной новинкой, сразу поняв ее бескрайнюю перспективу. Ко времени окончания вуза он был уже вполне квалифицированным программистом.

Таких специалистов в стране были тогда единицы, и на них велась настоящая охота. Феликсом предметно заинтересовалось такое солидное ведомство, как Министерство обороны СССР. Чтобы максимально привязать его к себе и не допустить возможности переманивания, контора пошла на беспрецедентные шаги, обеспечив вчерашнего студента высокооплачиваемой должностью и квартирой в Москве. Пусть это была однокомнатная фата-ра (уже во время моего пребывания в ней она переформатировалась в двухкомнатную) и находилась в спальном районе Бирюлево (мы его по-свойски называли Бибылты хъæу), но это было то, к чему многие стремились всю жизнь.

Говоря о талантах Феликса, нельзя не вспомнить, что он прекрасно рисовал и посещал даже художественную школу. Мог бы преуспеть в этом деле, но рассматривал рисование как забаву, легкое увлечение. Со всей серьезностью он посещал секцию бокса и здесь добился определенных успехов. По крайней мере, уже в Москве становился чемпионом столицы среди студентов в

легком весе. También он прилично, пожалуй на уровне мастера, играл в шахматы. Поначалу я пытался ему противостоять, но потом от этого соперничества отказался.

Феликс был по-осетински красив, строен и благообразен, выделялся среди всех, невзирая на простоту нарядов и более чем скромное поведение. Несмотря на средний рост и полное отсутствие слуха, его чуть ли не слишком затащили в состав национального танцевального ансамбля московской осетинской диаспоры, особенно напирая на патриотизм. Сольных номеров ему, конечно, не давали, но и в массовке он общей картины не портил.

Танцевальный эпизод в жизни Феликса в чем-то принял роковой оттенок. В пару к нему в соответствии с ростом поставили знайную красавицу Фатиму. Она была много старше и опытнее Феликса, являясь чуть ли не коренной москвичкой. Была врачом высокой квалификации, имела обширные связи. Вполне обеспеченная, самостоятельная и благополучная, Фатима на кого угодно могла произвести впечатление, а перед ее напором мало кто мог устоять. Под ее чары попал и Феликс.

Ловеласом он никогда не был, в этом плане не разбрасывался, хотя его внешние данные многих привлекали и ни одна красавица не отказалась бы от его ухаживаний. Но всякий раз его выбор нас весьма озадачивал, удивлял. Мы представляли его избранницу хоть как-то соответствующей ему самому, но тут нашим мнением никто не интересовался.

С Фатимой все было иначе. Если раньше он сам делал выбор, то на сей раз выбрали его самого, да так, что он этого не заметил. Все развивалось столь стремительно, что Феликс, еще будучи студентом первых курсов, оказался женатым, а затем еще стал отцом. Только тогда к нему стало приходить отрезвление, он не мог понять, как оказался в таком положении и что предпринимать в дальнейшем. Как человек весьма решительный, он не стал тянуть кота за хвост и резко оборвал эту связь, окончательно и бесповоротно.

С таким развитием событий Фатима столкнулась впервые. Привыкнув самолично выстраивать все жизненные сценарии и добиваться своего, она не пожелала мириться с такой не устраивающей ее действительностью и бросила всю свою неуемную энергию на активные действия. В самой Москве ее действия особым успехом не увенчались — Феликс был непреклонен и всякие увещевания и посреднические потуги сметал с порога. И тут кто-то напомнил Фатиме о моем существовании, что якобы я имею

влияние на Феликса. Я тогда находился в Орджоникидзе и проходил педагогическую практику в одной из школ города. Дама не поленилась, примчалась в Осетию и довольно быстро нашла меня, хотя даже мои домочадцы не знали, где я пребываю.

Она поведала мне фантастическую историю, отдельные эпизоды которой непроизвольно ввергали в ступор. Я не верил ушам своим, а между тем все услышанное мною, как впоследствии оказалось, было сущей правдой. Я не знал, что и подумать и как на все это реагировать. Резюме подвела та же Фатима. Она сказала, что Феликса нужно спасать, так как он находится на краю бездны. Со своей стороны она пообещала сделать жизнь своего супруга сказочной, с исполнением всех его желаний. Он никогда ни в чем не будет нуждаться и добьется всего, к чему стремится. Поразительно, но я верил каждому слову и был уверен, что она полностью выполнит свои обещания. Пообещал, что обязательно предметно переговорю с Феликсом, ей этого на данном этапе было достаточно.

Такой разговор несколько позже состоялся. Феликс нисколько не был удивлен моей осведомленностью, а потому был краток: совершил ошибку, быстро исправил ее, к старому возврата нет. К этой теме мы не возвращались. Фатиму я больше не видел, иногда приходили какие-то расплывчатые подробности о ней, вплоть до ее безвременной кончины от тяжелого недуга. Что касается их общего сына, то с ним мне довелось познакомиться через много лет после описанных событий, но об этом ниже.

Эта брачная феерия, возможно, чему-то научила Феликса, но на характере его нисколько не сказалась. Он продолжал пробивать свой путь, ни на кого не оглядываясь и ни в чьих советах не нуждаясь. На последнем курсе он вторично женился, но сейчас все шло уже по им самим задуманному плану. С женой Галиной он прожил до конца рано оборвавшейся жизни. Таким образом, к моменту окончания МГУ Феликс Иванович обладал той вожделенной триадой, о которой мечтали все, но не каждый ее добился: достойная и хорошо оплачиваемая работа в Москве, своя квартира, московская прописка. А тут плюс еще жена с сыном — полный комплект.

* * *

Сами по себе москвичи — это отдельная общность, другая национальность и особое мироощущение. Столичники, как и известный португальский футбольный тренер Мауринью, считают

себя персонами «особенными». Истинных москвичей, чьи предки спаслись от пожаров, осталось чуть более десяти процентов от статистического резюме. Эту прослойку можно отнести к прочной группе рантье, которая существует на сдаче жилплощади, и академиков, застрявших в своих институтах с царских времен. Все остальное население составляют понаехавшие, коих потянуло в столицу в силу многих факторов и надуманных иллюзий: разнорабочие, торгари, исполнители всех мастей, спортсмены, неудавшиеся политики и иже с ними гуртом хлынули в Белокаменную и, что само по себе удивительно, чего-то добились.

Странное дело — Москву и москвичей за глаза все терпеть не могут, но, несмотря ни на что, стремятся в нее. Прожив в столице лет пять, эти новоделы начинают искренне возмущаться понаехавшими. Скажем, зачем интеллектуалы Ленинграда — Санкт-Петербурга массово двинулись в помещицью Москву, мало кто определит. Можно приблизительно предположить, что в поисках сътной и благополучной жизни.

Новоприбывшие в Москву, вне зависимости от общественного и профессионального статуса, вели себя удивительно похоже. Они уже на взлете переобувались. Начиналось сие преображение с внешних признаков: одежда, стрижка, скорость передвижения, пищевые пристрастия. Примерно через пять лет эти новоходы обретали себя как некую «племенную» исключительность. И именно от них будто бы исходит какая-то благость. Такие доброхоты чаще всего высвечивались в общественном транспорте. Эдакие adeptы расовой чистоты вдруг усматривали в иных персонах — со светлой шевелюрой и серо-зелеными глазами — генетическое несоответствие.

Все переехавшие в Москву, рассчитывая здесь закрепиться, связать свою судьбу со столицей, прежде всего стараются избавиться от своей провинциальности, стать поскорее такими же, как все. Но не всем это сразу удается — процесс притирки и переобувки может затянуться. Здесь мало приобрести московский говор, одеваться по столичной моде, вести себя как москвич, придерживаться определенного образа жизни. Ко всему прочему придется менять характер, ломать натуру. Считается, что москвики высокомерны, нахраписты и уверены в некой своей особости. За это, собственно, их и недолюбливают за пределами кольцевой дороги, да и те отвечают соответственно. Забавно бывает слышать от тех, кто прибыл в столицу пять-семь лет назад, как они

сокрушаются, что их, настоящих москвичей, осталось не более двадцати процентов. Они же убеждены, что все проблемы — очевиди, загруженный транспорт, товарный дефицит, рост преступности — от этих самых понесявшихся. Особо доставалось так называемым лимитчикам, хотя эти бедолаги за возможность жить без прописки занимались трудом (стройка, дороги, ЖКХ), за который имеющие прописку браться не желали. Сейчас этот контингент чаще называют гастарбайтерами.

Что касается Феликса, то он превращаться в москвича нисколько не стремился. Несмотря на то что он с шестнадцати лет жил только в столице, внутренне он всегда оставался сталинирцем. Южанский дух выветрить из него не получалось, хоть и внешнее давление было высоким. Он думал как цхинвалец, поступал соответственно, говорил и одевался как цхинвалец. За все это время у него, конечно, были однокурсники, сослуживцы, хорошие знакомые, добрые соседи, но друзья были только из своих, его всегда тянуло к землякам, в этой среде он чувствовал себя спокойно, расслабленно. Он не только отдыхал на наших традиционных посиделках, но будто набирался сил, энергии, подзаряжал себя, как японский аккумулятор. Без такой подпитки он долгое время продержаться не мог — у него портилось настроение, он становился раздражительным и даже резким.

Квартира Феликса и его супруги Гали стала приютом не только для меня. Сюда, чтобы перекантоваться, являлись люди самые разные, и не обязательно родственники или близкие. От таких «квартирантов» требовалось только одно: сообщать новости с родины, травить цхинвальские байки и насыщать обстановку особым, специфическим южанским духом. Однажды, прибыв в Цхинвал, я пошел с дежурным отчетом к родителям Феликса. В самых ярких красках расписал, как у того все прекрасно, как благополучно он живет, как его ценят на работе и как его любят друзья. Отец его молча меня выслушал, а потом сказал: «Ответь мне только на один вопрос: испытает ли мой сын затруднения, если среди ночи к нему ввалится пять здоровых мужиков?» Я заверил, что заставить того растеряться от любого нашествия весьма затруднительно: он всех накормит, напоит, устроит на ночлег и даже выдаст каждому свежее банное полотенце. Строго говоря, я не очень-то фантазировал, поскольку был свидетелем самых разных ситуаций.

Мои домохозяева, как указывалось выше, всю рабочую неделю находились в командировке в подмосковных Подлипках и в

Москве пребывали с вечера пятницы до утра понедельника. Свои выходные они делили на отдых, гигиенические процедуры и на культурную программу. В последнем случае к ним присоединялся и я. Мы ходили в кино, реже в театр и на модные vernissages. В морозные вечера отсиживались дома. У них была достаточно большая домашняя библиотека, и мы сообща решали сложнейшие кроссворды из еженедельника «Книжное обозрение», участвовали в различных книжных викторинах.

Поскольку Феликс с Галей бывали в своей квартире редко, с соседями они знакомы не были. Но каким-то неведомым образом подружились с пожилой супружеской парой с третьего этажа. Муж, Александр Яковлевич Абрамсон, был полковником в отставке и, пребывая на пенсии, директорствовал в одном из московских парков. Это был стариочек малого роста, аккуратный и благообразный. Даже дома одевался строго. На кадрового военного никак не походил, был начитан и, судя по всему, весьма хорошо образован. То, что этот персонаж совсем не простой, было ясно изначально. Иначе как объяснить, что он дослужился до полковниччьей папахи, а уйдя в отставку, ему была предложена весьма престижная и хорошо оплачиваемая должность. Истина обнаружилась не сразу. Как-то сосед обмолвился, что был военным инженером и уже во время войны разработал модель каски, которой до сих пор пользуется российская армия. Оказалось, что дело это довольно сложное. Я рассказал эту историю ленинградскому журналисту Аллану Биголову. Тот очень заинтересовался, поехал в Москву, нашел Александра Яковлевича и снял о нем документальный фильм. Сам фильм я не видел, поскольку Аллан скоропостижно скончался по неведомой мне причине.

Что касается супруги полковника, то она была полной противоположностью своего мужа. Это была большая, грузная, громогласная женщина. Из-за больных ног из квартиры она не выходила, но и внутри передвигалась с трудом. Она была грузинской еврейкой, родом из Гори; Грузию покинула так давно, что грузинский язык стала забывать. А мы с Феликсом, изрядно напрягаясь, что-то выдавали из словарного запаса, веселили ее. Привезли ей из Цхинвала лаваш, чурчхелу, ткемали, что настраивало старушку на ностальгическую волну.

Однажды Абрамсоны предложили нам обменять с доплатой их двухкомнатную квартиру на нашу однокомнатную. Полагаю, что деньги понадобились их дочери Нине, которая проживала в

соседнем Отрадном. Феликс сразу согласился, благо доплата была весьма скромной, и мы переселились с седьмого на третий этаж. Уже позже мои домохозяева обосновались в трехкомнатной квартире ближе к центру, но там я никогда не был. А когда сын Феликса женился и сделал его дедушкой, было решено расселиться, и московскую трехкомнатную разменяли на две двушки в подмосковном Пушкино. Оттуда Феликса и хоронили.

* * *

Как только появлялась возможность, Феликс приезжал в Цхинвал. Все время, на работе и дома, он проводил с супругой, а вот уходя в отпуск, могли разделиться. Сам Феликс отправлялся в отцовский дом, а Гая, сначала одна, а потом уже с сыном, ездила в Крым к родственникам. Мой друг, оказавшись на родине, испытывал настояще счастье — здесь все было так, как ему всегда мечталось. Общение с самыми разными людьми, вылазки на природу и обязательные застолья — та программа, которая его во всех отношениях устраивала, и здесь он ничего менять не собирался.

Когда обстановка вокруг Южной Осетии стала напряженной и становилось понятно, что вооруженное сопротивление неизбежно, Феликс поспешил в Цхинвал. Город был уже блокирован грузинскими боевиками, и пробираться приходилось чаще пешком по объездной дороге, через Зарский перевал. Во Владикавказе он объединялся с нашим общим другом Гиви Кочиевым. Причем с собой в тяжеленных рюкзаках они доставляли не только продукты и медикаменты, но и боеприпасы. И такие рейсы они повторяли не раз. Но Феликс не мог надолго покидать работу, когда-то надо было возвращаться. Уезжал он всегда неохотно, обещая вскоре вернуться. А вот Гиви каким-то неведомым образом убедил руководство физического факультета Северо-Осетинского госуниверситета отпустить его на неопределенный срок. Сначала он вступил в один из отрядов самообороны, а когда в Южную Осетию вошел миротворческий контингент, то пошел служить в осетинский батальон. В свою лабораторию в СОГУ он попал спустя два года.

Развал СССР коснулся практически всех. Одни обрели власть, другие стремительно обогатились, подавляющее же большинство многое потеряло: веру, надежду, дом, работу, деньги, связь с близкими и много чего еще. Уже потом Владимир Путин скажет,

что те, кто радовался распаду Союза, не имели души, а те, кто сейчас хотел бы вернуться в прошлое, не имеют мозгов.

Феликса все эти события, передряги и пертурбации коснулись самым непосредственным образом. Всем памятно, как увлеченно и стремительно разваливали советскую армию. Очень скоро оказалось, что лаборатория, которую он возглавлял, никому уже не нужна и никто платить служащим не будет. В одночасье безработным оказался не только Феликс, но и более ста его подчиненных, в том числе и жена. Конечно, специалист такой квалификации без работы бы не остался. Можно было бы предложить свои услуги какой-нибудь коммерческой структуре, включая банки и страховые конторы, но все это было нестабильно. Ежедневно что-то возникало, терпело крах и так же внезапно исчезало. Здесь все время следовало быть начеку и держать нос по ветру.

Поблуждав по разным структурам и не особо бедствуя, Феликс решил найти что-то пусть и не вполне по профессии, но стабильное и беспроблемное. Ему уже минул четвертый десяток, компьютерщиков и программистов в Москве уже было в избытке, а сами громадины ЭВМ стали приобретать все более миниатюрные формы. Но главное, он бесконечно устал от регулярных челночных перемещений и неустроенного быта. Стало ясно и то, что выросло новое поколение компьютерных гениев, тягаться с которыми с каждым днем становилось все труднее.

Когда ему предложили поработать компьютерщиком в крупной винно-коньячной фирме «Залда», то Феликс тут же согласился. Дело в том, что фирму возглавляли братья Габараевы (свой завод они назвали в честь родового села в Южной Осетии), а их кузеном был наш ближайший друг Славик (Буге) Джииоев. Таким образом, Феликс наконец-то оказался в своей среде, к чему всегда стремился. Нагрузки у него в разы снизились, а заработки выросли. Он всегда был худощав и строен, да и питался он в Подлипках кое-как. На новом месте проблем не было, волноваться было не за что. Всегда было что поесть, а кофе с бутербродами и пирожными никогда не переводились. Недостатка с выпивкой и быть не могло. К тому же в этом дружном коллективе всегда было что отметить.

В августовских событиях 2008 года Феликсу не довелось участвовать, он прибыл, когда Южная Осетия уже стала международно признанным суверенным государством. Выглядел он очевидно пополневшим, но, как всегда, благообразным. Он не мог не радоваться искренне тому, что мы одержали победу и

стали независимым территориально-государственным образованием.

А прямо под Новый год следующего года из Москвы пришла шокирующая весть: с Феликсом случился инсульт и он находится в коме. Объяснить, чем это вызвано и в чем, собственно, причина, никто не мог. Вспомнилось, что от инсульта еще нестарым скончался отец Феликса. В столицу срочно выехала его сестра Виолетта. Я каждый день звонил супруге Феликса Гале, но ситуация не менялась. А уже после Нового года она сообщила, что врачи ничем помочь уже не могут. Я срочно решил отправиться в Москву, но в ту зиму снега было много и добраться до Владикавказа оказалось сложно. С большими трудностями я все-таки добрался до столицы, но поздно: Феликса в живых уже не было.

На другой день целой группой наших ребят отправились в Пушкино. Было раннее морозное утро, у морга собралась небольшая толпа людей, среди которых мы увидели жену, сына и сестру Феликса. Нас долго не пускали внутрь. А когда зашли в помещение, я испытал настоящий шок: в небольшой комнатке стоял гроб, но в нем покоился совсем другой мужчина. Только потом я заметил, что у стены установлен еще один. Работники стали нас всячески торопить, так как вскоре должны были подойти родные другого покойника.

Отпевание проходило в местной церкви, и батюшка нес такое, что я ушам своим не верил. Здесь меня стали узнавать некоторые московские друзья Феликса, хотя сам я не вспомнил ни одного из них. Недоразумения продолжились уже на кладбище. Целый час искали смотрителя, еще столько же — работников. Кое-как нашли место захоронения. Пока мы готовились к траурным речам, замерзшая похоронная команда без нашего участия опустила гроб в могилу и стала срочно ее закапывать. Потребовать вернуть все на местоказалось нелепым. Так все в ускоренном режиме и завершилось.

Из Пушкино все двинулись в центр Москвы, где в осетинском ресторане близ кинотеатра «Россия» состоялись поминки. Собралось человек двадцать пять, вел стол бывший директор завода «Вибромашин» Амиран Гассеев. Рядом со мной сидел зять Феликса Валера Плиев, которому поручили сбор денег. Весь вечер тот недоумевал, что один из гостей внес в виде вспомоществования тысячу долларов. Сумма и меня озадачила, но много позже я узнал, что это был долг, который этот человек не успел вернуть Феликсу. Здесь же я познакомился со старшим сыном Феликса —

личностью весьма необычной. Мало того, что он оказался буддистом, так еще был тренером по капоэйре.

Если честно, не хотел бы быть похороненным в Москве. Цхинвальцы должны покоиться в Цхинвале. Что касается Феликса, вернее, сохранения памяти о нем, то сороковины, годичные поминки и все другие поминальные дни мы, группа его друзей, отмечали в Цхинвале с соблюдением всех принятых норм и процедур. Да поконится мой друг с миром.

После ухода Феликса мои контакты с его семьей практически прервались. Редкое телефонное общение с Галей позволило понять, что она, овдовев, сильно изменилась. Нянчила и воспитывала своих внуков, да и других детей, за плату. Стала набожной, у нее поменялись литературные вкусы, пристрастия. А мои сыновья продолжают общаться с младшим сыном Феликса Шамилем, при возможности встречаются с ним, что не может не радовать.

* * *

Конечно, я не собирался весь аспирантский срок стеснять Феликса, да и удаленность от столичных центров (в Бибирево тогда даже таксисты отказывались ехать, а сейчас там уже метро) утомляла. Со временем варианты у меня стали появляться, но я не мог предсказать, как на мои инициативы отзовется Феликс. А он мог искренне обидеться, чего я никак не хотел. И тут создалась благоприятная ситуация: мне удалось устроить в сельхозакадемию старшего племянника Алана. Я сообщил Феликсу, что на первых порах мне нужно будет за студентом присматривать и мне придется снять квартиру для совместного проживания поближе к институту. Не знаю, насколько убедила его моя информация, но ответил он уклончиво и нейтрально.

Тут мой знакомый мясник сообщил, что его хорошая знакомая сдает двухкомнатную квартиру в самом центре Москвы. Меня удивили расценки. Это жилищное чудо сдавалось всего за 60 рублей — размер невероятный и малообъяснимый. Сама квартиросдатчица сказала, что не хочет взвинчивать цену для своих. Да к тому же оговорила возможность изредка ночевать в одной из комнат. Это я вообще пропустил мимо ушей. Сам дом представлял собой трехэтажный дворянский особнячок внутри скверика. От автотрасс его защищали высотки, поэтому здесь царила пасторальная тишина. И это в двух шагах от станции метро

«Лермонтовская» (сейчас «Царские ворота»). Сама квартира оказалась весьма уютной, со вкусом обставленной, где было все, что может понадобиться, включая телефон.

Племянник мой, переночевав в этом жилищном чуде, заявил, что ему удобнее будет в общежитии: два шага от института с его библиотеками и лабораториями. К тому же можно будет готовиться к занятиям с однокурсниками. Подобное рвение мне понравилось, и перечить я не стал. Но этот фрагмент следует досказать до конца. С племянником я встречался на нейтральных территориях или созванивался с ним. Он рапортовал, что все у него хорошо и он благополучно вливается в дружный студенческий коллектив. Уже в конце осени я решил посетить академию и на месте убедиться, что все хорошо. Нашел аудиторию, где должен был находиться мой подопечный. Кучка молодняка, которая толпилась в коридоре, на мой вопрос об Алане только пожимала плечами. Это меня изрядно обеспокоило. Я пошел к куратору курса. Она внимательно на меня поглядела и потом сказала, что такой студент у нее значится, но она первый раз его увидела в конце октября. Чтобы внести полную ясность, я решил прийти на первый экзамен. В то время у меня гостил другой племянник, двоюродный, джавский Эрик, студент Орджоникидзевского меда, которого невесть зачем занесло в Москву.

На экзамены поехали вместе. Здесь процесс шел полным ходом, но Алана нигде не было. Пошли в общежитие, где долго узnavали, как найти пропавшего. Чтобы пройти в нужное место, надо было подняться на пятый этаж, пройти насквозь все общежитие, а затем спуститься в подвал. В подземелье нашли иско-мую комнату. Она была пуста, если не считать безмятежно спящего Алана. В моей руке был кейс, набитый книгами, который тут же обрушился на голову почивающего. От неожиданности тот подскочил и долго хлопал глазами, не понимая, где он и кто мы. Я поинтересовался, знает ли он, что у него экзамен. По лицу Алана пробежала волна сомнения, затем он неуверенно кивнул. Еле сдерживаясь, я спросил, что он собирается делать. Тот честно признался, что неплохо бы пообедать, за что получил еще одну плюху кейсом по голове. Я был в бешенстве, а моего спутника Эрика, как потом оказалось, это очень забавляло. Он потом не раз в лицах изображал эту картину. Вместо столовой я потащил студиозуса в институт. По прибытии оказалось, что экзамен благополучно завершился. Пришлось идти к декану и уговаривать его разрешить сдачу, приводя всяческие убийственные доводы.

Пожилой армянин внимательно меня выслушал, а потом сказал, что, во-первых, все уже ушли и, во-вторых, «в чем проблема, когда можно спокойно в назначенный срок прийти на досдачу». Сессию Алан благополучно провалил, а поскольку он и лекций не посещал, то его без лишних слов отчислили. Тот облегченно вздохнул и с радостью вернулся в Цхинвал.

А я продолжал блаженствовать на «Лермонтовской». Место было столь привлекательным и коммуникационно удобным, что редкий день обходился без гостей. Обычно это были свои, но иногда случались неожиданные визиты. Изредка появлялась дама, сдавшая мне квартиру, и, если в это время заставала посиделки, охотно присоединялась. Холодильник мой всегда был полон, а за квартиру и телефон платили мои более состоятельные сородичи. Впрочем, тот же порядок сохранился и во время моего проживания на других московских квартирах.

Так я прожил осень и зиму, наступила весна. В один из дней раздался звонок в дверь. На пороге стояла молодая миловидная и хорошо одетая женщина. Она удивленно взорвалась на меня, а потом поинтересовалась, кто я и что здесь делаю. Я назвался и сказал, что квартиру мне сдали и я исправно плачу за нее. Мои слова ее еще более озадачили, и она поинтересовалась, кто именно сдал квартиру. Когда я ответил, на ее лице промелькнуло некоторое понимание. Уходя, она заметила, что квартира эта, собственно, ее и она вскоре намерена в нее вернуться. Я ничего не мог понять, а дама, так щедро и удобно решившая мой жилищный вопрос, вдруг куда-то подевалась. Через короткое время опять случился звонок в дверь. На пороге стоял здоровенный амбал весь в коже. Последовали те же вопросы и те же ответы. Напоследок прозвучало, что это его квартира и мне даются две недели на сборы. Я бросился на поиски истины. Обнаружилась удивительная картина. Оказалось, что мои недавние посетители являются супругами. Муж был настоящим психом и ревнивцем и однажды во время очередной ссоры просто взял и выкинул свою красавицу-жену с балкона второго этажа (прямой выход из моей комнаты). Дама изрядно поломалась, и ее надолго определили в больницу, а муж, испугавшись привлечения, пустился в бега. Ключи от квартиры они оставили знакомой, чтобы та присматривала. Но та, поразмыслив, решила: зачем добру пропадать? Решила хоть немного нажиться на этом, оттого и столь низкая цена на элитную жилплощадь. А я благоразумно решил не повторять полеты со второго этажа и быстро собрал манатки.

Собственно, проблем с жильем у меня никогда не было. Почти у всех моих друзей были свои квартиры достаточной квадратуры, и приютить меня они могли, не особо напрягаясь. Но я не хотел пользоваться гостеприимством более чем на один-два дня. Исключение составлял Коля Цховребов, который на правах родственника зазывал меня, имея определенные планы на меня. Чаще это касалось охраны жилища, когда хозяева куда-то уезжали. Доверие ко мне было полное, плюс желание дать мне возможность пожить, как они говорили, в «нормальных условиях». Я артачился, говорил, что у меня свои дела. Но Коля мог уговорить кого угодно, хоть египетского Сфинкса. В виде бонуса мне оставляли холодильник, набитый деликатесами и отборной выпивкой, а еще выдавали денежное пособие, соразмерное нескольким моим стипендиям.

Но однажды ситуация усложнилась. Коля с семьей намылились на море на целый месяц. А до этого он купил щенка карликового пуделя с такой родословной, что самому Коле не снилось. Назвали его Скиф, но у этой породы к имени прибавлялся титул Басс. Так что наш песик по паспорту именовался Скиф-Басс. Мне оставили собачий корм и инструкции по его потреблению. А еще меня снабдили литературой на тему ухода и воспитания собачьего потомства.

Делать было нечего. Пришлось настраивать себя на длительное пребывание с домашним животным. Песик был премиенький, как, впрочем, все щенки. Пуделей стригут только с возрастом, а в детстве это забавный шерстяной клубок с мокрым носом и черными глазками. Уходил я утром, а приходил вечером — и всегда заставал сидящего у дверей в ожидании Скифа. Было очень трогательно, и я решил добавить к вечерним прогулкам утренние. С превеликим трудом ни свет ни заря выбравшись из объятий Морфея, я повел Скифа на собачью площадку. На мое удивление, здесь уже было много собак и их хозяев. Собачки весело резвились, а люди, собравшись в группы, вели научные беседы на кинологические темы. На какое-то время я упустил Скифа из виду, а потом не мог найти. Обошел всю площадку, залез под каждый куст, опросил весь человеческий контингент — Скифа не было. Я был в полной прозрачности, не знал, что делать. Не звонить же в милицию! А как объяснить, что уже во время первой прогулки умудрился потерять дорогостоящего щенка? Удрученный, пошел домой. У двери сидел Скиф и вопросительно поглядывал на меня. Утренние прогулки ему, по всей видимости, по-

нравились, и он стал ранним утром выводить меня. Для этого он придумал изуверскую процедуру — на заре прыгать мне в постель и грызть палец на ноге. Но и я, наученный опытом, уже глаз с него не спускал.

Однажды поутру раздался звонок в дверь. На пороге стояла строгая группа из двух женщин и одного мужчины. Они объявили, что являются посланниками Московского клуба собаководов. Их интересует, здесь ли проживает Скиф-Басс. Я призвал собачку, комиссия мельком на нее взглянула, достала толстый гроссбух и устроила допрос. Поначалу даже сделала какие-то замеры рулеткой. После этого последовали вопросы: сколько человек в семье, сколько получает глава семьи, есть ли в семье психические больные и т. д. Вопросы состояния здоровья, кормления и досуга породистого отпрыска их интересовали гораздо меньше. Напоследок они выдали несколько ничего не значащих советов и гордо удалились. Что самое интересное, эти же люди пожаловали еще раз недели через две, и история повторилась. Подумалось, все ли патронажные сестры оказывают такое внимание своему подопечному.

Наконец я получил известие, что хозяева возвращаются. Решил произвести впечатление и даже искупал Скифа в ванне с шампунем. Когда решил прихвастнуть этим обстоятельством, то мне тактично объяснили, что щенков этой породы до года не покупают. А у самого Скифа судьба здесь не сложилась — его невзлюбила Колина жена. Кульминация наступила, когда песик сгряз каблуки на почти двух десятках пар модной женской обуви. Видимо, и он не питал особых чувств к хозяйке этой обуви. Обладательница поруганных туфелек рыдала и поставила вопрос ребром: или — или. Коле пришлось смириться, и он отдал щенка дочери от другой женщины.

С моим юным титулованным другом я больше не встречался, хотя успел привязаться к нему. А он, говорят, вырос, стал проявлять способности, за что был отмечен всяческими собачьими медальками.

* * *

Вскоре мне отыскали новое жилье. Это тоже была двухкомнатная квартира, в которой одна комната была хозяевами закрыта. Она не шла ни в какое сравнение с моим прежним жильем. Единственный плюс заключался в шаговой доступности до метро

«ВДНХ». В ней не было мебели, но эти проблемы решились моментально, поскольку в мебельном магазине Коли было столько списанных экземпляров, что легко можно было полностью обставить небольшую гостиницу. Ну а с арабскими шелковыми одеялами случился даже перебор. Также оперативно решился вопрос с посудой. Мой одноклассник и дальний родственник Руслан Харебов проходил тогда практику в Центральном институте травматологии и ортопедии. А проживал в общежитии Академии общественных наук (влиятельная теща-министр организовала), где ковали партийную и хозяйственную элиту страны. Объект этот, конечно, был закрытым. Будущие небожители, помимо всего, начинали учиться здесь пользоваться благами и льготами. Скажем, не желаю идти в столовую, можно было заказать обед или ужин прямо в комнату. Использованную посуду выставляли в специальный отсек, откуда ее раз в день забирала обслуга. Руслан не поленился и собрал в большую сумку посуду, которая оказалась соразмерна полному столовому и чайному гарнитуру, вплоть до солонок и соусников. Эта добротная и впечатляющая посуда отличалась тем, что по бортам ее украшали буквы АОН, что нисколько ее не портило.

Тогда же я начал приобретать карликовые кактусы. Скорее, это случилось в силу обстоятельств. В нашей библиотеке ИНИОН (о ней ниже) познакомился с одной из сотрудниц. Такие контакты с профессиональной точки зрения были желательны, поскольку помогали работе. Наше общение скоро вышло за стены библиотеки. Моя новая подруга познакомила меня со своей мамой, которая работала в цветочном магазине, располагавшемся с тыльной стороны ресторана «Прага». Здесь же собирались московские кактусисты, беседовали на знакомые темы, обменивались экземплярами. Я тоже стал изображать себя adeptом этих колючек и скоро стал обладателем целого выводка шипастых шариков. К сожалению, забрать эту коллекцию в Цхинвал не смог, а персона, которой я ее оставил, уже тогда у меня особого доверия не вызывала.

* * *

Последним моим длительным московским прибежищем оказалась однокомнатная квартира у метро «Щукинская». Вообще, это была собственность доктора медицинских наук, ведущего хирурга-кардиолога больницы им. Бакулева Сослана Цховребова.

Он, кстати, был моим родственником, но я его никогда так и не увидел. Все расчеты и переговоры вел с ним Коля Цховребов. Наш квартал отличался тем, что народ здесь синхронно просыпался в пять тридцать утра. Дело в том, что в наших пределах находился институт микробиологии и иммунологии им. Гамалеи, который сегодня прославился на весь мир своей антиковидной вакциной «Спутник V». Там был питомник для сотен подопытных собак, которых именно в этот предрассветный час кормили, а те, стараясь ускорить этот благостный момент, начинали дружно лаять. Сакральность этого жилища для меня состоит в том, что именно сюда я вызвал Зарему — мою будущую жену, и здесь началась наша супружеская жизнь, на данный момент уверенно перешагнувшая за четвертый десяток.

* * *

Если с жильем все было предельно ясно, то с тем, как будет складываться мое аспирантское существование, еще следовало определиться. Дело в том, что здесь строгих рамок нет, нет и каких-то графиков, программ и прочих регламентирующих положений. Многое зависит от научного руководителя, структуры, к которой приписан аспирант и, конечно, от намерений самого аспиранта, от его целеустремленности, поставленных планов.

Институт экономики Академии наук СССР был, пожалуй, самым замшелым во всей академической системе, с самым высоким средним возрастом сотрудников. Это были сплошь академики и профессора, которые уже все давно сказали и на ученых советах обсуждали не перспективы советской экономики, а продолжали полемику, затянутую еще в годы их научной состоятельности. У этих корифеев, авторов учебников и разработчиков теорий, уже было все: квартиры, дачи, машины, звания, лауреатство, почет, уважение, научный авторитет. Здесь они, можно сказать, доживали свой век. Появлялись эти призраки на полдня два раза в неделю в присутственные дни. В это время институт оживал: сновали по коридорам лаборантки, чинно шествовали корифеи, эскортируемые своими аспирантами. Собирались в отелях и обсуждали, причем весьма мирно, какой-то вопрос, после чего расходились до следующего раза. Все остальное время институт погружался в полутьму, больше напоминая царские казематы. Довелось побывать в других академических институтах, в

частности — социологии и этнографии. Здесь все было иначе: много света, много движения, много шума, много открытых дверей, много молодых лиц. Наши академики все еще по инерции брали аспирантов. Но это был, скорее, ритуальный жест, реальной помощи от них не было никакой, да и не могли они уже. Аспиранты были предоставлены самим себе и работали как могли, довольствуясь тем, что в нужный момент авторитет их научных руководителей сыграет им на руку.

Совсем другой была жизнь аспирантов при вузах. Они по макушку были погружены в институтскую жизнь: проводили семинары, практикумы, лабораторные работы, дополнительные занятия и даже подменяли лекторов. Они пели в институтском хоре, играли в КВН, выступали в вузовских командах на соревнованиях. Здесь научные руководители снимали стружку со своих подопечных, все время держали их в напряжении. Поэтому эти соискатели быстрее добивались цели и будущее свое определяли четко и заранее.

Я понимал, что мне многому надо обучиться, поскольку запас специфических знаний у меня был невелик, лекций по демографии отродясь не посещал. Все мои познания черпались из книг и статей, да и здесь наблюдался очевидный дефицит. К демографии поначалу относились как к генетике или кибернетике, то есть как к псевдонауке. Основатель советской демографии Б. Ц. Урланис свою первую книгу по этой тематике опубликовал только перед самым началом Великой Отечественной войны. Да и то это исследование касалось народонаселения Западной Европы. Совершенно случайно я узнал, что каждую субботу в МГУ корифей демографии профессор Д. И. Валентей проводит нечто вроде семинара, на который съезжаются молодые специалисты со всей Москвы. Занятия начинались в девять утра (вставать в субботу в шесть утра соразмерно подвигу) и проводились прямо в кабинете профессора, благо он был достаточно вместителен. Обычно собирались человек 12–15, состав при этом постоянным не был. Все там друг друга знали, поэтому мое появление вызвало явное любопытство, но никто не стал допытываться, кто я и каким ветром меня к ним занесло. Занятия продолжались до обеда с перерывами на чай и кофе. До поры я тихо сидел в уголке и вникал в ситуацию. Обычно выбиралась какая-то узкоспецифичная тема. Сам профессор делал вступление, разворачивал тему. Затем все желающие могли высказаться по данному вопросу. Третья часть заключалась в том, что Валентей задавал конкретные вопросы, ча-

сто каверзные, ответы на которые ни в какой книге не прочтешь. В первых двух сессиях я участвовал только как слушатель. А вот на третьей, когда не нашлось желающих отвечать на поставленный вопрос, я рискнул высунуться со своим мнением. Теперь на меня посмотрели уже с интересом. На выходе Дмитрий Иванович все же спросил, какого племени я буду. Ответ его несколько озадачил, но потом он согласительно кивнул.

Мне еще предстояло сдать кандидатский минимум по специальности (философию и иностранный язык я сдал еще в Тбилиси). Такое можно было осуществить в институте социологии в строго определенный день. Все формальности снял мой научный руководитель одним телефонным звонком. Сдавали шесть человек, и, кроме меня, все были местные, а вот принимающая троица — элиты советской демографии Волков, Борисов и Кваша — внушала ужас. На вопросы по билету я ответил вроде бы нормально. Но тут начались дополнительные вопросы, я завертелся как уж на сковороде. Отвечая на один из вопросов, процитировал западного демографа, что вызвало гримасу на лице у одного из экзаменаторов. Не знаю как, но тут же сообразил продолжить свою речь уже цитатой самого экзаменатора. Гримаса на лице сменилась довольной улыбкой. Напоследок меня решили добрить демографическими графиками. Это было иезуитское испытание, поскольку эти графические хитросплетения могли вынести мозг кому угодно. Вместо того чтобы пуститься в многословные объяснения, я взял и просто провел по графику пальцем, показывая демографические зависимости. Мой трюк произвел впечатление, и один из экзаменаторов даже признался, что до сих пор путается в этих штуках. Мне поставили пятерку, и я побежал к телефону, чтобы сообщить радостную весть шефу. Реакция Михаила Яковлевича оказалась неожиданной. Он сказал, «попробовали бы они поставить что-то другое» и что им самим уже пора кое-чему у меня научиться. Второй звонок был моим московским друзьям. Те сказали, что нисколько во мне не сомневались и столик в ресторане уже заказан.

* * *

Находясь в нашем накопительно-познавательном вакууме, приходилось восполнять пробелы многочасовым просиживанием в библиотеках. Подсчитал, что из трех лет, проведенных в Москве, треть пришлась на эти хранилища знаний. И здесь на

первом месте с большим опережением стоит библиотека имени В. И. Ленина, или просто Ленинка. Впечатляющий снаружи дом Пашкова с уже советской пристройкой и внутри потрясает своими пространствами и величавостью. Постоянный читательский билет соразмерен водительским правам или страховому полису США.

Внутри царила совершенно особая атмосфера, свой микроклимат. Трудно было представить, что за стеной бурлит и переливается всеми цветами шумливая столица. Приходить в Ленинку к открытию было сродни фанатизму. Но и особо запаздывать было нежелательно, особенно зимой. Гардеробная заполнялась достаточно быстро, и тогда вновь прибывшим приходилось ждать, чтобы кто-то двинулся на выход. Но это был только первый этап. Через каталог следовало заказать требуемую литературу. Заказ по пневмонической почте (еще одно местное чудо) отправлялся в подпольные закрома. В течение часа (в зависимости от объема и сложности заказа) книги собирались и лифтом доставлялись на раздачу. Но получить нужное не означало завершение предварительной подготовки. Надо было еще найти читательское место. В час пик можно было наблюдать, как одинокие фигуры, обняв кипы книг, блуждают по периметру читального зала, выискивая вожделенное свободное место. Иногда такие брожения затягивались, поскольку некие вредные читатели поутру занимали места, раскладывали свои книги и письменные принадлежности и до вечера исчезали. Но уж если место добыто, то можно расслабиться — пойти в курилку или просто уединиться в каком-нибудь укромном уголке, которых здесь было достаточно.

Обычно я работал в знаменитом, самом большом третьем зале, неоднократно воспетом нашим кинематографом. Здесь могло находиться одновременно до пятисот человек. А по не скончаемому периметру размещались книжные шкафы со словарями и энциклопедиями всех времен и народов, призывно поблескивая богато оформленными корешками. В те не столь далекие времена не было не только компьютеров, но и обычных ксероксов, поэтому нужные тексты просто переписывались вручную. Некоторые раритетные издания на руки не выдавались, но можно было ознакомиться с содержанием посредством микрофильма. Для этого прямо в зале был выделен отсек с монстрообразными агрегатами, посредством которых странички книги проецировались на монитор и переворачивались с помощью ручки на валике. При таком скоплении народа здесь всегда

была образцовая тишина. Но если кто-то непроизвольно кашлянет, то по всему залу прокатывалась целая кашельная волна, которая не скоро затихала.

Помимо своего зала я всякий раз посещал зал периодики, где с самого утра можно было ознакомиться с содержанием свежих газет, и не только центральных, но и региональных, а еще и зарубежных. Предметные залы можно было легко определить. Например, географический зал был увешан картами, а на столах лежали атласы. Еще сложнее, чем в саму библиотеку, было попасть в зал диссертаций. Очереди здесь растягивались на часы.

Попав и обосновавшись в недрах, преодолев при этом самые разные препоны, возникало законное желание воспользоваться достигнутым по полной, то есть сидеть до закрытия. Конечно, в процессе требовалось подзаправиться, а это становилось еще одной проблемой, поскольку столовая была одна, а жаждущих много. Образовывались змееподобные очереди. Правда, однажды я обнаружил еще один пункт питания на минус пятом этаже, но и это не сильно спасало. Особых разносолов здесь не было, цены — приближены к минимуму, но случались приятные неожиданности. Однажды, не веря своим глазам, я обнаружил спокойно выставленное в витрине пльзеньское пиво. Мимо такого чуда трудно было спокойно пройти, и я не устоял, взяв сразу целую коробку. Странно, наверное, было наблюдать, как главную библиотеку страны покидают уставшие и обогащенные знаниями персоны, среди которых затесался потеющий и крепко прижимающий к груди ящик чешского пива индивид.

Уже говорилось, что в недрах Ленинки жизнь текла в ином темпе, чем за ее стенами, да и сама она была особой. Понадобилось какое-то время, блуждание по нескончаемым залам и переходам, наблюдение за контингентом, чтобы составить хотя бы общее мнение о жизнедеятельности этого организма, его ритмике и энергетике. Сами читатели делились на несколько групп. Были те, кто приходил постоянно и на целый день. Работающими я их никогда не видел. Они вечно кучковались с себе подобными и вели нескончаемые оживленные беседы — предположу, что на одни и те же темы. Чаще всего они собирались в курилке. Даже курильщики со стажем выдерживали в этой душегубке минуты две, а этим все было нипочем. Были профессионалы. Эти четко знали, когда им приходить и зачем. Время у них всегда было расписано, и они знали, как обойти очереди. Они могли в мороз прийти без верхней одежды, чтобы не торчать у гардероба, а в поисках места

шли не в свой зал, а в те, где конкуренции не было. Эти по курилкам и столовым не бегали, в лучшем случае приносили с собой пару бутербродов. Большую группу составляли командировочные. Этих вечно лихорадило. С одной стороны, за короткий срок следовало освоить запланированные объемы (что было невозможно по определению), а с другой — посетить культурные центры столицы и купить подарки своим родным и начальству. Были и откровенные психи. Однажды был случай, который врезался в память. Многосотенный третий зал был погружен в послеобеденную тишину. Тут поднимается некая фигура и стучит карандашом по железному куполу светильника. Все головы поворачиваются на звон, а возмутитель спокойствия хорошо поставленным голосом извещает: «Дорогие друзья! Вы меня, конечно, извините, но я пошел домой».

Удивительно, но не было дня, чтобы я не встретил в Ленинке знакомого. Иногда это бывали такие персоны, которые давно выпали из поля зрения и я уже не надеялся их снова увидеть. Но чаще всего сталкивался с земляками, теми, кто приехал, и теми, кто здесь работает или учится. Конечно, это радовало, но при этом и несколько беспокоило. Дело в том, что, когда нас набиралось больше трех, то это уже была критическая масса. Появлялись идеи, выдвигались предположения, которые ничего общего с творческим процессом не имели. Один из наших уважаемых историков даже выдвинул и обосновал теорию, что человеческий мозг воспринимает новое и обогащается знаниями только в первую половину дня. Отсюда следовало, что пора сворачиваться и выбирать харчевню, где желудочное наполнение будет стимулировать дальнейшую мозговую активность. Для меня это означало, что рабочий день потерян, но добавлены ценные часы приятного общения. Так и не понял, уравновешивает одно другое или нет.

* * *

На третьем году моего московского проживания открыл для себя библиотеку Института научной информации по общественным наукам, сокращенно ИНИОН. Несколько лет назад об этом уникальном научном центре узнала вся страна, когда его то ли пожгли, то ли сам сгорел. В любом случае, наличествуют все признаки чудовищного преступления, а российская наука понесла невосполнимую утрату. Дико звучит и трудно представить, что

часть книжного фонда, который мало чем уступал Ленинке, пострадала от огня, а другую — затопили пожарные. Но это случилось много позже.

НИИОН впечатлял: в середине большого газонного пространства в конце Профсоюзного проспекта разбросало свои отростки институтское строение, которое развивалось не ввысь (четыре этажа), а вширь. Большую часть строений занимала библиотека. Это был совершенно другой функционал, чем в Ленинке. Здесь как бы прошлое, традиционное столкнулось с современным, новаторским. Поражали обилие света, развернутые во все стороны пространства, а стены заменялись стеклом. Здесь никогда не было очередей ни на входе, ни в столовой, ни в буфетах. Заказы выполнялись практически сразу. И здесь было еще одно преимущество — непосредственное общение с библиотечными и научными сотрудниками. Это были молодые, но уже хорошо подготовленные кадры, знающие языки и хорошо ориентирующиеся в новых веяниях, они могли подсказать и помочь. Неудивительно, что рабочие моменты перерастали в личное общение. Тут тусовки, как в Ленинке, выглядели бы дико, хотя мест отдыха и уединения было не меньше.

У библиотеки НИИОН были и другие преимущества. Во-первых, она была на одной линии метро с моим институтом. Кроме того, в двух остановках (в сухую погоду шел пешком) находилось единственное в Москве аспирантское общежитие. Здесь обитала часть осетинского аспирантского сообщества. Здесь же останавливались соискатели, практиканты и докторанты из моего Юго-Осетинского научно-исследовательского института. И именно здесь я познакомился, а потом и тесно общался и дружил с теми, кто потом стал лицом и гордостью осетинской науки. Один из них — безвременно ушедший от нас Вилен Уарзиати...

У аспирантского общежития было одно существенное преимущество. Эта шестнадцатиэтажная башня была одной из сторон коробки из жилых домов. В центре двора вместо спортплощадки или детских песочниц располагался пивной зал. У всех наших по этому случаю имелся трехлитровый эмалированный бидончик. Мое появление приводило к тому, что хозяева со своими посудинами дружным строем отправлялись в пивзал. Обратно вскорости возвращались со свежайшим пивом и сухой рыбой. Но это обычно было только началом процесса. Дело в том, что не было дня, чтобы у какой-то национальной общины не

намечались очередные посиделки. Личные праздники не в счет. Главное — этносодружества, которые немыслимы без гостей. Казахи и узбеки, например, не могли представить себе свой дастархан без осетин. Так и наши всегда приглашали за стол иноzemцев и иноверцев. Однажды даже вознамерились на Джегоргуба забить барашка прямо во дворе. Но тут возбудился местный люд, который обвинил нас в живодерстве и призвал не травмировать души детей. Животное пришлось умертвить в конспиративном порядке.

Понятно, что после посиделок и возлияний вопрос о моем уходе уже не стоял, меня следовало куда-то пристроить на ночлег. Обычно это был блок с «мертвяком». Это чисто общежитейский феномен. Общежитейские хоромы представляли собой обычную двушку на двух обитателей. Но иногда один прописывал во вторую комнату секции некое мифическое лицо, платил за него, и весь блок оказывался в его полном распоряжении. Здесь в случае чего можно было приютить странника.

* * *

Когда я только обустроился в столице, мой научный руководитель сказал, что мне надо обязательно посещать Московский дом ученых. Он же обеспечил меня пропуском в этот закрытый клуб и посоветовал вместо праздного шатания в свободное время посещать это ученое собрание. Дом ученых располагался на Кропоткинской в шаговой близости от института и Ленинки. С улицы виден был небольшой дворик, в глубине которого находился двухэтажный особняк дворянского образца. Впервые попав внутрь, я понял, что в очередной раз погрузился в особый мир.

Здесь было все. В принципе, в недрах этого многофункционального пространства можно было находиться от рассвета до заката. Все было создано для работы, отдыха, духовного обогащения. Во всеобщее пользование предоставлялись аудитории, библиотека с читальным залом, функционировали спортивный зал с бассейном, ресторан и буфеты. Поговаривали, что для избранных были даже бильярд и боулинг.

Практически без перерыва в разных залах крутили фильмы, читали лекции, проводили занятия, устраивались концерты серьезных коллективов, включая симфонические оркестры, проходили встречи с писателями, мастерами искусств, интересными людьми. В холлах и вестибюлях менялись выставки художни-

ков и фотомастеров. Ближе к вечеру подтягивались корифеи, устраивались тематические вечера, обсуждались отдельные проблемы. О том, что планируется собрание демографов, сообщал мне шеф. Это было не очень часто, но регулярно, и собирались практически все, кто уже нашел признание в этом научном направлении. Подрастающей поросли предоставлялась возможность лицезреть корифеев на расстоянии вытянутой руки, внимать их полемике и откровениям. Право голоса мы еще не имели, но наши лица как-то должны были отложитьсь в подсознании маститых, и нас уже принимали как своих. И это уже было немало.

Регулярно Дом ученых выпускал брошюру, где была прописана вся работа клуба на месяц. Перечень мероприятий был столь впечатляющим, что с трудом верилось, что все это возможно в одной, пусть и такой влиятельной структуре.

* * *

Аспирантское сообщество Института экономики АН СССР было во всех отношениях необычным. Казалось бы, главная структура этой отрасли знания должна была солидно подпираться идущей на смену научной порослью. Но здесь аспирантура была то ли пятым колесом, то ли слабым звеном. Самых аспирантов в институте было человек пятнадцать-двадцать. Точно сказать не могу, поскольку нас никогда вместе не собирали и о существовании некоторых из них я и подозревать не мог. Теоретически нас всем кагалом могли отправить на картошку. Но на моей памяти такое случилось только раз, да и то прошло мимо меня. В общей массе это были не вчерашние студенты, как в вузах, а солидные мужики (женщин среди нас не было), успевшие уже поработать по специальности. Они представляли разные советские республики (за Грузию, Армению, Узбекистан, Казахстан, Азербайджан, Белоруссию и Эстонию я отвечаю), и их, как правило, в Москву направляло руководство этих союзных образований. Те были тесно привязаны к своим научным руководителям, а потому их судьба зависела от настроений, планов и даже здоровья их шефов.

В один из первых дней моего нахождения в институте я в целях ознакомления одиноко блуждал по полуутемным коридорам и читал таблички на дверях. Навстречу мне двигалась фигура, которая, как и я, озиралась по сторонам. Каково же было мое удивление,

когда в незнакомце я узнал Сашу Алборова, моего старого друга по Орджоникидзе. Тот тоже был в шоке. Я, конечно, допускал, что могу повстречать в этих стенах знакомого, но то, что это окажется именно Сашка, было уже очевидным перебором. Мы познакомились, когда я поступил на геофак СОГУ, а Саша оканчивал истфак того же вуза. Познакомил нас мой однокурсник Шурик Егоров — известный выпивоха и бузотер, которого все знали по кличке Шульц. Они с Сашей жили в одном доме на Ростовской, а в двух шагах, на Дружбе, проживал я. Временами я приходил к ним во двор, где меня представили другим аборигенам. С обоими мы входили в университетскую команду КВН, которая в 1971 году в Нальчике стала чемпионом Северного Кавказа.

Саша, как оказалось, был внуком первого осетинского профессора Барысби Алборова, что произвело на меня огромное впечатление. Родители — вежливые, интеллигентные люди, которые отнеслись ко мне по-доброму, со всем вниманием. Парадокс, но в доме известного ученого, всю жизнь занимавшегося осетинским языком, никто на нем не говорил. Саша, понимая всю ущербность этой ситуации, уверял, что если когда-то женится, то только на девушке, говорящей по-осетински. Впрочем, с этим он затягивать не стал, женившись сразу после окончания вуза. Его избранница Лара была из Дигоры и тогда же окончила горно-металлургический. На свадьбе я был на положении почетного гостя. Это торжество совпало с проводами, поскольку на следующий день молодожены отбывали на Сахалин.

Благополучно доучившись, я отслужил в армии, а позже стал сотрудником отдела экономики Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Синхронное появление нас в ведущем научном центре разумно объяснить невозможно. Ладно я, географ, переквалифицировался в демографа. Но вот зачем понадобилось дипломированному историку, к тому же главе большой семьи, переключиться на политэкономию — даже сам субъект этих пертурбаций объяснить не мог. В любом случае мы возникшему обстоятельству были только рады — было очевидно, что регулярное общение, по крайней мере в течение трех ближайших лет, нам обеспечено. Это был еще один аргумент примириться с действительностью.

Саша снимал квартиру где-то в пригороде, куда можно было добраться на электричке. Сюда же перевез семью, успев к тому моменту стать отцом двух прелестных дочек. Забегая вперед, скажу, что затем была еще одна дочка, и процесс был копирован с

появлением долгожданного сына, которого в честь знаменитого прадеда назвали Барысби.

Обычно встречались мы в библиотеке ИНИОНа. Работали по отдельности в разных углах, объединялись на обед. Кулинарные предпочтения у нас, конечно, поначалу разнились, но со временем они стали странным образом нивелироваться. Мой рацион был постоянен: половина первого блюда, второе и компот. Саша брал полную порцию первого, второе с удвоенной мясной составляющей, какие-то салатики, чай или кофе с пирожным. Я на такое различие обеденного набора никакого внимания не обращал, а вот Сашу почему-то этот дисбаланс нервировал. После какого-то периода духовных терзаний он перестал брать салаты. Больше времени и внутренней борьбы ушло на отказ от печеноостей. С моей стороны не последовало никакой реакции на его гастрономические жертвы — я попросту их не заметил. Это невнимание обидело Сашу. Ведь, как он объяснил, на сокращение своего рациона он пошел из-за меня — ему было неловко передо мной, и поэтому съеденное не шло ему впрок. Уходили мы также вместе.

В один прекрасный день наша группа московских цхинвальцев открыла для себя ресторан «Пицунда»; он приглянулся нам, и на какой-то срок мы стали завсегдатаями этого заведения. Это был небольшой, камерный ресторанчик с неполным десятком столиков, без громкой музыки и прочих излишеств. Нас уже знали официанты (со временем определилась постоянная женская пара), для нас накрывали столик в отдельном помещении с диванами, креслами, телевизором, холодильником, коврами, люстрами и картинами. Здесь была прекрасная кавказская кухня, а выпивку организовывали сами.

Для меня большим плюсом было то, что «Пицунда» находилась в шаговой доступности от библиотеки, в одном из тихих переулков Профсоюзного проспекта. Таким образом, начитавшись и набравшись знаний, я мог с чистой совестью присоединиться к своим друзьям за обильным ужином. Брал с собой и Сашу, который быстро влился в наш круг. Но из-за этого у него появлялись сложности. Наши никогда не умели вовремя остановиться, засиживались допоздна, а иные и вовсе оставались на ночь, благо хозяева позволяли. В результате был момент, когда Саша два раза подряд после затянувшихся бдений опоздал на свою электричку и до утра ждал на перроне утреннюю. И как объясниться перед супругой, когда тебя нет дома две ночи подряд? Мои попытки

оправдать нарушителя семейного общежития только усугубляли положение.

Шульца мы тоже не теряли из виду — поддерживали с ним почтовую связь. В то время он сидел в тюрьме, к чему он долго и упорно шел. Решил после вуза выучиться на электросварщика. И его, взрослого мужика, вместе с ребятней отправили куда-то в российскую глубинку. В общежитии для молодняка был им как дядька Черномор. Как-то пошли на местные танцульки, где аборигены решили предметно наказать пришельцев. Шульц вышел вперед, достал нож и предупредил, что ударит любого, кто попытается на них напасть. Один такой псих нашелся и получил удар ножом в сердце. Пока шло следствие, все курсанты разъехались, на суд никто из них не прибыл, Шульц оказался без свидетелей и в итоге получил серьезную статью. В колонии стал заниматься оформлением фасадов домов. Мы посыпали ему кисти и краски. Но и здесь он проявил характер, ни с чем не мирился, и поэтому обрел серьезных врагов. Те подкараулили его и сбросили с высоты настройке.

Саша великим политэкономом не стал, вернее, вообще не стал никаким политэкономом. Сначала занялся страховым делом, а потом стал играть на бирже. Обзавелся квартирой в элитном доме в районе сельхоза, где мне выделялась отдельная комната. Но однажды вся их семья внезапно исчезла — по крайней мере, так говорили соседи. Затем, опять же со слов посторонних, стало известно, что Алборовы обосновались в Испании. Подтверждение этому было получено, когда мой сын через интернет пересекся с одной из дочерей Саши.

* * *

Другим аспирантом нашего института, с кем мне довелось регулярно общаться, был Гена Трапезников — у нас с ним был один научный руководитель. В Москве он находился уже год, «дедом» по армейским понятиям он пока не стал, а из разряда «салаг» только выбрался. Родом он был из Алма-Аты и являлся единственным сыном у мамы-одиночки. Мама была не из простых — главный косметолог тогдашней казахской столицы. Что это значит в плане финансового обеспечения, видимо, объяснять не надо. В чаде своем она души не чаяла и все свои силы и возможности бросила на огранку и шлифовку этой драгоценности. На него у нее были большие планы, и аспирантура явля-

лась одной из ступенек на пути к сияющим вершинам. В принципе, при ее возможностях можно было просто купить диплом, не утруждая себя обязательными длительными и утомительными процедурами, но было решено, что все должно происходить «как у всех людей».

Гена сняли комнату в коммуналке в двух шагах от института. Это удобство сделало моего однокашника весьма популярным в аспирантских кругах и даже добавило баллы в глазах шефа. Об этом жилище стоит сказать особо, поскольку с моей стороны оно не было обойдено вниманием. Коммуналка занимала весь второй этаж старинного дворянского особняка, затерянного в паутине переулков в центре Москвы. Раньше это был дом Грибоедовых, о чем свидетельствовали металлические нашлепки на остатках мебели. На них сообщалось, что это историческая ценность и выкидывать или продавать ее нельзя. Когда приходилось оставаться здесь на ночь, то снился Александр Сергеевич, дописывающий свое «Горе от ума». Некогда большой зал в советское время был разбит на восемь комнат. Из соседей Гены я знал только одну молодую даму — мать двух дочерей, которые пребывали в круглогодичном интернате. Она работала секретарем в литературном институте, знала Нафи Джусайты, Таймураза Хаджеты, Алеша Гумазова, рассказывала много интересного о мастерских писательского цеха. Говорят, что она родила еще и сына, а после этого пошла к Валентине Терешковой, и матери-одиночке тут же была выделена трехкомнатная квартира в одном из спальных районов. О других соседях ничего сказать не могу, поскольку это был древний люд, привидениями проскальзывающий в коридорном полумраке.

Гена был шизофреником. Говорят, все мы шизофреники, но Гена был таковым официально, да это и так проявлялось. Его странности никого не напрягали, ничему не мешали, скорее даже забавляли. К учебе у него никакой тяги не было, в библиотеки не ходил, книг не читал, и даже телевизора у него не было. Наш шеф сразу понял, с кем имеет дело, и решил использовать этот продукт с максимальной пользой, поставив его ответственным по всем техническим вопросам. Того такая нагрузка вполне устраивала, и он даже пытался привнести в нее некий креатив.

Институтские ребята любили приходить к Гене. Это было удобно во всех отношениях. Главное — метровая близость. Хозяин всегда был дома. Кроме того, он регулярно получал посылки с деликатесами от мамы. Посылки доставляли стюардессы казахских авиалиний. Отправляясь во Внуково, Гена не только забирал свой

груз, но и дешево закупал у «небесных дев» остатки шампанского, предназначенного для элитных пассажиров. Это был настоящий напиток, соответствующий своему названию, а не то, что предлагали магазины. Об этом свидетельствовал хотя бы тот факт, что бутылки закупоривались не пластмассовыми нашлепками, а натуральными пробками.

Одним из бзиков этого товарища было то, что бумажные деньги у него хранились пришпиленными кнопками к платяному шкафу. Некоторых гостей такой дизайн нездороно возбуждал. Когда я видел, что кто-то из наших расплачивается купюрами с выдранными краями, то сразу понимал, откуда растут уши. Гену такие вещи никак не напрягали, он запросто давал деньги в долг, не надеясь на возврат. Его легко можно было подбить на что угодно. Часто он соглашался на проведение посиделок в его комнатушке, хотя почти не пил, с девушками терялся, а современную музыку с трудом терпел.

На людях Гена пытался казаться крутым парнем, настоящим мачо. Но это была добрейшая и чистейшая душа, которая никогда никому ни в чем не отказывала. Когда он узнал, что моя сестра тяжело больна, он не стал выражать какого-то внешнего сочувствия. Иногда спрашивал, нужны ли деньги, или предлагал достать нужные лекарства. Однажды заставил забрать для нее ящик мандаринов, доставленных из той же Алма-Аты.

После моего отъезда из Москвы контакты с Геной прекратились. Каким-то образом он смог продлить свое пребывание в институте, да и шефу он был все еще нужен. Очень надеюсь, что все у него в дальнейшем сложилось хорошо. По крайней мере, он этого заслуживает.

* * *

О некоторых других аспирантах Института экономики моего разлива могу доложить в телеграфном стиле. Был Женя Касманович — сын одного из секретарей ЦК партии Белоруссии. При этом он был простым и открытым парнем, весельчаком и балагуром, активным участником всех общих мероприятий. Понятное дело, что он был хорошо обеспечен, к тому же у него оказалась куча родственников, которые жили исключительно в апартаментах в центре Москвы. Эта родня регулярно куда-то уезжала, оставляя свое жилище на Женю, а тот уже приглашал нас скрасить свое одиночество.

Был серьезный армянин Роберт, который жил в центре Москвы в двушке с телефоном, что уже было знаком качества. Он сетовал, что все армяне, приезжающие в Москву, останавливаются у него. Говорил, что все они, только зайдя в квартиру, набрасываются на телефон, звонят в Ереван, и первый вопрос бывает, как там погода, хотя вылетели оттуда два часа назад. Я поинтересовался, не накладны ли для него эти посещения. Он честно ответил, что гости его щедро спонсируют.

Был импозантный эстонский еврей Берти. Это была самая загадочная личность. О себе он никогда ничего не рассказывал, но было понятно, что он занимается серьезными вещами: валюта, фарцовка, всякие сомнительные операции. Он внезапно и надолго исчезал и так же внезапно появлялся. Был всегда в брожении, его всегда обуревали какие-то идеи. Мог среди ночи вскочить и улететь в неизвестном направлении. О его удачных операциях свидетельствовал солидный и объемный «лопатник», где с рублями и долларами мирно соседствовали банкноты неведомых стран. А аспирантура была ему как ширма.

Как-то, погостив у того же белоруса Жени, рано утром пошли с Берти каждый по своим делам. В районе ресторана «София» тот сказал, что ему надо срочно позвонить, и заперся в телефонной будке. Был трескучий мороз, народа на улице почти не было. Наконец Берти завершил переговоры, и мы пошли дальше. Тут он спохватился и сказал, что забыл бумажник в будке. Мы сразу вернулись, но ничего не обнаружили. Берти сокрушался, что денег ему не жаль, но там была древняя римская монета, которой, по его словам, цены не было.

Продолжение следует.

ЯН ТУАЛЛАГОВ

КНИГОЧЕЙ

РАССКАЗ

В оформлении использована картина В. Волегова (фрагмент)

С наилучшими пожеланиями многочисленным ученикам за 40 лет моего учительства; с благодарностью за то, что и я у вас много-му научился; с чувством вины, если кому-то не уделил должного внимания, недооценил, недодал каких-то знаний, огорчил.

— **М**не очень неудобно, но у меня к вам просьба, — так начала, уходя домой, няня нашей дочери. — Дело в том, что вечером приедет мой внук Борька из крымского городка Судак на каникулы, и мне его завтра не с кем оставить. Вы не разрешите только на один день взять его с собой на работу? Он вам не помешает, хотя, признаться, очень невоспитанный, страшный фантазер, без умолку болтает... Но я его буду держать в рамках.

Мы, конечно, ответили согласием. Правда, завтрашнего утра ждали с каким-то внутренним трепетом.

На другое утро ровно в половине девятого стукнула щеколда калитки, и во двор вошел Борька, держа одной рукой бабушку за руку, а другой поддерживая тяжеленный школьный ранец, который тянул его назад. Я ожидал увидеть холеного, избалованного, тупого, знающего только, как копаться в смартфоне, перекормленного школьника младших классов, похожего на персонажа одного сюжета киножурнала «Ералаш». Помните толстяка, который съел апельсин и не предложил другому, худому и очкастому? Так вот, Борька был похож на того, худого, который чуть не подавился слюной, пока толстяк ел сочный плод. Я вышел им навстречу и, чтобы расположить к себе мальчика, протянул ему руку:

— Привет, Борис.

— Пока можно просто Борька, потому что я еще маленький. А как мне вас звать?

Я сказал, что можно «дядя Ян» или даже просто «Ян».

— Нет, наверно, просто Ян будет нетактично с моей стороны, потому что я от вас по возрасту отстою на два поколения... А вот ветки этой яблони стоит уже подпереть. Представляете, какая нагрузка на тоненькую еще веточку. На ней... раз, два, три... восемь яблок. Когда созреют, их суммарный вес превысит два килограмма, потому что, судя по сорту, яблоки будут большими и тяжелыми. Нехорошо, если из-за вашей лени пострадает дерево и ваш же урожай.

Я был пристыжен и тут же решил исправиться, сказав, что вот этим мы вместе и займемся сегодня: перелезем через сетку забора на соседский заброшенный участок, где растет дикий орешник, нарубим рогатин и подопрем ими ветки страдающей от тяжести яблони.

— Ура! — воскликнул Борька, но потом на миг задумался, поправил на переносице очки и серьезно спросил: — А вы уверены? Ваш сосед согласен, чтобы мы его палками подпирали ветки нашей яблони? Выходит, мы без спросу срубим его лещину, а воровать нехорошо...

— Уверен, уверен, — отвечал я, посмеиваясь над честностью и прозорливостью ребенка, ведь он предупредил меня о возможном скандале, когда сосед увидит обрубленные ветки своего дерева. Но я точно знал, что сосед хочет полностью выкорчевать участок, перепахать его и в чистом виде поменять на однокомнатную квартиру в городе.

Все это время за нашим диалогом наблюдал рабочий Денис, вышедший покурить из садовой постройки, где он штукатурил стены. Затушив окурок о подошву ботинка и перекинув его через забор в соседний огород, он сказал:

— Видать, день будет веселый.

Денис хотел было удалиться в ремонтируемое помещение, но тут его окликнул Борька:

— А вам в детстве не говорили, что при чужом разговоре надо предупреждать о своем присутствии хотя бы кашлем? Получается, вы подслушали чужой разговор, а это нехорошо.

Денис буркнул что-то вроде «Умник нашелся!» — и пошел дальше работать.

Бабушка несколько раз одергивала Борьку, чтобы тот замолчал и дал людям заниматься своими делами.

Мы зашли на веранду, где наконец «умник» снял свой ранец, положил его на софу и, перед тем как открыть, интригующе сказал:

— Здесь у меня не совсем то, что вы думаете.

Интересно, откуда он знал, что я думаю?

Мальчишка вынул сменную одежду, переоделся и начал доставать остальное: изрядно потрепанную книгу Жюля Верна «Из пушки на Луну», большой трансформер, который превращался из робота-человека сначала в гоночный автомобиль, а затем в межпланетный летательный аппарат, большого пса из искусственной шерсти и толстую разноцветную пластмассовую цепь...

— Это мой талисман, его зовут Бушуй, потому что он бушует, когда голодный. — Тут Борька с хитринкой посмотрел на меня, проверяя на наивность, потом спросил, где его можно привязать цепью, чтоб не путался под ногами, когда мы будем работать.

В палисаднике я забил в землю кусок арматуры, к которому Бушуй, подобно Прометею, был моментально прикован. Пригрозив ему пальцем, Борька вернулся к своему имуществу, разложенному на диванчике. Я сказал, что привязывать собаку и вообще кого-либо нехорошо. Это значит, что ты лишаешь его свободы, и от этого собака и все остальные существа становятся кусачими. И вообще, цепь — это символ несвободы, а ведь есть люди, которые добровольно носят цепи на шее. Возможно, они в своем подсознании еще не избавились от рабства, и быть постоянно на привязи — их нормальное состояние.

Борька внимательно меня выслушал, но выводов сразу делать не стал:

— Я подумаю над этим и определюсь.

Потом мы принялись за игрушку-трансформер.

— А трансформер меня не интересует как игрушка. Но посмотрите, какая гениальная техническая идея заложена в нем. Вот если бы инженеры подумали о том, как сократить количество вещей, различных приборов или гаджетов, как говорят сегодня, которые занимают пространство вокруг нас, совместить их если не в одном приборе, то хотя бы по группам... Вот, например, микроволновку, мясорубку и посудомоечную машину сделать одним комбайном. И вместо трех вещей покупать одну, многофункциональную — дешевле и заодно экономия пространства. Точно так же и в санузле, и в зале. Стул одновременно и пылесос, и кондиционер, и вентилятор. Список можно продолжать, пока хватит фантазии.

Честно говоря, я, немолодой уже человек с многолетним педагогическим стажем, начал понимать, что попадаю под гипноз

этого «невоспитанного» молодого человека. Хотел уже предложить идти за палками в соседский огород, но «умник» задержал меня еще на несколько минут:

— Вы знаете, я не осилил «Гарри Поттера». Это нереальная фантастика. То, что там описано, скорее сказка, чем полет мысли. Фантастика должна быть реальной или осуществимой в каком-то обозримом будущем. Вот что я люблю читать... — С этими словами он достал потрепанную, еще советского издания книгу великого французского фантаста. — Обидно за инженеров из этой книги, они пытались одним выстрелом преодолеть расстояние до Луны, а это ошибка. Жаль, что Жюль Верн не знал устройства реактивного двигателя!..

Мозги начинали закипать, я сказал, что наше промедление может стоить нам сломанного дерева и потери двух кило яблок, которые наливаются ежеминутно и тяжелеют. По дороге в огород Борька в желании еще чему-нибудь поучить меня сказал:

— Вы думаете, мама не может купить мне книжку поновее? Лучшие книги — потрепанные, зачитанные до дыр. А если книге двадцать лет и она как новая — значит, ее никто не читал, это плохая книга.

С этими словами мы подошли к соседскому забору, через который я перелез с топором, а Борьку оставил, чтобы тот принимал срубленные жерди с рогатками на конце и складывал их в одном месте.

Так мы проработали около часа. Временами мальчик куда-то исчезал из огорода минут на пять. В очередное такое исчезновение я проследовал за ним во двор и застал лежащим на диванчике. Я понял, что он уставал и, как маленький старичок, ложился перевести дух после очередной охапки жердей. Я сел рядом и, чтобы не обидеть, как бы ненароком признался, что тоже устал. Борьке не хватало того, что спортсмены называют «физикой».

— Ты спортом занимаешься? — спросил я и, получив отрицательный ответ, посоветовал деликатно, что надо бы подкачаться, а то голова от книг распухнет, а туловище останется маленьким.

— Да, мне многие об этом говорят, особенно папа дразнит дистроиком. Дайте срок, я буду сильным. Многие известные сильные люди в детстве были «дистроиками» и «рахитиками», взять хотя бы Суворова, а вырос в непобедимого полководца.

Дальше эту тему мы не стали развивать, но я, как и любой старший, поинтересовался, кем мальчик хочет стать.

— Вообще-то я больше всего люблю технику, люблю конструировать. У меня несколько наборов-конструкторов. Кстати, современные пластиковые неинтересны, а вот дядя когда-то подариł мне старый, говорит, еще советских времен конструктор, который купил за копейки на блошином рынке у какого-то старика. Это всем конструкторам конструктор! Настоящий, железный, с блестящими гайками и болтиками, с чертежами. То, что на чертежах, я уже через неделю собрал. А потом стал придумывать новые механизмы. Например, автокран с настоящей лебедкой... Правда, мне немного помогал папа, когда я заходил в тупик, но в конце концов собрал. Но дело в том, что мне придется отказаться от этой профессии в будущем. Папа говорит, что никому у нас не нужны конструкторы, надо выбирать такую профессию, которая приносила бы деньги. Он и мама работают в торговле, но что-то особо не разбогатели, поэтому я придумал — буду врачом-офтальмологом.

— Вот это прыжок! Из инженеров во врачи. Можно подумать, врачи самые богатые люди!

— Я все просчитал, — продолжал мой собеседник. — Вот посмотрите, сейчас все от мала до велика сидят в телефонах, компьютерах и других гаджетах, а дальше это будет усугубляться, возможности техники неограничены, а значит, скоро мы получим уже целое поколение людей с испорченным зрением, а я тут как тут, иди сюда в мой кабинет!

Разговор принимал неприятный оборот, и я решил поменять тему, спросив, а как дела в школе. Почему-то я был уверен, что Борька круглый отличник. Ответ меня ошеломил.

— А никак. В основном тройки, иногда двойки. Особенно не-взлюбила учиха по русскому языку и литературе. Это началось с урока внеклассного чтения. Я имел неосторожность сказать, что древнегреческий Одиссей глубоко отрицательный персонаж. Вера Николаевна насторожилась и как-то робко попросила обосновать. Я от корки до корки прочитал книгу «Троянская война и ее герои» и знал, что поводом для ее начала был подлый поступок троянского царевича Париса, который, будучи в гостях у спартанского царя Менелая, похитил его жену Елену. Из-за этого мелкого пакостника погибло столько героев и простых людей, а главное, была разрушена Троя, этот цветущий полис, где были закон и

демократия. Греки здесь были захватчиками и должны были, как всякий захватчик, потерпеть поражение, но тут в игру вступил коварный и вероломный Одиссей... Впрочем, историю с конем вы знаете. Кроме всего, я еще высказал свое мнение, что Ахилл, конечно, великий воин, но никакой не герой: легко выходить на бой, зная, что твое тело неуязвимо! Настоящий герой Гектор, который, зная, что не имеет никаких шансов против неуязвимого любимца богини Афины, вышел с ним на бой... А как вам поведение Одиссея в гостях у Циклопа?! Пришли в чужой дом и в отсутствие хозяина набардали: съели его сыры, выпили вино, устроили пьяную гулянку, а когда пришел хозяин, стали требовать от него гостеприимства и угощений. Жил себе Циклоп, никого не трогал, пас своих коз и овец, делал сыры, а тут пришли какие-то бродяги и бездельники и все порушили. В конце я сказал, что правильно сделал сын Посейдона, что стукнул двоих головами о камень, зажарил и сожрал. Мой вывод вызвал ярость у Веры Николаевны, она начала жевать нижнюю губу, и у нее задергался левый глаз. Наверное, подумала: кровожадный кавказский щенок! Двойку она мне не поставила, оценивая знания, которые у меня были, но за убеждения затаила обиду и ждала своего часа, чтобы наказать меня. Из класса меня никто не поддержал, и даже влепили мне после этого урока обидное прозвище Книгочей.

О том, как настал этот час, позже рассказала бабушка Лариса.

Как-то она поехала в Крым, чтобы проведать дочь с зятем — и, конечно же, любимого внука. До этого Борька попал в неприятную ситуацию с соседкой, которая проживает на первом этаже их двухэтажного дома. Как-то утром наш Книгочей, спеша в школу, по своей привычке съехал по перилам и угодил своей «арбузной» головой прямо в живот выходящей из своей квартиры соседки Сары Семеновны. Не сильно, конечно, но все-таки неприятно. Борька сконфузился, опустил глаза и виновато пролепетал:

— Простите, пожалуйста, баба Сара.

Та подняла голову так, что острый кончик ее носа оказался выше глаз, поджала нижнюю губу и зло прошипела:

— Никакая я тебе не баба, изволь обращаться как положено, по имени и отчеству!

Мальчик еще раз извинился и бочком выскользнул из подъезда, а когда вернулся из школы, все соседи знали, какой невоспитанный сын растет у их новых соседей.

Тут несколько слов надо сказать о самой Саре Семеновне. Говорят, в прошлом она была успешной певицей. Пела в каком-то одесском театре. Был успех, были поклонники, цветы и даже дорогие подарки, но то ли не смогла пройти испытание «медными трубами», то ли по причине несчастного романа с кем-то из поклонников, а может быть, с началом девяностых годов прошлого века, когда грязнул кризис, все бросились торговать, делать деньги, и театр никому не стал нужным, бросила искусство, любимую Одессу и поселилась в наследственной родительской квартире в тихом городе Судак. Обладая очень сложным характером и завышенными требованиями к окружающим, Сара Семеновна так ни с кем в доме и не смогла подружиться, свысока, как человек большого искусства, смотрела на своих малообразованных соседок, которые не могли назвать и пару авторов опер, почти не читали романов, которых больше интересует, кто с кем гуляет и как забеременела дочка Потапа из четвертой квартиры, собирают сплетни и ведут бытовые разговоры. Поначалу она пыталась приобщить к мировым художественным ценностям окружающих ее людей, но постепенно стала обнаруживать, что те ее просто начали избегать и называть между собой Эсэс. И не только потому, что инициалы такие, а за ее строгий и даже крутой нрав, за высокомерие и жестокость по отношению к «быдлу». Эсэс была эстеткой. Она вела ожесточенную войну с естественным процессом старения, и если с туловищем ничего не могла поделать ввиду большого аппетита, то лицо ее всегда было под толстым слоем дермакола, помады и прочей косметики. Даже собираясь в магазин, находившийся через дорогу, она полчаса красилась и одевалась, как в театр. Еще надо сказать, Сара Семеновна была большой гурманкой. Ну не могла она питьаться чем попало, и в ее меню всегда, даже в «дефицитные» годы, были икра и лучшие мясо-молочные изделия. На этой почве, говорят, она и познакомилась с приезжим из провинции крымским татарином Айдаром, который на рынке торговал деликатесами и проложил путь к сердцу Эсэс через ее желудок. Вскоре они начали вместе жить. Соседки посудачили немного, потом все же успокоились. Она называла Айдара не иначе как Татарвой, ругала его, даже унижала, а тот терпел только потому, что боялся оказаться на улице: жить ему было негде.

Бабушка Лариса взяла на себя миссию примирения. Она испекла пироги из привезенного с собой сыра, который был изготовлен

из молока коров, пасущихся на альпийских лугах, положила на тарелочку несколько кусков, накрыла салфеткой и с Борькой пошла просить прощения у соседки. Дверь открыла сама хозяйка. Свысока посмотрев на бабушку с тарелочкой в руках, она строго спросила:

— Что это? К чему это? — и тут же как-то обмякла, строгость частично сошла с ее лица, «сырный дух», умопомрачительный аромат осетинского пирога, уалибаха, достиг ноздрей Сары Семеновны, и она только и смогла произнести: — Ну проходите, раз пришли.

Пока Эсэс вдыхала запах пирога, Лариса с виноватым видом начала:

— Вы нас извините, пожалуйста, он больше не будет...

Сара Семеновна, не в силах обуздать слюновыделение, с нетерпением спросила, что же это все-таки на тарелке.

— Это наше национальное культовое блюдо. Попробуйте, пожалуйста.

— Ну разве что из чистого любопытства. А как это едят?

— Исключительно руками, — ответила Лариса и придвинула тарелочку ближе.

Первый кусок, несмотря на то что еще был горячий, исчез в рту. Сара Семеновна, прикрыла глаза от удовольствия, потом отышалась и серьезно сказала:

— Да, примитивный народ не мог такое придумать. Кто же вы все-таки, откуда вы?

— Мы осетины из Владикавказа. Моя дочь со своим мужем и мальчиком ваши соседи.

— Осетины?! — воскликнула Сара Семеновна. — А вы знаете, кто у вас есть?

Бабушка Лариса не совсем поняла вопрос, да мало ли кто у нас есть. И дирижеры, и полководцы, и ученые. Что или кого она имеет в виду?

— У вас есть великий гений, Коста Хетагуров! А вы знаете, что организация ЮНЕСКО отмечает его день рождения, потому что он основоположник осетинской литературы? А вот День Лермонтова не отмечает, потому что Лермонтов хоть и гениален, но не основоположник.

Тут Сара Семеновна, чуть прикрыв глаза, начала декламировать:

Я тебя полюбил больше всех из людей
За сердечность твою, за участие,
Но ты в чувстве моем, как в бряцанье цепей,
Не найдешь ни покоя, ни счастья...

Я не стою любви, я не смею любить, —
Меня родина ждет уже к бою, —
Коль врага ее мне не удастся сразить,
То не встретимся больше с тобою...

Чтица полностью зажмурилась, в уголках ее глаз блеснула влага:

— Господи, какое самопожертвование, какая преданность своему народу! Невероятно, как в такой горной глуши мог родиться такой талант!

Когда я слушал это, мне не совсем в тему пришлось двустишье нашей поэтессы Ирины Гуржибековой:

*В горах дворцам и виллам несть числа.
Но гения-то сакля родила.*

— А вы знаете, я была лично и очень хорошо знакома с самим Михаилом Григорьевичем Водяным. Работала под его началом в Одесском театре музыкальной комедии. А вы знаете, кто такой Михаил Водяной?

Бабушке Ларисе стало стыдно, что не знает этого человека, она опустила глаза, но ей не дала достыдиться говорливая соседка:

— Ну конечно! Сейчас вы назовете имя придурковатого бандита из музыкальной кинокомедии «Свадьба в Малиновке», Попан-дупуло. Но запомните: за роль одного дурачка звание народного артиста СССР не дают. Михаил Григорьевич был очень глубоким и тяжеловесным артистом, несмотря на то что работал в легком жанре. Помню, как мы, несколько выпускников театральных училищ, попали по направлению в Одессу, в театр Водяного, так его называли в народе. Первое впечатление было ужасное. Михаил Григорьевич собрал нас в своем кабинете и начал не с поздравлений, что мы попали в такой знаменитый театр, не с «добрько пожаловать» и прочих приятностей, а дал нам понять, что мы еще никакие не артисты и что нужно долго и неустанно работать, чтобы ими стать. Он был очень строг и говорил, что артист прежде всего должен быть профессиональным читателем и что деградация его, как, впрочем, и любого человека, начинается с

того момента, когда он перестает читать. А потом на протяжении всего нашего сотрудничества мы часто от него слышали фразу, которую когда-то сказал Гоголь: «Смех — дело сурьезное». Я подружилась с его женой Марой и иногда бывала у них дома. Кстати, о Косте Хетагурове я узнала тоже от него. Он оказался большим знатоком и поклонником творчества Коста. Помню, как-то я помогала Маре разбирать и приводить в порядок их домашнюю библиотеку. Это происходило периодически, после того как беспорядок наводил там Михаил Григорьевич. В это время пришел сам хозяин дома — увидев гостью, он распростер объятия и громко произнес: «Вот и чудесно, будем вместе ужинать!» Потом он бросил взгляд на аккуратно сложенные на полках книги и возмутился: «Марочка, ты опять все перепутала и перемешала в библиотеке, теперь, чтобы найти нужную книгу, мне надо потерять уйму времени!» Михаил Григорьевич взял в руки одну из книг, присел рядом со мной и начал читать: «Коченеет ворон... Страшен буривой...» Он читал, держал в руке книгу, но текст ему был не нужен, он читал наизусть: «...На краю аула / В брошенном хлеву / Нищета согнула / Горькую вдову... / На полу холодном — / Кто в тряпье, кто как, / Пять сирот голодных смотрят на очаг». Чтец был в глубоком трансе, и в этот момент никто бы не сказал, что этот человек сыграл какого-то дурачка Попандопуло: «Детям говорила: / «Вот бобы вскипят». / А сама варила / Камни для ребят...» Наконец он опустил книгу, которой, как ширмой, прикрывал растроганное лицо, и задумчиво произнес: «А ведь я один из этих голодных детишек». И потом, после небольшой паузы, воскликнул: «Марочка, накрывай на стол! Все, что есть в печи, на стол мечи! Хватит терзать душу нашей юной гостье, пора удовлетворить плоть, а то помрем, чего доброго, от голода, и Одесский театр осиротеет!»

Бабушка Лариса сидела с одной мыслью: когда же будет пауза в рассказе Сары Семеновны, чтобы еще раз извиниться и пойти продолжить печь пироги? А Борька все это время слушал и одновременно, облизываясь, разглядывал полки, на которых покопались многочисленные тома русских, советских и зарубежных писателей. Еще мальчишку удивили два пианино в доме! Борька не знал, что строгая соседка зарабатывает частными уроками вокала и игры на фортепиано.

Вдруг со двора начали доноситься какие-то крики. Сара Семеновна бросилась к окну, открыла створку и прокричала:

— А ну-ка, быстро домой, татарва проклятая! Где ты опять налакался, пьянчуга несчастный?

Лариса воспользовалась моментом и, схватив одной рукой тарелочку, а другой подталкивая Борьку, выскочила из квартиры Эсэс.

А в середине двора стоял Айдар, размахивал руками и орал:

— Запомните все! Крым — это никакая не Россия. Ишь чего захотели! Все точат зубы на этот лакомый кусок! Крым — это никакая не Украина! Мы здесь жили раньше, чем русские и украинцы, и если бы не ваш ирод, Иван Грозный, а потом эта проститутка, Екатерина, которая окончательно покорила крымских татар, и не этот ваш Сталин-душегуб, сейчас бы мы жили в великом Крымско-Татарском ханстве!

Вообще-то Айдар смиренный мужик, слова от него лишнего не услышишь, но иногда, когда напивается, из него татарский национализм так и прет.

Сара Семеновна наспех припудрила острый свой нос, запачканный до этого маслом от пирога, вытерла жирные губы, накрасила их, вышла во двор и, схватив своего разбушевавшегося Айдара за шиворот, пинками загнала в квартиру.

Утром, как это всегда бывает, состоялся «разбор полетов». «Татарва» сидел, уткнувшись в свою тарелку, не смея поднять глаза на жену. Сара Семеновна ходила взад и вперед по кухне и, жестикулируя, кричала:

— Из-за твоего длинного языка нас однажды в Сибирь сошлют, поганец ты эдакий! Или ты думаешь, что власть теперь не ссылает?! Что, теперь, думаешь, другие люди управляют страной? А ты поинтересуйся их биографиями! Это же люди, которые еще вчера махали своими партбилетами, сажали в тюрьмы и психушки только за сомнение в правоте коммунистических идей, вели нас к светлому будущему — и тут в одночасье перевернулись и сами стали капиталистами и поборниками буржуазных ценностей. Думаешь, они тебя пожалеют? Ты видишь в них хотя бы какие-то зачатки гуманности? Неужели ты не понимаешь, баранья твоя башка, что начнется, если Россия отсюда уйдет? Придут эти холлатые со свастиками на телесах, а они разбираться не будут, кто здесь раньше жил, кто позже, начнется такая резня!.. А виновными во всем окажемся опять мы, евреи. Мы же всегда во всем виноваты! Виноваты в том, что у нас лучшие скрипачи, в том, что лучшие физики-теоретики, в том, что у нас столько нобелевских

лауреатов, в конце концов, в том, что один еврей разработал теорию классовой борьбы, а другой воплотил эту теорию в жизнь и создал первое в истории человечества государство рабочих и крестьян!..

Слушая это, Айдар поперхнулся и, откашлявшись, робко спросил:

— А что, Ленин тоже был евреем?

— Нет, крымским татарином, темнота безграмотная! Доедай быстрее и сгинь с моих глаз долой! И вообще, что ты заладил: «Мы здесь раньше...» Если следовать твоей логике, то Крым должен принадлежать им. — Она уперла палец в потолок, имея в виду соседей сверху. — Их прямые предки, скифы и сарматы, владели Крымом и всем северным Причерноморьем еще тогда, когда вашей татарвой здесь и не пахло. Убирайся отсюда, ключи от машины оставь, не вздумай сесть за руль! От тебя разит, как из винного погреба!

Айдар бочком-бочком выскользнул из кухни, радуясь в душе, что «разбор полетов» прошел относительно безболезненно, понимая, что какое-то время стоит быть трезвым и полезным в доме, дабы не быть изгнанным.

А у Борьки буквально через день в школе случился очередной скандал. На уроке литературы он был вызван к доске и рассказывал наизусть стихотворение великого русского поэта. Начал резво: «Тучки небесные, вечные странники...» — но дальше запнулся, забыл, что было лазурным, а что жемчужным — степь или цепь.

В классе раздался хохот, а дальше прогремел голос Веры Николаевны:

— Ага, опять бездельничал? Двойка!

Борьку больше обидел хохот одноклассников, и он бросил в них фразу, услышанную от Сары Семеновны:

— Зато нашего Коста чувствуют на международном уровне, а Лермонтова — нет!

— Ты мне еще тут национализм разведи! — взревела учиха. — Завтра чтобы родители были тут!

Так Борька в очередной раз был наказан, лишен мороженого на неделю, а в качестве искупления вины должен был выучить еще три стихотворения Михаила Юрьевича. Да, только «умелые» взрослые могут превратить поэзию в средство для наказания школьника!

Когда я слушал этот рассказ, то вспомнил случай, который произошел в школе, где я проработал около тридцати лет.

А дело было так. Соседский мальчик Муратик как-то возвращался со своей бабушкой из похода по базарам и магазинам, с трудом неся тяжелые для него пакеты. Когда они проходили мимо вечно сидящих во дворе и бездельничающих мужиков, бабушка по-осетински пробурчала:

— Ам райсомәй изәрмә бадынц әмә се 'йчытә ныхынц. [Сидят здесь с утра до вечера и чешут яйца.]

Пытливый мозг Муратика быстренько, как губка, всосал эту фразу и положил ее до поры до времени на определенную полку своей памяти. А эти пора и время наступили очень скоро, когда у учительницы осетинского языка и литературы Залины Каземировны был открытый урок, чтобы подтвердить свою высшую категорию, которая, как известно, давала не только почет и уважение, но и существенную прибавку к зарплате. Естественно, урок был до мелочей отрепетирован, каждый ученик знал, когда и о чем его спросят. Почетная и строгая комиссия, состоявшая из лучших учителей разных школ, директоров и завучей во главе с высокой чиновницей из городского департамента образования, расположилась на стульях за спинами детишек. И начался урок, тема которого была крупными буквами написана на доске: «Ирон ләгтә цытә фәекусынц хәдзары?» [Чем занимаются осетинские мужчины в доме?]

Машенька подняла руку и сказала, что ее папа в квартире ремонтирует мебель, но больше всего он любит возиться в гараже со своей машиной. Витюша рассказал, как его дедушка в селе косит траву, ухаживает за коровами и овцами. Урок проходил в русле задуманного и спланированного, но тут поднял руку маленький Муратик, и не просто поднял, а начал ею трясти, да так, что не спросить его было никак нельзя. Залине Каземировне ничего не оставалось, как сказать:

— А что нам скажет Муратик?

Муратик вылез из-за парты, вытянулся во фронт и громко, на весь класс, с выражением выдал фразу, недавно услышанную от бабушки.

В классе повисла мертвая тишина, все оторопели, не зная, как в таких ситуациях реагировать. Только молодой человек, завуч какой-то школы, недавний выпускник университета, еле сдерживая смех, отвернулся к стене.

Наконец тишину прервала солидная тетка, которая возглавляла комиссию. Она сказала, что о подтверждении высшей категории и речи быть не может, и еще пообещала поставить в отделе образования вопрос о соответствии должности школьного завуча по воспитательной работе.

Дома Муратика сильно наказали, мама его даже побила и обещала сдать в трудколонию. А, казалось бы, за что? Он всего-навсего повторил то, что услышал от бабушки, которая является для него непререкаемым авторитетом...

Наконец рогатины были нарублены. Мы сделали все для того, чтобы не лишиться урожая. Борька, довольный, что я следовал во всем его советам, предложил еще что-нибудь поделать — хотя бы пойти и проверить работу штукатура Дениса, не мухлюет ли тот. Он сказал, что эти штукатуры вечно все измажут, испачкают раствором, а в итоге и стены не выровняют, если за ними строго не следить.

Но в это время нас всех позвали на обед, и мы пошли мыть руки.

Борька плохо ел, пытался что-то рассказывать, но периодически получал от бабушки замечания, а пару раз даже по старинному русскому обычаю — ложкой по лбу. Но даже несмотря на запреты, успел просветить меня в области баллистики. От него я узнал, что, оказывается, она бывает внутренняя и внешняя и что внутренняя изучает законы движения снаряда внутри ствола, а когда снаряд вылетает, вступают в силу законы внешней баллистики, когда на снаряд начинают действовать внешние условия: ветер, земное притяжение, влажность и даже настрой самого стреляющего.

До вечера я еще узнал, что сталь наша не хуже, а иногда и лучше, чем у стран НАТО. Но вот в системах наведения, электронике и оптике мы пока отстаем, а это значит, что для поражения цели на один натовский снаряд нам придется выпустить полтора или два, а это расточительно и удороожает войну.

За этими разговорами мы не заметили, как пролетело время, и бабушка прокричала с веранды:

— Борька, переодевайся! Прощаемся и уходим!

Я проводил их до калитки и долго смотрел вслед этому совсем юному человеку, «плохому» ученику, который нес тяжелый ранец, поддерживая его левой рукой, а правой держал бабушку за руку, и подумал: чего же тебе пожелать, кроме обычных пожеланий

здоровья и удачи? Потом вдруг вспомнил услышанный в одной телепередаче случай: когда к Иммануилу Канту подвели маленького мальчика и попросили его пожелать что-нибудь. Философ возложил руку на голову юнца и произнес: «Мальчик, я желаю тебе свободы!»

Пожалуй, Борька, я не буду оригинальничать и пожелаю тебе того же. Будь свободен, Борька. Желаю, чтоб жил ты в свободной стране и чтобы никакая дрянь не смогла тебя наказать за твое мнение, пусть даже идущее вразрез с общепринятым. Будь свободен!

Я проговаривал про себя этот монолог, а бабушка с внуком уходили все дальше, пока не скрылись за поворотом.

На следующий день, утром, раздался телефонный звонок. Высветился незнакомый номер. Обычно я не беру трубку, потому что это часто бывают мошенники, банки, что, впрочем, одно и то же, а тут ответил. На мое «Алло?» прозвучал радостный Борькин голос:

— Привет, дядя Ян! Я вчера еще думал над твоими словами и решил больше не привязывать Бушуя, а чтобы ты был уверен, я оставил тебе в подарок часть его цепи. Я спрятал ее под покрывалом дивана на веранде, где подушка. Пока!

Я пошел на веранду, поднял край покрывала и увидел три пластмассовых разноцветных звена — красное, синее и белое.

К 85-летию со дня рождения

Шамиль ДЖИКАЕВ

НАСЛЕДИЕ ПРЕДКОВ

СТИХИ

РАЗРУШИТЕЛЬ И СОЗИДАТЕЛЬ

Осетинская легенда

IIIел в далекие века
Враг на нас могучий,
Превращая облака
В грозовые тучи.

Меч владыки заржавел
От пролитой крови.
Нашей родине удел
Страшный он готовил.

— О, железные орлы! —
Говорил он рати. —
До последней до скалы
Этот край захватим!

Он грабителей полки
Двигал в наступленье.
Принесли нам чужаки
Смерть и разрушенье.

Им еще одно село
Встретилось в ущелье.
Страстно хочет крови зла,
Впереди — веселье!

Исполненья близок миг
Смертоносной воли.
Только что это? Стариk
Трудится на поле.

И веселую притом
Песню напевает.
Замахнулся князь клинком:
— Голова пустая!

Рядом — смерти торжество!
Брось ты это жито
И целуй у моего
Скауна копыта!

Солнце блещет на мече.
Но без капли страха
«Кто ты, путник, и зачем?» —
Спрашивает пахарь.

И услышал он в ответ:
— Пред тобою ныне
Тот, кто был рожден на свет
Делать сад — пустыней!

Разрушать — мой главный труд —
Всё: дома и башни!
А рабы пусть слезы льют
На былые пашни!

Покорись!
Но пахарь вдруг
Распрымился смело.
— Посмотри, здесь все вокруг —
Этих рук вот дело!

Из пустыни сделать сад —
Вот моя забота!
Пусть колосья шелестят!
Сколь прольется пота,

Чтоб из каждого зерна
Родилась пшеница!
В этом счастье! А война —
Счастье для убийцы...

— Счастье — добывать кусок
Черною работой?

Самой тяжкой из дорог
Радуется кто-то?

— Труд для сердца должен стать
Самым лучшим другом!
У меча и то мечта —
Обратиться плугом!

Сталь от пахоты блестит,
Кровь ее съедает.
И для сердца нет пути
Краше урожая!

Мир сильней войны! И тот
Прав, кто землю пашет!
И никто не украдет
Эту правду нашу!

Руку с поднятым мечом
Совесть победила.
Дрогнул князь: за стариком,
Видно, Божья сила!

А ее не превозмочь,
Силы зла не хватит!
...Повернул владыка прочь
И коня, и рати...

Перевел с осетинского Ю. Щербаков

ДРУГ И БРАТ

Осетинская легенда

Высокие горы подлунные.
Спит мирно аул у подножья.
В ущелье охрипла безумная
Вода, что спешит бездорожьем.

Не ведает поле небесное,
Не знает долина земная,
Кто мчится тропою безвестною,
Нещадно коня погоняя.

Какого он роду и племени?
Искатель разбойной удачи?
Не зря он, наверное, в темени
К аулу заснувшему скакет.

Вот всадник на узенькой улице,
Вот он во дворе возле дома,
Который привычно сутулился,
Со всадником, видно, знакомый.

Здесь путник — не гость. По-хозяйски
Он входит в безмолвную саклю,
Айран из ковша без опаски
Он весь выпивает до капли.

Вступает он в комнату смело,
В обычай Осетии веря,
Что гостю — обычное дело —
Распахнуты настежь все двери.

Что друг принимает как брата
Приятеля ночью глухою.
Обычаи горские святы,
Достоинство в них родовое.

Все лучшее — гостю. От века
Так было. Но есть же пределы...
— Мой друг, я убил человека.
Зарыть помоги его тело...

Как будто змею, словами
Такими хозяин укушен.
И то ли мороз, то ли пламя
Терзает несчастную душу.

— Обрек на беду и бесчестье
Ты дом и семью мою. Горе!
Опомнись! За кровною местью
Сюда кто-то явится вскоре...

Тебе помочь я не стану!
Хоть этим нарушу обычай.

Но не пропущу караваны
Несчастий сюда за добычей!

И выставил гостя хозяин,
Сообщником быть не желая.
По улице тот неприкаян
Идет. «О, судьба моя злая!

Зачем ты послала на жатву
Открытый таких несчастливых,
Где друга горячая клятва
И та — ненадежна и лжива?

Ну что ж, двинусь к старшему брату,
Хоть знают родимые горы:
У нас с ним — разлад, виновата
В котором нелепая ссора».

Во двор он заходит, гадая,
Что ждет его: солнце иль буря.
И младшего старший встречает,
Неласково брови нахмурив.

— О, брат мой, пускай станет былью
Та ссора меж нами дурная!
В лесу человека убил я.
Что делать теперь, я не знаю...

— Молчи! Пусть известно то будет
Лишь только тебе, мне и Богу!
Беда! Не узнали бы люди...
И старший собрался в дорогу.

И вот они чащей дремучей
Идут, и меж ними — ни слова.
А с неба косматые тучи
На братьев взирают сурово.

Преступник, наверно, боится:
Топор над его головою.
Поэтому шепчет убийца,
Что жертва вот здесь, под листвою.

Как страшно — свидетели предки —
На место прийти преступленья...
Отброшены листья и ветки,
И тело пред ними... оленье!

— Прости меня за испытанье,
Родной мой! Но я теперь знаю:
Порою друзья — лишь названье,
А братья — опора земная!

...Рассвет сдернул ночи завесу,
И темным сомненьям ответом
Чащобу глухую Свет Леса¹
Наполнил живительным светом!

Перевел с осетинского Ю. Щербаков

ПИР ТИМУРА

Багдад, разоренный насеквоздь, от погрома
Отходит полуночью новой.
Усталый Тимур восседает угрюмо
На троне из кости слоновой.

Уже он мечом окровавил полсвета,
Не милуя и не минуя.
Еще разобьет он войска Баязета,
Ослабит Орду Золотую.

Но воин пресытился страшною славой,
Осенняя ночь — как лавина...
Давно он идет по дороге кровавой.
А чаши полна — половина.

Хотят ему саван скроить северянки
Аланские — пусть помечтают,
Пока перед ним молодые горянки
Танцуют и слезы глотают.

---

¹ Свет Леса (лесной свет) — в мифологии осетин покровитель лесов. Он представлялся в виде ярко сияющего света. Без его ведома никто не вправе срубить ни одно дерево.

Вот девочка с чангом едва прикрывает
Свои обнаженные перси —
Поет, как ширазская роза рыдает
В кромешной ночи ее Персии...

Но струны смолкают. Нетронуты яства,
И девушки в том неповинны.
В глазах его скорби немые таятся,
И чаша — до половины.

Какой бы красе в эту чашу ни литься,
На сердце — тяжелое бремя:
В нем с дерева жизни последние листья
Сдирает ненастное время.

С другим из ночи проступающим лицом
Идет разговор в человеке:
— За что, Искандер², тебя звали Великим
И что сотворил ты навеки?

И вдруг за иным потрясателем мира
Тимур вспоминает Хафиза³...
И ангел сбивает корону с эмира,
И трон осыпается книзу.

— Двурогий! По следу иду за тобою —
Обрушатся все мавзолеи,
Но в Персии под золотой синевою
Не будет Хафиза целее.

Покуда дворцы мои пылью не стали,
Подай, виночерпий, вина мне!
Пускай поскорее утонут печали
Моей неподъемные камни...

Осенний туман над могилой эмира,
Тяжелые плиты замшили...
В Багдаде, Ширазе и дальше по миру
Хафизовы живы газели.

Перевел с осетинского А. Расторгуев

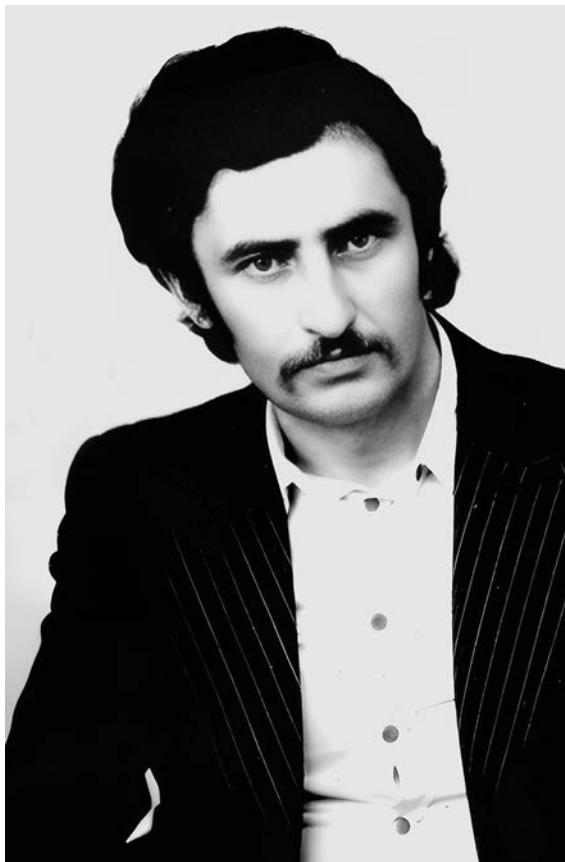
² Александр Македонский на Востоке был известен как Искандер Двурогий.

³ Хафиз Ширази — классик персидской поэзии, современник Тимура.

К 80-летию со дня рождения Таймураза Хаджеты

Игорь БУЛКАТЫ

ХАДЖЕ

Выдающийся осетинский поэт и переводчик Таймураз Хаджеты (1945–1996) прожил всего 51 год, но стихов его хватит на несколько жизней. Впрочем, к настоящей поэзии, как известно, неприменимы количественные максимы, и ценность ее измеряется иным аршином. Но одно появление такого поэта уже сделало Осетию богаче.

Близкие называли его Хадже.

Он родился 80 лет назад, 1 марта 1945 года, в селе Ногкау Кударского ущелья. Таймураз был младшим братом корифея осетинской литературы Нафи Джусойты. Иные до сих пор утверждают, что, взяв себе псевдоним, Таймураз пытался развеять комплексы относительно фигуры брата, который мог затмить его талант. Отчасти это правда, но если вспомнить рассказалую им историю про деда Хадже, сказителя и балагура, который после застолья обычно вливал в пасть своему коню целый рог осетинской араки, затем сам пил на посошок из того же рога и только после этого садился верхом, то многое становится понятным. У Таймураза с дедом Хадже общей была не только кровь, но и отношение к жизни, преломленное в призме поэзии.

Он окончил Литературный институт им. А. М. Горького, семинар поэзии Е. Долматовского, на котором занимались также поэты Надежда Кондакова, Иван Евсеенко, Николай Цветоватый и др. Вместе с ним в Литературном институте учились Алеш Гучмазты, Гастан Агнаты и Тотрадз Кокайты. Это были славные времена осетинской литературы.

Печатается по изданию: Литературная газета. 2025. № 11 (6975). 19 марта.

После института Таймураз вернулся в Осетию, много писал, публиковался в журналах «Фидиуг» («Глашатай»), «Мах дуг» («Наша эпоха»), «Дружба народов». В 1973 году цхинвальское издательство «Ирыстон» выпустило его первую книгу — «Девять всадников» («Фараст барәдҗы»), которая сразу же стала бестселлером, завоевав симпатии читателей незаурядным мастерством версификации и оригинальностью видения мира. Молодые люди ходили по городу и восторженно декламировали стихи — «На поле зеленом плясал лес» («Цъæх әэрдузы тымбыл кафт кодта хъæд»), «Тост старика» («Зæронд лæдҗы гаджидау»), «Осетия, родимая» («Ир — мæ райгуыраен») и др. В 1979 году Таймураз Хаджеты был принят в Союз писателей СССР, с 1985 года руководил объединением молодых поэтов, работал редактором на Северо-Осетинском телевидении. Всего у Таймураза было опубликовано десять книг, в том числе «Голос ветра» (1987) издательством «Современник». Причем рецензент книги Лидия Мигдалова указывает другое название — «Голос молчания» (видимо, его изменили в последний момент), что вполне в духе автора, предложившего издательству подстрочные переводы своих стихов, о которых она пишет: «Подстрочник не ощущается подстрочником, читая его (Таймураза) стихи в подстрочнике, воспринимаешь их и оцениваешь как состоявшиеся на русском языке. Это очень важное качество: увы, у некоторых поэтов в подстрочнике отсутствует своя личность и образный строй, и порой приходится гадать, стихи ли это вообще и спасает ли их родной язык».

Между тем известный поэт, переводчик и критик Лев Озеров в статье «Без пяти минут» (Литературная Россия. 1972. № 35), высоко оценив творчество Таймураза Хаджеты в целом, отметил перегруженность его стихов образами, словно тот боится, что «если в каждой строке не будет образа, она усохнет». Это все равно что упрекать осень в обилии дождя или лето в обилии солнца. Образная структура Таймураза Хаджеты основана не только на визуальных и вокальных эффектах, но и на древних семантических аллюзиях осетинского языка, не вполне доступных для тех, кто не впитал его с молоком матери. Впрочем, и без этого чувствуется пронизывающий до костей ветер поэтического мира Таймураза.

*Дивлюсь, коль вместе с именем твоим
ужизни плач подкатывает к горлу,
зачем стремишься
в царство мертвых, к предкам,
осетин?!*

На мой скромный взгляд, вопрос перенасыщенности или недостатка метафор и образов в стихах должен решаться самим автором, исходя из поэтики конкретного произведения. Другое дело — на вкус и цвет товарища нет, да и качество перевода имеет большое значение. В приведенном стихотворении патетично говорится о жизни и смерти. Но это как раз тот случай, когда патетикой не испортишь стихотворную ткань. Она как бы предполагает иронию читателя, которая поневоле становится союзником поэта. Речь идет не только о самопожертвовании, о ценности законов морали супротив подлости и зла, но, что важно, о переселении в мир иной во имя высокой идеи как о сакральном акте, опыт которого подробно представлен в осетинской мифологии и которому безоговорочно верят практически все осетины. Достаточно привести пример похода Нартского Сослана в загробный мир Барастыра, откуда он возвратился другим Нартом, с обновленной шкалой благородства и добра.

Что касается переложения стихов Таймураза Хаджеты на другие языки, он из тех поэтов, чье творчество прорывает любую «переводческую упаковку». Энергетика его стихов настолько сильна, что одного профессионализма недостаточно, чтобы донести их суть. Но так бывает со всеми выдающимися поэтами. Вспомним «Плавание» (Le voyage) Шарля Бодлера. Кабы не блестящий перевод Марины Цветаевой, читатель так и не понял бы не только французской, но и русской души. Разумеется, переводчик был не менее гениальным поэтом, чем автор, он вложил в перевод часть самого себя, и это, пожалуй, главное условие удачного переложения. Однако давайте признаемся, что многое зависит от того, насколько читатель подготовлен, насколько он чувствителен к нюансам поэзии. В этом смысле интересны рассуждения самого Таймураза Хаджеты о родном языке и метафоричности поэзии вообще. Говоря о будущем осетинского языка, он разделял беспокойство его судьбой со старшим братом Нафи, приводил пример вавилонян, которые общались на великом языке, но возгордились, и тогда по воле Господа они перестали понимать друг друга — язык был разделен на множество разных наречий. И это, по мнению Таймураза, было закономерно, потому что их язык перестал развиваться, превратившись в чисто утилитарное средство общения. Вавилоняне если и задирали вечерами голову кверху, то только затем, чтобы увидеть вершину строящейся башни, но не звезды в небе. Не было поэзии в их сердце, одна гордьня.

Возможно, сравнение Вавилона и Осетии притянуто за уши, но ведь очевидно, что осетинский язык, как и язык Древнего Вавилона,

перестал развиваться, служит лишь социальным, ритуальным целям, а молодежь думает на каких угодно языках, но только не на родном, потому что это невыгодно и никому не нужно. Услышат еще наши пеленашки, прильнувшие к материнской груди, осетинские колыбельные песни или нет — зависит только от нас. А такие поэты, как Таймураз Хаджеты, будоражат национальное самосознание, взрывают своим творчеством изнутри прикорнувшую культуру этноса, но эффект от этого кратковременный. Одних стихов о родине для решения подобных проблем недостаточно. Нужна серьезная, кропотливая работа. Те, кто изучает язык академически — по полтора часа в день, прекрасно понимают, что они смогут общаться с носителями, и поэзию они воспримут худо-бедно, но никогда не познают ее глубины и осознанной неповторимости, которая впитывается с младых ногтей вместе с молоком матери.

На русский язык Таймураза Хаджеты переводили многие известные поэты. Но наиболее интересными мне представляются переложения Юрия Кузнецова, с которым у Таймураза было много общего. Кроме того, что оба учились в Литературном институте и часто встречались, в творчестве их объединяла некая эсхатологическая обреченность, трагическое предчувствие кризиса культуры. Если же быть точнее, поэзия обоих мастеров зиждется на стыке язычества и христианства, и предчувствие катастрофы — не дань поэтической субкультуре, а трансляция витающего в космосе безвременья. По утверждению Таймураза Хаджеты, у поэта в нагрудном кармане хранится флейта-фа, с помощью которой он улавливает в пространстве сгустившуюся информацию и передает ее людям. Как известно, многие осетины, проживавшие в Грузии, были вынуждены оставить дома и бежать. Он был свидетелем этого, поэтому в стихах периода 90-х сквозит обреченность и отчаяние — «Старый пес» (Зәронд куыдз), «Другу» («Хәлармә»), «Мой забытый дом» («Мәе рох къуым») и др. Он не дожил до событий 2008 года, когда грузинские войска ворвались в Цхинвал и практически смешили с землей город, но предчувствия его сбылись: культурный слой Южной Осетии почти полностью переместился в Северную Осетию, а оттуда в разные концы земли.

Творчество Таймураза Хаджеты близко Юрию Кузнецову не только трагизмом, но и высочайшей культурой стиха. Оба они прекрасные версификаторы и строят поэтический мир таким образом, что мифические, сказочные персонажи способны вывернуть суть наизнанку. Причем добровольный переход в мир иной или пропускание электрического тока через тело — не единственные методы достижения цели.

Таймураз Хаджеты сам много переводил на осетинский язык — Александра Пушкина, Александра Блока, Сергея Есенина, Анну Ахматову, Марину Цветаеву, Франческо Петrarку, Поля Верлена, Гийома Аполлинера, Уильяма Шекспира, Пабло Неруду и др. Умел и любил декламировать стихи. Однажды летом 1984 года вместе с Мелитоном Казиты, Алешем Гучмазты и Таймуразом Хаджеты мы дегустировали кахетинские вина в тбилисской харчевне, и Таймураз, встав из-за стола, выпрямившись во весь рост и жестикулируя, принялся декламировать по-осетински свое стихотворение «Бой аланского воина с римлянином» («Алайнаджы тох ромаг хæстонимæ»), да так здорово, что у входа столпились люди и слушали разинув рты. И среди них толстяк в рубахе навыпуск и фетровой шляпе — видимо, местный осетин, — прикрыв ладонью рот, синхронно переводил стоящей рядом чопорной дамочке в пенсне, и та кивала в ответ после каждой фразы, как строгая училка. Не понимая ни слова, слушатели были покорены льющейся энергией. Это был тот случай, когда поэзия объединяет народы, чего не хватало вавилонянам и чего не хватает сегодня всем нам.

Таймураз ХАДЖЕТЫ

* * *

Я вижу смерть свою: она все ближе...
 В горах тяжелый, мокрый снег завис.
 Село притихло, лай собачий слышен.
 У сумрачного дома с плоской крышей
 В одежде черной люди собрались.

Всяк славословит о моей судьбе.
 Старухи причитают как попало.
 И женщина, далекая тебе,
 У изголовья моего упала.

Понурясь, ты глядишь из темноты,
 Слеза в глазах мерцает одиноко.
 Все думают: хозяйка — это ты,
 А мой отец — родня, но издалёка.

Утешить скорбь твою никто не мог,
Безмолвных мук никто не замечает.
И только видно: на твой тайный вздох,
Как лед, лицо покойника сияет.

Перевел Юрий Кузнецов

* * *

И говорила женщина в печали:
— Смерть лицемерна, слава неверна.
Меня когда-то люди величали,
Но счастье откатилось, как волна.
А в юности оно, конечно, было.
И я, как беззащитного птенца,
Его в ладонях бережно носила,
Чтоб поселить потом в людских сердцах.
Я красоте своей не доверяла —
Она была обузой мне всегда.
На поле славы пахарем я стала.
Ох, нелегка поэта борозда!
Поэзию — пугливое созданье —
Я приручала волею своей.
И знаю: нет поэта без страданья,
Как нет на небе бога без людей!

О СЧАСТЬЕ

Волны с берегом яростно спорят,
Точат груды замшелых камней...
Вьется белая чайка над морем,
Волны ласково тянутся к ней.
Море, море! Тебе ли ладони
К гордой птице с мольбою тянуть?
Стон твой сердца ее не затронет,
У нее свой, неведомый путь.
Я найти свое счастье мечтаю
И брожу по горам сам не свой...
Чайка так же над морем летает,
Волны так же рокочут с мольбой.

ИРИСТОН

Все то, чем приметен ты и знаменит,
Возникло в младенческом лоне...
Родился в горах я... Там сакля стоит
У облака на ладони.
Там стоит лишь камешек серне задеть —
Ущелье гремит камнепадом,
И если с вершины на землю смотреть,
То небо покажется рядом.
Там звезды блестят, как оленьи глаза,
И дремлет медведь под малиной.
Как матери старой седая коса,
Повис водопад над долиной.
Там ветры встречает орлиная грудь,
Что крепче любого металла.
Там горец-джигит начинает свой путь
С лихого коня и кинжала...
Вот тут я родился, где предок мой жил,
Где он, бородатый и хмурый,
На дымном костре свою пищу варил
И в непогодь грелся под шкурой.
Когда приходила в ущелье зима,
Дома заметая по крыши,
Когда копошились в пустых закромах
Голодные серые мыши,
Мой предок с улыбкою так говорил:
— Весна не минует нас, дети!..
Свободу и честь он превыше ценил
Всех благ и достоинств на свете.
Расписок он людям вовек не давал,
Лишил волос из уса мог дать им,
А добрых друзей и соседей встречал
Крепчайшим рукопожатьем...
Достоинства все и пороки свои
Я принял от предка законно.
И так же, как он, не могу даже миг
Прожить я без Иристона!

Перевел Александр Греков

Вадим ЖУК

«Не слышно мне ни тишины, ни плеска...»

СТИХИ
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ М. ШЕВЕЛЕВА

Поэтический талант равнозначен сложной биографии. Эти люди чувствуют острее, чем остальные, реагируют яростнее и обижаются легче. Вряд ли найдется талантливый поэт, про которого напишут после смерти: «Он жил легко и беззаботно». Трагический список, подтверждающий эту мысль, общеизвестен — от Пушкина до Высоцкого, от Бродского до Рыжего.

Вадим Семенович Жук, которого не стало 20 марта 2025-го, не то что бы стал исключением из этого правила, но он поэт очень позднего созревания. Настоящие стихи пришли к нему после пятидесяти. А до того — актер, режиссер, сценарист, автор скетчей и пародий. И все это давалось ему играющи, совершенно по-момичариковски. Радостное время. А потом талант взял свое, и началась другая жизнь.

Чеховская максима «Можешь не писать — не пиши» — это точно про Вадима Жука. Он не мог не писать. Каждый день. И всякий раз мучительно сомневаясь в качестве сделанного. И преодолевая страх перед возможной неудачей и насмешками недоброжелателей — дескать, иногда полезно помолчать. Для литератора поведение вполне героическое.

Но был еще и человек Вадим Жук. Знать которого и дружить с которым было счастьем. Такого сочетания расположенностей к людям, доброты и благородства я больше не встречал.

Я не сомневаюсь, что когда-то в России появится театр имени Вадима Жука. И фестиваль театральных капустников. И стихи его в школьных учебниках. И когда (не если) это случится, можно будет с чистой совестью налить и повторить его любимую фразу: «Я пью за здоровье немногих, остальные пусть сами лечатся».

Михаил Шевелев

* * *

В оковках зимних, в хладной дреме,
Предупреждая майский день,
Уже задумана черемуха,
Уже срифмована сирень.
Уже живет — останови-ка! —
И копит цвет, и ладит вкус
Темноголовая черника,
В июле я за ней нагнусь.
Ребенка вскормит соловьиха.
И оглушительный восход
Грядет, как вдох, грядет, как выдох.
Зачем иначе новый год?

31.12.2024

* * *

Ах, Смоленка ты, Смоленка,
Кладбище старинное.
Под землею поселенка —
Нянюшка Арина.

Рядом всякие зоилы —
Бабушки и дедушки:
«Она Пушкина споила! —
Злобствуют соседушки. —

Это нынче она стала
Тихою норушкою.
А прикинь, как с ним хлестала
Глиняною кружкою».

И народ идет к погосту
Только ради оного:
Поглядеть на эту злостну
Няню Родионовну.

А она на веки вечны
К мальчику прикована,
Речью Сашиной сердечной
Сильно очарована.

Во могиле тяжко, скучно.
И она душой своей
Тихо шепчет: «Где ж ты, Пушкин?
Сердцу стало б веселей».

21.02.2025

* * *

Если бы я повстречал эту Свету,
Мы бы небось поженились к лету.
Спали, прижавшись спиною друг к другу,
Купали бы маленькую в ванне,
Ездили бы к тете Нине Митрофановне
В Лугу.
Хвалили бы ее дочь студентку-отличницу.
Однажды я бы пересолил яичницу
Так сильно, что мы бы полдня хохотали.
В отпуск снимали бы комнату у залива.
А все говорят: «Мальдивы, Мальдивы».
Слетали.
Если бы я повстречал Светлану,
Мы бы строили счастливые планы
О покупке шкафа-пенала.
Вообще, быть несчастливым кощунственно.
Я это только сейчас почувствовал.
Без Светы. Ближе к финалу.

04.02.2025

«НЕ СЛЫШНО МНЕ НИ ТИШИНЫ, НИ ПЛЕСКА...»

ЛОВ ПОДЛЕДНЫЙ

Туман стоит над белоглазым Выборгом,
Клубится в гуще угро-финских языков.
Из полыни выпрастаиваются рыбины,
Под лед влекут нерасторопных рыбаков.

Ловецкую сдирают амуницию,
Растаскивают жирные тела
И ледяными протыкают спицами,
Чтоб про запас живая плоть была.

А новые вверху и пьют, и крякают,
Долбят неподдающиеся льды,
И флягами, и тесачками брякают,
И тупо смотрят в зеркало воды.

Немного им над лунками отпущено.
И теплый носится среди рыбачких ног
Лесов подводных пощажённый пущами
Ничей, приблудный и живой щенок.

27.01.2025

* * *

Сделка пастуха с коровой,
Моны Лизы — с Леонардо,
Александра — с Гончаровой,
Сделка кролика с гепардом,
С маузером — Маяковского,
С пропастями — альпинистов,
Сделка с нотами — Чайковского
И с клавиатурой — Листа,
Тарахтенья — с тарахтелкой
И хотения — с хотелкой,
Смерти-матушки — с сиделкой,
Колеса — с блохастой белкой,
Побеленного — с побелкой,
Перепалки — с перестрелкой
Навсегда и навсегда.
Всё на свете — только сделка,
Только сделка, господа!

06.03.2025

* * *

Собака по соседству лает,
Ни полминуты не молчит,
Смолкает только, поедая
Свои ужасные харчи.

Собака под забором брешет.
Она заходится, хрипит,

Страша черешню и орешник
Бряцаньем круговой цепи.

Собака лает, носит ветер...
Другого чаяла она,
Когда в глуши тысячелетий
Была тобой приручена.

Когда стремилась молчаливо
В пустых степях над током рек.
И клал ей руку на загривок
Большой косматый человек.

А нынче предана жестоко,
И днем лазурным, и в ночи
Страшна, безумна, одинока,
Она кричит, кричит, кричит...

09.03.2025

* * *

На узком мостице, за шаткие перила
Держась, кричишь, и ничего в ответ,
Была, была и вот отговорила.
И даже эха нет.

Карасик-рыбка, круглый жадный ротик,
Голодная до синевы волна.
Плывет, плывет по речке малый плотик
О два бревна.

Два мальчика плывут белоголовых
Вдоль зябких молчаливых берегов.
Молчат под ивами большие рыболовы.
Не слышно слов.

Не слышно мне ни тишины, ни плеска,
Невидим голос твой, невидим звук.
И солнца дышит неподвижный круг
За облачной неплотной занавеской.

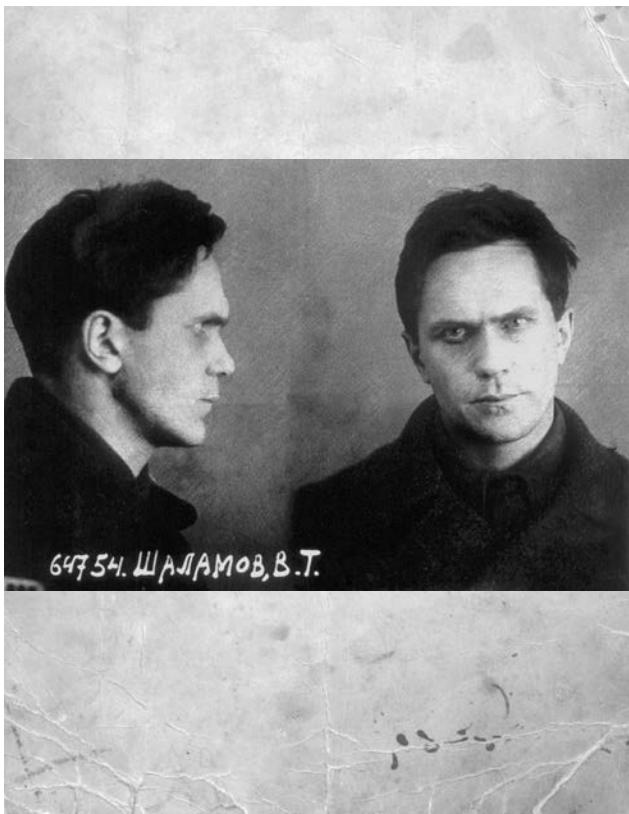
20.03.2025

Варлам ШАЛАМОВ

СЕНТЕНЦИЯ

РАССКАЗ

*Надежде Яковлевне
Мандельштам*

Люди возникали из небытия — один за другим. Незнакомый человек ложился по соседству со мной на нары, приваливался ночью к моему костлявому плечу, отдавая свое тепло — капли тепла — и получая взамен мое. Были ночи, когда никакого тепла не доходило до меня сквозь обрывки бушлата, телогрейки, и поутру я глядел на соседа, как на мертвеца, и чуть-чуть удивлялся, что мертвец жив, встает по окрику, одевается и выполняет покорно команду. У меня было мало тепла. Не много мяса осталось на моих костях. Этого мяса достаточно было только для злости — последнего из человеческих чувств. Не равнодушие, а злость была последним человеческим чувством — тем, которое ближе к костям. Человек, возникший из небытия, исчезал днем — на угольной разведке было много участков — и исчезал навсегда. Я не знаю людей, которые спали рядом со мной. Я никогда не задавал им вопросов, и не потому, что следовал арабской пословице: не спрашивай — и тебе не будут лгать. Мне было все равно — будут мне лгать или не будут, я был вне правды, вне лжи. У блатных на сей предмет есть жесткая, яркая, грубая поговорка, пронизанная глубоким презрением к задающему вопрос: не веришь — прими за сказку. Я не расспрашивал и не высушивал сказок.

Что оставалось со мной до конца? Злоба. И храни эту злобу, я рассчитывал умереть. Но смерть, такая близкая совсем недавно, стала понемногу отодвигаться. Не жизнью была смерть замещена, а полусознанием, существованием, которому нет формул и которое не может называться жизнью. Каждый день, каждый восход солнца приносил опасность нового, смертельного толчка. Но

Печатается по изданию: Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 6 т. / сост., вступ. ст., прим. И. Сиротинской. Т. 1. М., 2013. С. 399–406.

толчка не было. Я работал кипятильщиком — легчайшая из всех работ, легче, чем быть сторожем, но я не успевал нарубить дров для титана, кипятильника системы «Титан». Меня могли выгнать — но куда? Тайга далеко, поселок наш, «командировка» по-колымскому, — это как остров в таежном мире. Я еле таскал ноги, расстояние в двести метров от палатки до работы казалось мне бесконечным, и я не один раз садился отдыхать. Я и сейчас помню все выбоины, все ямы, все рывтины на этой смертной тропе; ручей, перед которым я ложился на живот и лакал холодную, вкусную, целебную воду. Двуручная пила, которую я таскал то на плече, то волоком, держа за одну ручку, казалась мне грузом невероятной тяжести.

Я никогда не мог вовремя вскипятить воду, добиться, чтобы титан закипал к обеду.

Но никто из рабочих из вольняшек — все они были вчерашними заключенными — не обращал внимания, кипела ли вода или нет. Колыма научила всех нас различать питьевую воду только по температуре. Горячая, холодная, а не кипяченая и сырая.

Нам не было дела до диалектического скачка перехода количества в качество. Мы не были философами. Мы были работягами, и наша горячая питьевая вода этих важных качеств скачка не имела.

Я ел, равнодушно стараясь съесть все, что попадалось на глаза, — обрезки, обломки съестного, прошлогодние ягоды на болоте. Вчерашний или позавчерашний суп из «вольного» котла. Нет, вчерашнего супа у наших вольняшек не оставалось.

В палатке нашей было два ружья, два дробовика. Куропатки не боялись людей, и первое время птицу били прямо с порога палатки. Добыча запекалась целиком в золе костра или варились, когда ощипывалась бережно. Пух-перо — на подушку, тоже коммерция, верные деньги — приработка вольных хозяев ружей и таежных птиц. Выпотрошенные, ощипанные куропатки варились в консервных банках — трехлитровых, подвешенных к кострам. От этих таинственных птиц я никогда не находил никаких остатков. Голодные вольные желудки измельчили, смололи, иссосали все птичьи кости без остатка. Это тоже было одно из чудес тайги.

Я никогда не попробовал ни кусочка от этих куропаток. Мое — были ягоды, корни травы, пайка. И я — не умирал. Я стал все более равнодушно, без злобы, смотреть на холодное красное солнце, на горы, гольцы, где все: скалы, повороты ручья, лиственницы, топо-

ля — было угловатым и недружелюбным. По вечерам с реки поднимался холодный туман — и не было часа в таежных сутках, когда мне было бы тепло.

Отмороженные пальцы рук и ног ныли, гудели от боли. Ярко-розовая кожа пальцев так и оставалась розовой, легко ранимой. Пальцы были вечно замотаны в какие-то грязные тряпки, оберегая руку от новой раны, от боли, но не от инфекции. Из больших пальцев на обеих ногах сочился гной, и не было гною конца.

Меня будили ударом в рельс. Ударом в рельс снимали с работы. После еды я сразу ложился на нары, не раздеваясь, конечно, и засыпал. Палатка, в которой я спал и жил, виделась мне как сквозь туман — где-то двигались люди, возникала громкая матерная брань, возникали драки, наступало мгновенно безмолвие перед опасным ударом. Драки быстро угасали — сами по себе, никто не удерживал, не разнимал, просто глохли моторы драки — и наступала ночная холодная тишина с бледным высоким небом сквозь дырки брезентового потолка, с храпом, хрипом, стонами, кашлем и беспамятной руганью спящих.

Однажды ночью я ощутил, что слышу эти стоны и хрипы. Ощущение было внезапным, как озарение, и не обрадовало меня. Позднее, вспоминая эту минуту удивления, я понял, что потребность сна, забытья, беспамятства стала меньше — я выспался, как говорил Моисей Моисеевич Кузнецов, наш кузнец, умница из умниц.

Появилась настойчивая боль в мышцах. Какие уж у меня были тогда мышцы — не знаю, но боль в них была, злила меня, не давала отвлечься от тела. Потом появилось у меня нечто иное, чем злость или злоба, существующее вместе со злостью. Появилось равнодушие — бесстрашие. Я понял, что мне все равно — будут меня бить или нет, будут давать обед и пайку или нет. И хотя в разведке, на бесконвойной командировке, меня не били — бьют только на приисках, — я, вспоминая прииск, мерил свое мужество мерой прииска. Этим равнодушием, этим бесстрашием был переброшен мостик какой-то от смерти. Сознание, что бить здесь не будут, не бьют и не будут бить, рождало новые силы, новые чувства.

За равнодушием пришел страх — не очень сильный страх — боязнь лишиться этой спасительной жизни, этой спасительной работы кипятильщика, высокого холодного неба и ноющей боли в изношенных мускулах. Я понял, что боюсь уехать отсюда на

прииск. Боюсь, и все. Я никогда не искал лучшего от хорошего в течение всей своей жизни. Мясо на моих костях день ото дня росло. Зависть — вот как называлось следующее чувство, которое вернулось ко мне. Я позавидовал мертвым своим товарищам — людям, которые погибли в тридцать восьмом году. Я позавидовал и живым соседям, которые что-то жуют, соседям, которые что-то закуривают. Я не завидовал начальнику, прорабу, бригадиру — это был другой мир.

Любовь не вернулась ко мне. Ах, как далека любовь от зависти, от страха, от злости. Как мало нужна людям любовь. Любовь приходит тогда, когда все человеческие чувства уже вернулись. Любовь приходит последней, возвращается последней, да и возвращается ли она? Но не только равнодушие, зависть и страх были свидетелями моего возвращения к жизни. Жалость к животным вернулась раньше, чем жалость к людям.

Как самый слабый в этом мире шурфов и разведочных канав, я работал с топографом — таскал за топографом рейку и теодолит. Бывало, что для скорости передвижения топограф прилаживал ремни теодолита за свою спину, а мне доставалась только легчайшая, раскрашенная цифрами рейка. Топограф был из заключенных. С собой для смелости — тем летом было много беглецов в тайге — топограф таскал мелкокалиберную винтовку, выпросив оружие у начальства. Но винтовка нам только мешала. И не только потому, что была лишней вещью в нашем трудном путешествии. Мы сели отдохнуть на поляне, и топограф, играя мелкокалиберной винтовкой, прицелился в красногрудого снегиря, подлетевшего рассмотреть поближе опасность, увести в сторону. Если надо — пожертвовать жизнью. Самочка снегиря сидела где-то на яйцах — только этим объяснялась безумная смелость птички. Топограф вскинул винтовку, и я отвел ствол в сторону.

— Убери ружье!

— Да ты что? С ума сошел?

— Оставь птицу, и все.

— Я начальнику доложу.

— Черт с тобой и с твоим начальником.

Но топограф не захотел ссориться и ничего начальнику не сказал. Я понял: что-то важное вернулось ко мне.

Не один год я не видел газет и книг и давно выучил себя не сожалеть об этой потере. Все пятьдесят моих соседей по палатке, по брезентовой рваной палатке, чувствовали так же — в нашем ба-

раке не появилось ни одной газеты, ни одной книги. Высшее начальство — прораб, начальник разведки, десятник — спускалось в наш мир без книг.

Язык мой, приисковый грубый язык, был беден, как бедны были чувства, еще живущие около костей. Подъем, развод по работам, обед, конец работы, отбой, гражданин начальник, разрешите обратиться, лопата, шурф, слушаюсь, бур, кайло, на улице холодно, дождь, суп холодный, суп горячий, хлеб, пайка, оставь покурить — двумя десятками слов обходился я не первый год. Половина из этих слов была ругательствами. Существовал в юности, в детстве анекдот, как русский обходился в рассказе о путешествии за границу всего одним словом в разных интонационных комбинациях. Богатство русской ругани, ее неисчерпаемая оскорбительность раскрылась передо мной не в детстве и не в юности. Анекдот с ругательством выглядел здесь как язык какой-нибудь институтки. Но я не искал других слов. Я был счастлив, что не должен искать какие-то другие слова. Существуют ли эти другие слова, я не знал. Не умел ответить на этот вопрос.

Я был испуган, ошеломлен, когда в моем мозгу, вот тут — я это ясно помню — под правой теменной костью — родилось слово, вовсе не пригодное для тайги, слово, которого и сам я не понял, не только мои товарищи. Я прокричал это слово, встав на нары, обращаясь к небу, к бесконечности:

— Сентенция! Сентенция!

И захохотал.

— Сентенция! — орал я прямо в северное небо, в двойную зарю, орал, еще не понимая значения этого родившегося во мне слова. А если это слово возвратилось, обретено вновь, тем лучше, — тем лучше! Великая радость переполняла все мое существо.

— Сентенция!

— Вот псих!

— Псих и есть! Ты иностранец, что ли? — язвительно спрашивал горный инженер Вронский, тот самый Вронский. «Три табачинки».

— Вронский, дай закурить.

— Нет, у меня нету.

— Ну хоть три табачинки.

— Три табачинки? Пожалуйста.

Из кисета, полного махорки, извлекались грязным ногтем три табачинки.

— Иностранец? — Вопрос переводил нашу судьбу в мир провокаций и доносов, следствий и добавок срока.

Но мне не было дела до провокационного вопроса Вронского. Нахodka была чересчур огромной.

— Сентенция!

— Псих и есть.

Чувство злости — последнее чувство, с которым человек уходил в небытие, в мертвый мир. Мертвый ли? Даже камень не казался мне мертвым, не говоря уже о траве, деревьях, реке. Река была не только воплощением жизни, не только символом жизни, но и самой жизнью. Ее вечное движение, рокот неумолчный, свой какой-то разговор, свое дело, которое заставляет воду бежать вниз по течению сквозь встречный ветер, пробиваясь сквозь скалы, пересекая степи, луга. Река, которая меняла высушенное солнцем, обнаженное русло и чуть-чуть видной ниточкой водной пробиралась где-то в камнях, повинуясь извечному своему долгу, ручейком, потерявшим надежду на помощь неба — на спасительный дождь. Первая гроза, первый ливень — и вода меняла берега, ломала скалы, кидала вверх деревья и бешено мчалась вниз той же самой вечной своей дорогой...

Сентенция! Я сам не верил себе, боялся, засыпая, что за ночь это вернувшееся ко мне слово исчезнет. Но слово не исчезало.

Сентенция. Пусть так переименуют речку, на которой стоял наш поселок, наша командировка «Рио-рита». Чем это лучше «Сентенции»? Дурной вкус хозяина земли — картографа ввел на мировые карты Рио-риту. И исправить нельзя.

Сентенция — что-то римское, твердое, латинское было в этом слове. Древний Рим для моего детства был историей политической борьбы, борьбы людей, а Древняя Греция была царством искусства. Хотя и в Древней Греции были политики и убийцы, а в Древнем Риме было немало людей искусства. Но детство мое обострило, упростило, сузило и разделило два этих очень разных мира. Сентенция — римское слово. Неделю я не понимал, что значит слово «сентенция». Я шептал это слово, выкрикивал, пугал и смешивал этим словом соседей. Я требовал у мира, у неба разгадки, объяснения, перевода. А через неделю понял — и сошлогнулся от страха и радости. Страха — потому что пугался возвращения в тот мир, куда мне не было возврата. Радости — потому что видел, что жизнь возвращается ко мне помимо моей собственной воли.

Прошло много дней, пока я научился вызывать из глубины мозга все новые и новые слова, одно за другим. Каждое приходило с трудом, каждое возникало внезапно и отдельно. Мысли и слова не возвращались потоком. Каждое возвращалось поодиночке, без конвоя других знакомых слов, и возникало раньше на языке, а потом — в мозгу.

А потом настал день, когда все, все пятьдесят рабочих бросили работу и побежали в поселок, к реке, выбираясь из своих шурфов, канав, бросая недопиленные деревья, недоваренный суп в котле. Все бежали быстрее меня, но и я доковылял вовремя, помогая себе в этом беге с горы руками.

Из Магадана приехал начальник. День был ясный, горячий, сухой. На огромном лиственничном пне, что у входа в палатку, стоял патефон. Патефон играл, преодолевая шипенье иглы, играл какую-то симфоническую музыку.

И все стояли вокруг — убийцы и кононкрады, блатные и фраера, десятники и работяги. А начальник стоял рядом. И выражение лица у него было такое, как будто он сам написал эту музыку для нас, для нашей глухой таежной командировки. Шеллачная пластинка кружилась и шипела, кружился сам пень, заведенный на все свои триста кругов, как тугая пружина, закрученная на целых триста лет...

1965

Шалико ТЕДЕЕВ

«...В погоне за фартом»

* * *

Понятно настроение зверья
После концерта соловья.
Веселой, радостной гурьбой
Все возвращаются домой...
А у кого-то взор потух —
Конечно, это был петух...

* * *

Во весь свой рост, почти в два метра,
Нахрапом прет он против ветра,
А в кабинете же у мэтра
Скукоживается до метра...
Вот такая арифметика —
Вне морали и этики.

* * *

— Я всех важнее здесь, и точка! —
Воскликнула пустая бочка.
Вот так и в жизни: кто пустее,
Тот на виду, гремит мощнее.
А полная бочка негромко звучит,
И полная меда пчела не ужалит.
Умный, талантливый не закричит,
Он молча творит, не шумит, не скандалит.

* * *

Формула воды и цвет травы все те же,
Но дед мой непременно скажет как отрежет:
— Ей-ей!
Все ж в юности моей
Вода была мокрой,
А травка зеленей!

* * *

Честолюбие и водка...
Здесь один закон!
Знаешь меру — ты находка,
Если нет — смешон.

* * *

Ложь с толикою правды —
Убийственная смесь...
Подобной «грязи» автор
И сам из «грязи» весь.

* * *

Меж «звоном» о сути и сутью самой
Нет связи порою совсем никакой...

* * *

Часто в погоне за фартом
Можно столкнуться с инфарктом.

* * *

Неприлично о личности
Судить по наличности.

* * *

Мой друг, мне по душе твое стремленье ввысь,
Но раньше по земле ходить ты научись.

ДАРЬЯЛ

СКУЛЬПУРА
2'2025

Андрей КАСАБИЕВ

ФОТО ЕЛЕНЫ ХОДОРОВОЙ
РЕТУШЬ СНИМКОВ ЕКАТЕРИНЫ КАЛИНИНОЙ

Спящий клинок. Бронза, камень. 2016

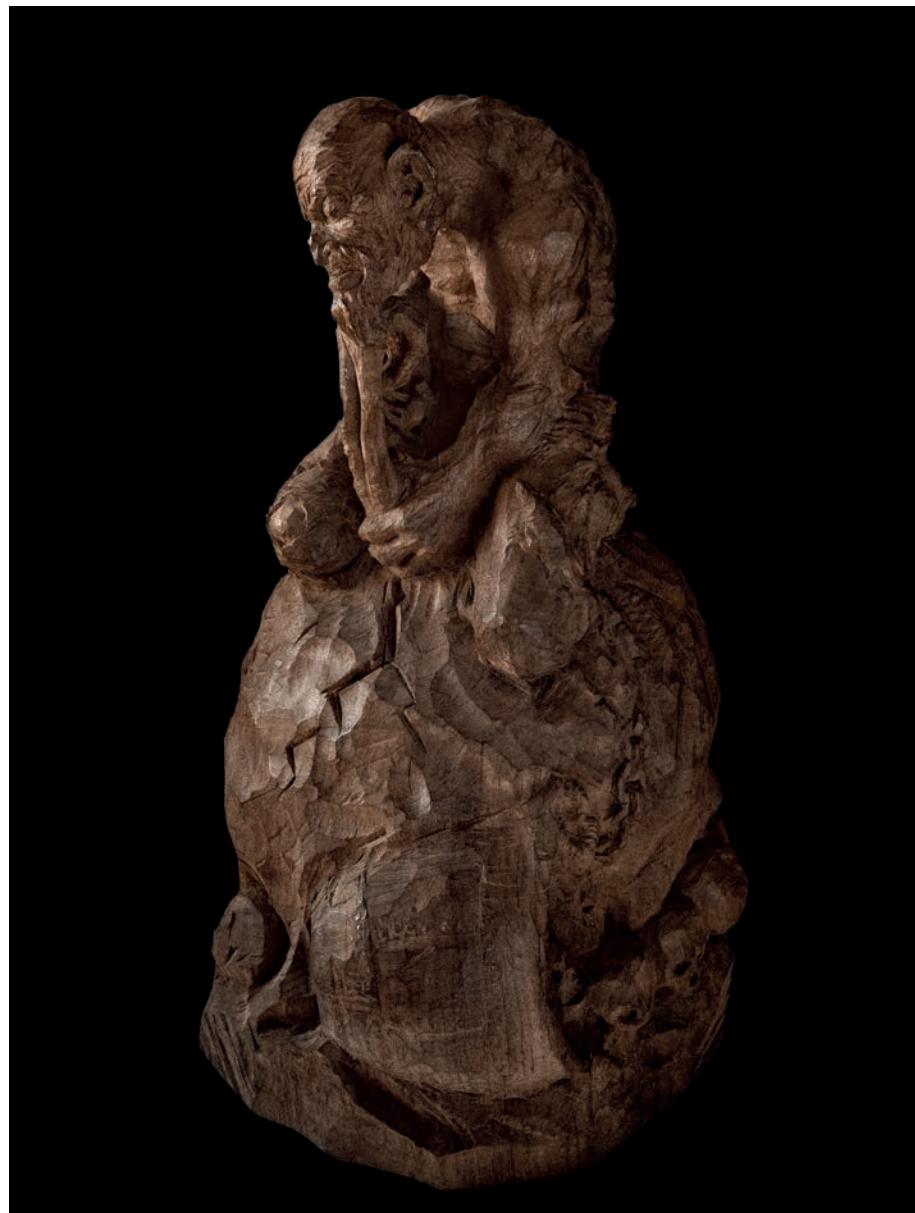
Крест. Бронза, камень. 2016

Рождение арфы. Бронза, камень. 2018

Рождение арфы. Дерево. 2007

Дерзновение. Дерево. 2005

Слеза. Бронза, камень. 2018

Крик. Бронза. 2017

Отражение. Дерево. 2003

Поцелуй амазонки. Бронза, камень. 2016

Предчувствие. Дерево. 2002

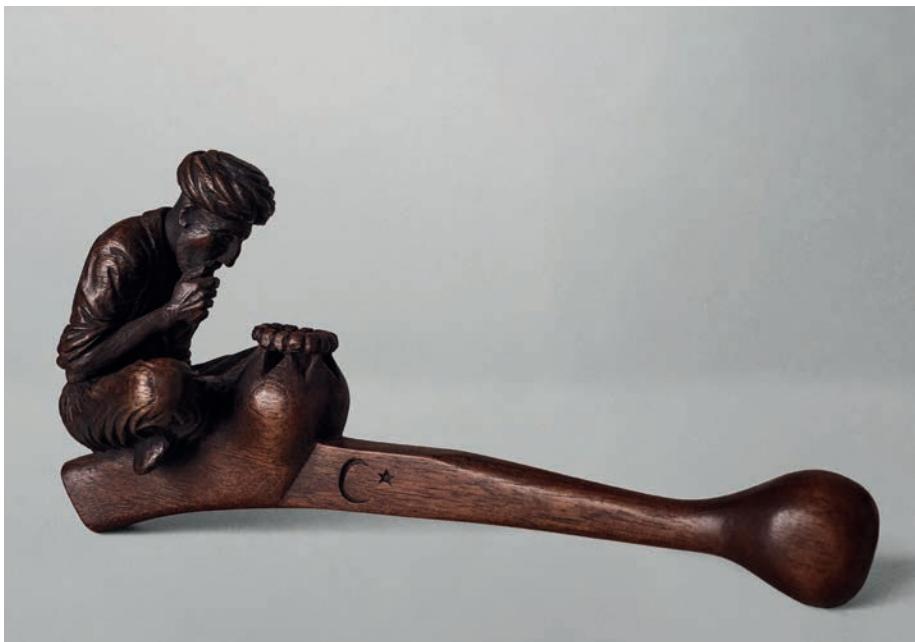
Пектораль. Дерево. 2007

Воспоминание о скифах
(женское украшение). Дерево. 2003

Багдадский вор. Дерево. 1997

Утро. Бронза. 2016

Клинч. Дерево. 2004

Ночь. Дерево. 2000

Возношение. Дерево. 2002

АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

***

Я на войне такое видел:
Прильнув щекой к тропе лесной,
Фашистской пулею убитый,
Лежал парнишка молодой.

Был бой жестокий за деревню,
И пал Отчизны верный сын.
Но всё отсчитывали времена
Его наручные часы.

Не тронула их пуля злая,
Что сердце юное прожгла.
И тикали часы, не зная
О том, что жизнь давно ушла.

И никакие в мире силы
Ее вернуть бы не смогли.
Я тело опустил в могилу.
Часы всё шли, часы всё шли...

Сараби Чехоев

Перевел с осетинского А. Греков

ЧЬЕ У ПАМЯТИ ЛИЦО?

СТИХИ

Герсан ЧОЧИЕВ

УХОДЯ В АРМИЮ...

Любимая мне, как иным, не сказала
«Прощай!». Не упала, рыдая, на грудь.
Но мать мне впослед свое слово послала:
«Да будет, мой сын, прям и легок твой путь!

Ты мужество пил с молоком материнским.
Крылатое время взрастило тебя.
И ты защитишь нас щитом исполинским
И вырвешь змеиное жало врага.

Ты саблю точи о сердечные струны.
И смелость, и удаль свои покажи.
Запомни наказ мой: в миг страшный и трудный
За счастье народа отдай свою жизнь».

И я ей ответил: «Наказ твой исполню».
Коснулся щеки ее, полной тепла.
И тронулся поезд дорогой бессонной.
И рельсы гудели... И битва звала...

1941

Перевела с осетинского
И. Гуржибекова

Борис ТЕХОВ

КАВКАЗУ

Прет бешеный враг, вкус победы изведав.
Два года, как прет беспощадный на нас.
К горам нашим шел по кровавому следу,
И кровь оросила порог твой, Кавказ.

Родная земля! Люди — братья, услышьте:
Мы с рабством не можем смириться ничуть.
Вот знамя борьбы поднимается выше...
Так кровь же за кровь, смерть за смерть палачу!

1942

Перевела с осетинского
И. Гуржибекова

Гиго ЦАГАРАЕВ

У ПАМЯТНИКА СОЛДАТУ

Кровь — до капли — всю отдал Отчизне,
За все воздал жестокому врагу.
Ни пред землей своей, ни перед жизнью
Навеки не остался он в долгу.
Не дал он рухнуть башне славы нашей,
Не дал засохнуть счастья родникам.
И не его ли сердце в алоей чаше
Из Вечного огня стремится к нам?..

ТАНК

В час, когда, оружье сжав руками,
Из мальчишек взрослыми мы стали,
Он, блестя новорожденной сталью,
На врага свое направил пламя.
Сколько пуль о грудь его разбилось,
Сколько ран в его могучем теле...
Сколько раз ему ночами снилось,
Что над ним не пули — птицы пели.
Шел, рассеивая злые тучи,
И потом его народ-воитель
Поднял к небу на плечах могучих,
Чтобы отдохнул он на граните.

Перевела с осетинского
И. Гуржибекова

БАЛЛАДА О МОИХ СОСЕДЯХ

Он ушел, когда в бой
уходили соседи наши.
Из дома родного его позвала
война.
Кто пива теперь нальет
в опустелые чаши?
Кто подержит старшему
стремена?
Он ушел, мой сосед молодой,
а дом и старая мать
Глядели ему вслед, и было
мне не понять,
У кого из них сердце
сжималось сильней:
У матери, у которой больше
нет сыновей,
Или у дома, что без хозяина
 чах?..
Нет, все же у матери,
чей вскрик застыл на губах.
Глаза ее, красные
от бессонных ночей,
На дороге высмотреть
сына старались.
И любила она его
все горячей,
А черты его в памяти
почему-то стирались.
Лишь однажды во сне
он пришел к ней, словно живой.
О, как бы хотела она
продлить этот миг золотой...
И наутро, чтобы сберечь
дорогие черты,
Острый камень взяла и на плоский камень,
что в стену врос,
Нанесла осторожно лоб,
детской еще чистоты

Смеющиеся глаза,
орлиный нос.
К камню прильнув бледной
худой рукою,
Чертит она и видит сквозь
марево слез:
Широкий лоб, с детской
еще чистотою
Смеющиеся глаза,
Орлиный нос.
Но вот задвигались будто
густые черные брови.
Как крылья, затрепетали,
умчать его поскорей
На склон, поросший травой,
где часто с любовью
Косил он сам и шуткой
подбадривал косарей.
У камня стояла мать, чуть дыша.
Кричала безмолвно
надломленная душа.
Рисунок, конечно, на сына
не походил.
Но теплой радостью он ее
напоил.
Как только вечер спускался
в горы опять
И звезды зажженными
свечками по небу разносил,
Голову к камню нежно склоняла
мать
И шептала: «Спокойной ночи, сын...»
...Да, в этих горах
не гремели бои, не рвался фугас.
Но все же остался здесь
памятник той войне:
Простые черточки простой
человечий глаз
Непременно увидит
на каменной старой стене.

Перевела с осетинского
И. Гуржибекова

ЧЬЕ У ПАМЯТИ ЛИЦО?

Папиным объятием до боли,
Белыми крестами в три окна
И сгоревшим в танке дядей Колей
Начиналась для меня война.
Разорвала гулом батареи
Детства беззаботного часы,
Девочкой с петлей на тонкой шее
Глянула с газетной полосы...
Не сумеет никакое завтра
Чашу прошлого испить до дна...
Женщиною у Большого театра
Возвратилась ты ко мне, война.
Рядом с нею кровь от горя стынет,
Меркнет золотой мемориал...
Сорок лет прождав напрасно сына,
Ищет тех, кто с сыном воевал.
В лица постаревшие бойцов
Хочет она пристальней взглянуться...
Да, у памяти — ее лицо
И ее измученное сердце.
Только почему мне так знаком
Этот взгляд, где вечная усталость...
Словно птица с раненым крылом,
Где же мне она еще встречалась?
Может быть, стоит она вдали,
Там, где сны ее лелеют горы,
Где окаменевшую от горя
Согревают песней журавли?

Роберт КУДЗАЕВ

ЗРЯ ДЯДЯ ПЕТЯ
С ВОЙНЫ ВЕРНУЛСЯ

РАССКАЗ

Отца комиссовали в начале июня сорок второго. Он год был на фронте, в самую мясорубку попал. Из взвода пять человек живыми остались, а он ногу травмировал при форсировании Днепра. Прихрамывал, когда вернулся, иногда с палочкой ходил. Знаете, не было тогда мыслей о героизме. Мы с сестрой скучали, конечно, все спрашивали: «А папа когда приедет?» — но я маленький был еще. Что тут скажешь, мы просто жили. То ли мать не доносила до нас всех неприятностей, то ли просто все сразу привыкли.

Лето было, нас мать купает в бочке во дворе, тут открывается калитка, а там отец. Просто зашел в своей военной форме, мы сразу к нему — прыгали, пищали: «Папа, папа приехал!» Я, знаете, сейчас фильмы смотрю, особенно новые. И не так все было. Отец будто из командировки приехал. Он после войны погиб, а я как-то и не нашел времени расспросить его подробнее. Да и не рассказал бы ничего он. Вообще про войну молчок.

Помню еще, он с нами пообнимался, а тут сын Бирюковых к нему без «здрасте» даже, сразу:

— Дядь Петя, у меня цепь слетела на велике, — и тащит ржавый велосипед волоком так, по асфальту, нет чтобы как-то на колеса его поставить.

Петр оказался единственным мужчиной во дворе. Им чинились все крыши и замки, и цепи на велосипедах детворы возвращались на свое место.

— Петя, ты уже неделю как дома — может, ты уже нашими делами займешься? У тебя дети вообще-то, которые отца столько

не видели, мы тут вообще не знали, вернешься ли ты, похоронками всю улицу можно заклеить вместо обоев. Я весь год с двумя детьми на руках пронянчилась, — слова сорвались, подкатили слезы.

— А я год тоже не сахар ел, знаешь ли. Я видел, что происходит там. Не тычь мне тем, что я здесь, а они там остались. Они же совсем пацаны были, от сиськи ни один оторваться не успел, — голос не был привычно мягким и глухим.

Разговор прервала Зинка Хамзатова:

— Ой, Лиз, да не трогай ты Петю. Он вон с войны пришел, отдох-ха-а-ет вон человек, — Зина наигранно протянула букву «а», пока говорила, что Петр отдыхает. — Мой-то Аксай все на передово-вой-то. Как ушел — ни слуху.

— Да вот уже наотдыхался с твоими окнами, все руки поизрез-зали. Отдохнешь тут с вами. — Это был снова привычный Петр со снисходительной улыбкой.

— А Лешка тебя боготворит, только и разговоров, что дядь Петя мне самокат сделал из подшипников и досок, дядь Петя стру-гать научил, дядь Петя то, се.

2

В какой-то момент стали поговаривать, что фашист до нас про-рывается. Похоронок становилось больше. Письма с фронта были все мрачнее. Но шло лето, а в детстве все воспринимается легче. Ты веришь в родителей и в то, что в любом случае все закончится хорошо. Рано или поздно.

Я сейчас понимаю, что отец забирал даже почту сам, чтобы мы лишнего не увидели. Каждый раз же ворох похоронок. Он вообще хорошо держался, за всю войну ни разу не запаниковал. И не рас-сказывал, что на фронте было. Даже про ранение подробности только после смерти его вскрылись.

Извещения о гибели, которые позже все уже называли похоронками, приходили пачками в пожелтевших треугольных сверт-ках. Почты вообще было много, местная газета не прекращала работу, особенно первое время. Все родственники писали друг другу известия. Солдаты с фронта тоже пытались держать связь даже с дальними родственниками. Сами понимаете, какое время было, а они мальчишки.

Дождь еще капал, когда почтальон пришел. Всю почту забрал дядя Петя, чтобы не размокла в ящике. Газета, письма, ошибочные похоронки. Одна, вторая, вроде все имена незнакомые, каждый раз подобное вызывало дрожь и желание поскорее убедиться, что никого из соседей не зацепило. Но не в этот раз. На последней было: «Хамзатовой Зинаиде Ильиничне». Папироса прилипла к губе и уже затухла. Этот пожелтевший конверт ни с чем не спутать. Хамзат погиб. Погиб, пока Петр тут, на гражданке. С детьми, женой и простыми бытовыми проблемами. Отдать Зине сразу? А как же Лешка? Он же каждый день спрашивает, не видел ли я на фронте папку его, как будто фронт — это какая-то одна точка. Или подождать, пока он хоть немного подрастет. А вдруг там внутри фамилия другая? Вдруг Хамзат жив, а там кто-то другой превратился в строчку «в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге...»? Конверт рвется, из него выпадает небольшая бумажка, но форма не та.

Это не похоронка.

Ручкой, хорошим почерком в графе вписано: «Хамзатов Аксай Мухамаджонович». Далее уже напечатано: «...обвинен и расстрелян по закону военного времени за измену Родине». Это не извещение о гибели Хамзата, это испытание для всей семьи. Сейчас за ними не придут, но что же будет с Лешкой, ему же еще семи нет? Как он переживет, что все мои рассказы про героизм его отца окажутся ложью? У Зины отберут все, как бы вообще в Сибирь не отправили.

От тяжелых мыслей Петра отвлек заголовок первой полосы: «600 км до линии фронта».

Фронт подбирается.

3

Зинаида приходила домой через час после закрытия рынка. Ворота Зеленого рынка давно провисли и волочились по земле, пока торговки их закрывали. Замка не было, но ворота всегда закрывали. Дребезжащий звук говорил о закрытии. Зинаида быстро собирала с прилавка все, что не продалось за день. Овощи, зелень, яблоки паковались в большие сумки, каждый пучок перевязывался ниткой. Даже картошку Зина уносила домой — в отличие от остальных продавщиц она не оставляла на ночь ни одного гнилого яблочка.

— Лиз, вот как мне своего оболтуса к школе-то подготовить? Сентябрь, поди, не за горами, а ему бы только на самокате носиться по улицам. Он и букв-то толком не знает.

— Вот в школе и научат, ему ж туда не девочек за косы дергать, ему учиться туда. Посмотришь, еще инженером станет.

— Ай, да его бы натаскать чуток! Читал бы хоть — уже б не стыдно людям в глаза потом смотреть.

— Научат его и читать, и писать. Иначе зачем же ему школа?

— А может, чуть-то поднатаскаешь? Он же маленький еще совсем, все просит сказку почитать, представляешь? Вот ни в какую спать без сказки не будет, я руки уже к вечеру поднять не могу, а он все сказку, сказку. А теперь ему в школу, и я прям не знаю, куда бежать. Ему бы хоть читать, чуть-чуть писать хотя бы, бес с ним, со счетом-то. А то я с утра до вечера на работе, кто ж ему поможет. Отец его на войне, на передовой.

— Ну конечно, я научу, тем более каникулы. Ты чего ж сразу не сказала?

Когда в середине июля установилась жаркая сухая погода, Леша уже ходил к Елизавете с учебником. У него был букварь, тетрадка из старых запасов и деревянные дощечки с буквами. Три раза в неделю его отвлекали от уроков стрижки и детвора, которая слабо представляла, что такое километр и почему триста таких штук отделяет их от фронта (где бы они непременно показали себя). Сабля Семки Бирюкова резала воздух. Валя Захарова просила всех дышать, а потом не дышать, а потом еще дышать, прикладывая то туда, то сюда свой стетоскоп. Надо признать, алфавит давался Леше сложно.

— Лизка, а может, еще лишний денек посидишь с Алешей? Кто ж знал, что он будет сидеть и ушами хлопать. Очень бы хотелось, чтобы пришел он в первый класс и сразу читать умел.

Я вспоминаю, в какой-то момент Леша стал заниматься у матери каждый день. Чуть ли не братом нам стал. Он даже есть садился с нами. Смутно помню, научился ли он тогда чему-то вообще, ему ж больше гулянки и беготня интереснее. Зинка все больше на мать насыдала:

— А может, просто Лешику неинтересно? Ты вот ему объясни, что если он в школе не выучится...

— Все, Зинаида, — перебила соседку Лиза. — Объясняй свое-му сыну сама. У меня готовка, стирка, уже скоро педсовет перед учебным годом. Вот Марина не занята, живет одна. Согласится

даже без магарыча. Читать Алеша научился, а я, в конце концов, русскому учу детей, а не в личные сиделки нанималась.

— Ну знаешь! Только попроси меня что-то, я тоже вспомню, куда это я нанималась.

Где-то в то время ночью стали слышны взрывы. Вроде как вдалеке, у меня вообще была очень твердая уверенность, что нас это не коснется даже. Ведь там воюют такие, как отец, как Аксай, который до войны всегда вырезал нам всякие игрушки из дерева. Помню, как он намучился с саблей. То она мне руку резала, то была недостаточно острой и не срубала даже крапивы.

Помню первую сирену. Сейчас даже как-то мураски по спине бегут от воспоминаний. Лето, жаркая ночь, открыты окна, собаки где-то лают... И тут как завоет сирена! Затяжной такой «уи-и-и!». Видимо, динамик совсем рядом был установлен. Замолчала через мгновение, но та первая сирена так и отпечаталась в голове.

Печи мы углем топили: не было еще газа. Привезут его утром, выгрузят в горку такую во дворе, а дальше каждый уже себе в дом несет. Выгружал обычно мужик из тех, что возили. Зинка после случая с Лешей вроде притихла, даже и не пересеклась с матерью. Но тогда отца попросила натаскать угля домой:

— Петь, можешь несколько каменюк угля притащить, а то спину так защемило — вниз не посмотреть. Ты-то все вон за книжками просиживаешь...

— Не просиживаю, Зинаида, а готовлюсь в аспирантуру. Война-то вон не бесконечная, погонят наши фашисты.

Уж не знаю, что Зина сказала отцу, но минут через пять он выскочил, кинул лопату в гору с углем и ушел в дом. Зинка же выбегает и — сразу на весь двор:

— Так вот ты какой! Пока тут просиживаешь штаны, муж мой Аксай под пули подставляется, на передовой воюет, ни весточки от него! Давай, кидайся мне тут лопатами, легко же срываться на мать, почти одиночку!

Выходит мать, прям с тарелкой в руках — мыла, наверно, посуду.

— А ты, Лизка, тоже посмотри. Вон твой муженек тяжелее ложки в жизни не поднял ничего. Ишь, я его просьбами замучила! Нога у него болит, фронтовик тут мне нашелся! А как глазки мне

строить прям при тебе, так он первый! Да вся семья у вас такая! Ничего человеческого в вас!

Зина начала очень громко рыдать, упала на колени, но когда увидела, что никто не оценил представление, зашла к себе, хлопнув дверью.

А что нам еще делать было? Таскали всякие железяки из недостроенного дома, играли в войнушку, костры жгли. Далеко нас еще не отпускали, вот и слонялись по району. Главной игрой были войнушки всякие, в разведчиков играли. Особенно если ребята постарше играют, мы, малыши, напрашивались к ним.

Что рассказать еще? Самокаты были, но не как сейчас, а просто две доски сколоченные и подшипники. Вниз по улице несешься — гремит на всю округу. Машин-то не было почти. В день две-три разве что проедут.

Мне Леша в один момент заявил, что ему, видите ли, мать не разрешает со мной кататься. Недовольный такой был. Он вообще себя как ребенок вел, хоть и был на пару лет старше.

— Ну ты это... не обижайся. Ты ж знаешь мамку мою. Но вот самокат какой сделал твой батя! Ты ему спасибо бы передал, он меня и чинить научил его. Хороший он мужик, зря мать на него так. Не по-соседски как-то. Но я, если что скажу ей поперек, влетит мне только так...

Как-то мы с Бирюковским Мишкой тутовник пошли есть. Залезли на дерево, все уже чумазые, он все говорил, что мать его за рубашку убьет. Еще тогда все утверждали, что белый тутовник оттирает черный. А он жуть как гусениц боялся. То ли ветка надломилась, то ли гусеницу увидел — и как грохнется вниз. Еще неловко так, на бок. Бок весь красно-синий. Лежит, орет. А я все думаю: ему еще за то, что по деревьям лазал, всыпят. С таким трудом дошли до дома — Миша хромал, то тут присядет, то там.

Представляю, что испытывал отец к тому времени, когда я понял: все серьезно. Сирены стали выть почти каждую ночь, по-немногу, но с каждым разом все дольше. Взрывы стали слышны еще ближе. Несколько раз видел в небе вспышки. Однажды Зина пришла домой до обеда, дерганая, как обычно. Оказалось, базар теперь работает несколько часов и не каждый день. У нее еще

вместо привычных мешков по две авоськи. Может, у себя в по-гребе оставила что, не знаю даже. О холодильниках же мы толком и не слышали. Были погребы, как до революции. Мы и так жили небогато, а тут совсем тugo стало. Дома картошка, овощи кое-какие.

— Петя, я все понимаю, но надо что-то делать. Нельзя так, ты хочешь, чтобы дети голодали? Это еда, понимаешь? Я уже не говорю, что ткани нужно купить, фартук Маришке пошить новый. Хоть бы раз вместо папирос хлеба принес.

— В лучшем виде! — у Петра был наигранно веселый вид.

«Нужно взять хоть пять копеек взаймы или даже картошкой, или у Зины чего попросить, может, замнет ту историю...» — мысли носились у Петра в голове. Как только он вышел за калитку, лихая улыбка сменилась растерянностью. С одной стороны — фронт, с другой — Зина сплетни разводит, что ее муж на передовой. И не рассказать им, что он расстрелян как предатель. Неизвестно ведь, что и как. Не перепутали ли имени, а если и в расход Хамзата пустили, то было ли за что — вопрос. Время не самое спокойное. Да и эвакуацией пахнет. Но голод. Вот чего он боялся для своих детей больше всего. Даже пули не так пугали. Да и смерть-то он повидал. Всяко зрелище милосерднее, чем голодавшие дети.

Через шесть домов у моста жил его школьный друг Витя. Может, дома окажется или сестра его Катька одолжит. Но Виктора дома не оказалось. Только их грунная мать, тетка Марфа, вся в слезах. Пришел на их адрес конверт. Но пустой конверт, а судьба Витина так и осталась неизвестной. Марфа вышла к Петру, как будто прошло двадцать лет вместо одного года.

— Петь, он же вот буквально в марте, вот тут у меня спрашивал, понимаешь? Мамочка, говорит, а можно мне жениться? Я вот только с фронта вернусь, и можно я на Лидочеке женюсь, а? А я ему что, «нет» скажу? Я же только...

Чуть дальше по улице были грядки. После уборки там часто еще сидели бабки, продавали огурцы с помидорами, кабачки по осени. Сегодня и их не было. Зато были остатки картошки после уборки урожая. По всей грядке, то тут клубень, то там...

Из картошки, которой набралось на целую авоську, и пятидцати граммов сала, припрятанного от детей, получился ужин на всю семью. Война грохотала тем вечером где-то далеко. Как будто ее никогда и не было поблизости.

Мишке Бирюкову в тот вечер плохо стало, даже нас не пустили. Говорили, что лихорадка, бок болел весь вечер. Мать наутро

вернулась с бидоном молока, пошла к Бирюковым проведать — может, помочь чем-то. А бидон прям во дворе поставила. Тут у Зинки дверь распахивается, и она давай с порога орать, что поставили своих тут вещей, двор весь заставили, и как даст ногой по бидону. Он падает, молоко все по двору течет, а она довольная и с ухмылкой так:

— А я тут вам в молоковозы не нанималась! — и к себе сразу.

6

Окна наши как раз ближе к калитке выходили. Все, что делается у забора, будто в комнате слышно. Почтальонша всегда сплетни разносила всякие, но тут вроде как дело серьезное.

— Зиночка, ты подумай, тут все ой как серьезно. Если есть куда ехать, бежать надо, идет фашист к нам. Мои ж уже поехали к бабушке за Урал. Мало ли там, поездов не будет или фашист прорвет линию. Ой, Зиночка, сама не знаю, как я тут.

— Я вот Лешика в школу так хочу отправить — может, стороной пройдет. Чтобы только он на первое сентября красивенький пошел. У него вообще бабушка с дедом в Средней Азии живут. Обычно на лето к ним сплавляю, но тут думала, подготовит его Лиза, конечно. Соседушка подсобила. Ребятенка моего, как паршивую собаку, выкинула, с мужем ей все развлекаться бы.

— Да я бы сама к Лизе не отдала детей, как она могла так? Тем более вы же как семья в одном дворе все. Я ее сама своей считала, хотя вообще на отшибе живу.

С соседскими пацанятами мы все выслеживали шпионов. Сядем в кустах у моста и смотрим, кто куда идет. И все разом стали нам подозрительными. Мы считали, на какой телеге сколько «берданок» можно спрятать. Иногда перебегали к другим кустам. Вошли уже в раж, стали бегать бумажки смотреть. Тут около нашего двора видим: отец стоит, курит, почту перебирает. И с одним конвертом прямо-таки меняется в лице. Сначала было сунул его в карман, потом быстро скомкал и кинул в кучу листьев, затем достал коробок спичек, который вроде как пустым оказался. Зашел в дом, а в это время Митька, здоровый рыжий мальчик, кинулся к листьям и — хвать письмо. Отец нас, как вышел, погнал и тут же поджег всю копну.

— Наверняка дяде Пете пришло тайное послание с фронта — про то, как отличить шпионов! Надо почитать!

— Да, может, его и вернули, чтоб он шпионов ловил!

Но в письме не было про шпионов. Зачитывал сам Митя. Там было про то, что наш дядя Хамзат, сделавший мне саблю, которой я только что рубил воздух, расстрелян. И что он предатель. Я ничего не понял. Не может же дядя Хамзат предателем оказаться. Решил вообще молчать и бежать домой. Папа все видел, он лучше знает.

— Давай, радуйся, Елизавета! Не пойдет мой Лешик в школу. Конечно, кого ж ты научить можешь, а? Учительницей назвалась, а ребенка азам не обучила! Вот так и будет неучем он ходить, нечего ему в эвакуации делать, отправлю его к родным!

Мать просто смотрела в окно. Она не отвечала ей: привыкла к таким колкостям уже. Зина и раньше могла орать на весь двор почем зря, а тут совсем разошлась.

Вечер переходил в ночь, как вдруг в окно мы услышали вой Леши. Он шел домой с какой-то смятой бумажкой. Смотрю — одежда вся изодрана, синяки везде, губа разбита. Идет и навзрыд плачет.

— Ма-а-а-ма-а-а! Они папу предателем назвали, говорят, тут написано! Мама, почитай! Папа же не предатель, сама же говорила, папа воюет за нас!

Зина взяла листок в руку и тут же другой резко схватилась за лицо. После она быстро погнала сына домой. В руке у нее была та бумажка, которую мы с Митькой нашли днем.

Дома обсуждали эвакуацию: куда поедем, что брать с собой. Я все думал: кто же так Лешу? Наверно, Митя и остальные. У меня игрушечный конь был. Ну как игрушечный... Это было чучело же ребенка. Наверно, родился мертвым или же сразу после рождения умер. В общем, отцовский друг сделал мне чучело и приколотил его к доске с колесиками. Ох и любил я этого коня! Вещи как-то экстренно начали собирать — фронтовые чемоданы отцовские, свертки какие-то, авоськи. Очень уж хотелось этого коня взять, и мне пообещали. Начали в тряпки разные моего Выстrela упаковывать. Так я и уснул под шум сборов.

Оказалось, что Мише хуже и хуже — лежит, бредит. Дошло до больницы. Его когда на носилках несли, даже не сразу узнал. Бледный такой лежит, я ему машу в окно, а он хоть бы хны.

Как увезли Мишку, сразу завелась Зина:

— Ой, кому я и ребенок мой зла столько причинили?! Кому я зла-то сделала столько?! Ну скажите! И никто ни сном ни духом. Как кто пукнет у себя, так сразу на весь город молвы, а тут все таким крепким сном спят! Знать вас не желала бы! — Периодически ее крик срывался на плач: — Мужа моего в предатели записали, сына совсем сиротой хотите оставить!

Высовываюсь в окно, а напротив, на Зинкиной двери и немнога на стене, белой краской большими буквами: «ПРЕДАТЕЛЬ».

Ближе к обеду дверь открылась, и оттуда выбежала с чемоданом Зина. За ней — Лешка, зареванный, со вчерашними синяками. Чемодан вручает сыну, снова — в дом и выходит уже с азбукой — как раз той, с которой Леша пытался учиться.

— Так, вот тебе книжка, читать научился, повторяй в поезде.

— Мама! Я тебя защищать останусь, не поеду никуда! В школу пойду!

— Как обычно, летом едешь к бабушке с дедушкой, чего ревешь? Встретят они тебя, и все. А я на следующем поезде завтра еду. Как раз вещи все соберу, приберусь дома и поеду. Ты вон взрослый уже, чего тебе этот поезд.

Мы всё удивлялись с сестрой: как же это Лешу одного отправили. Обычно Хамзат с ним ехал, а тут одного. На поезде, да еще в такую даль. Это сейчас я уже понимаю, что она все знала, просто оградить сына хотела. Точно знала, что произойдет с ней. В общем, Лешку она успела отправить до эвакуации. Наверняка и поезд был один из последних.

Машину, которая должна была нас забрать, мы прождали два дня. Все как будто замерло. Отец приставил все матрасы к окнам, дверям. Сами на полу спали. Тишина была такая, только дождь барабанил по козырьку. Даже собаки притихли как-то.

Разговаривали шепотом, как будто снаряды на голос идут. Все боялись авиа-атаки. Зины не было слышно. С Маришой перешеп-

тывались: может, она с Лешкой поехала. Или села на следующий поезд.

Папа прислушивался к каждой машине. Уголь не привозили, только водовоз ездил стабильно. Тут раздалось заветное «др-р-р, др-р-р» рядом. Это наша машина. Весь двор стал медленно закидывать пожитки в кузов. Военный прикрикивал на всех, торопил. Все просил вещей много не брать. Про Зину вспомнила мать. Она крикнула ей раз, два. Тишина. Пошла подергать дверь, а мы за ней. Интересно же, что и как. Дверь была приоткрыта. У входа чемодан, на столе тарелка с супом, ложка еще на полу валялась. А Зинки и нет.

С тех пор я Зину не видел. О Леше тоже ничего не слышал. Наверно, доехал до бабки с дедом, может, войну там и переждал, туда же не дошел фашист. Я думаю, ее как жену предателя родины взяли. Ночью, наверно, приехали, а ей чего кричать да упираться, сразу понятно, что и как. Хотя, может, и правда за Лешей поехала. Но вот чемодан этот... В общем, не знаю. Страшные были времена, всех перемолола война.

Пока ехали в полуторке, узнал, что Миша умер в больнице. Видимо, повредил что-то, как с дерева упал, и прозевали. Бабушку его мать не смогла уговорить ехать с нами. Она и не дождалась конца войны — померла году в сорок четвертом.

Артур ЦЕРЕКОВ

КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ В ОРДЖОНИКИДЗЕ

ЭССЕ

Часть первая О КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИИ В ЦЕЛОМ

Положительные стороны тематического собирательства

Практически любой вид коллекционирования приносит человеку ту или иную пользу. Прежде всего — интеллектуального свойства, расширяя его кругозор, мотивируя к познанию новых для него сторон окружающего мира и углубляя ранее полученные знания.

Однако почти все виды собирательства способны обогатить не только ментальную составляющую человеческой личности, но и заметно приумножить его банковский счет. Как показывает практика, в любом сообществе коллекционеров актуально золотое правило — чем меньше ее тираж, тем выше стоимость отдельно взятой коллекционной единицы. Поэтому человек, успевший относительно недорого приобрести малотиражную вещь, является по сути дальновидным инвестором собственных финансовых средств. Кроме того, на стоимость коллекционной единицы в значительной мере влияет и давность ее выпуска. Это объясняется тем, что со временем значительная часть ее тиража либо безвозвратно утрачивается, либо подвергается износу, порой критического уровня.

Наряду с прямой пользой от процесса собирательства, существуют еще и косвенные факторы положительного характера. Как правило, большинство людей начинает что-либо коллекционировать в молодом или даже в совсем юном возрасте, иной раз еще обучаясь в начальной школе. Известно, что любой вид коллекционирования изначально предполагает финансовые вложения, иногда весьма чувствительные для кошелька или домашнего бюджета. Вот и получается, что человек собирает, например, почтовые марки, а на покупку алкоголя или курева у него денег не остается, не говоря уже о приобретении наркотиков или оплаты

услуг «жриц любви». Таким образом, коллекционирование способно защитить человека от праздного или откровенно деструктивного образа жизни, оградить его от вредных привычек и даже иной раз от противозаконных деяний.

Кроме того, коллекционирование помогает формировать такую важную составляющую нашей жизни, как среда повседневного общения.

Очень часто здоровая страсть к тематическому приобретению аналогичных предметов собирательства становится надежным фундаментом для многолетних дружеских отношений. Люди вращаются в ментально комфортной для себя среде, обрастают полезными связями, которые со временем улучшают качество их жизни, помогают в решении проблем, не имеющих отношения к их увлечению.

Отрицательные моменты

Справедливости ради стоит упомянуть, что процесс коллекционирования, увы, не всегда является однозначно позитивным явлением.

Известны случаи, когда ради обладания ценным экземпляром чего-либо люди шли на преступления, в том числе на кражи и ограбления, прибегали к помощи откровенного мошенничества и подлога. Иной раз дело доходило и до убийства — как прямого, так и заказного.

Еще одна сторона собирательского негатива — психические отклонения, сопровождающиеся маниакальным отношением к своему увлечению. Некоторые люди, подверженные этому ментальному недугу, что называется, «теряют берега» — ведут себя неадекватно по отношению к своему окружению и даже к ближайшим родственникам. Зациклившись на приобретении предметов коллекционирования, они все свои доходы и прежние накопления тратят исключительно на новые артефакты и раритеты для своих собраний.

Иной раз подобное поведение принимает откровенно нездоровые и даже патологические формы. Известен случай, когда некий советский товарищ коллекционировал антиквариат. Он покупал безумно дорогие по тем временам вещи, а его жена и дочь перебивались с перловки на макароны, позабыв вкус мясных продуктов и сладостей. Однажды супруга этого человека получила на работе неожиданные премиальные и по дороге домой купила на них апельсины. Они с дочерью насладились дав-

но забытым вкусом желтобоких цитрусов, а корки спрятали далеко на антресолях — чтобы муж и отец не увидел их в мусорном ведре. Однако вернувшийся с работы глава семейства унохал фруктовую экзотику, по запаху определил местонахождение кулька с апельсиновыми очистками и после этого чуть не убил своих домочадцев.

К сожалению, похожие случаи в среде коллекционеров иногда встречаются и в наше время и искоренить подобные моменты окончательно не представляется возможным.

Часть вторая ПОЧТОВЫЕ МАРКИ

О моих собственных увлечениях

В двух предыдущих публикациях автор этих строк довольно подробно рассказал читателю о своих увлечениях виниловыми пластинками и видеофильмами. Но это были далеко не единственные мои предпочтения в проведении культурного досуга. Как и большинство советских детей, я в разном возрасте коллекционировал значки, карманные календарики, модели автомобилей, зарубежные и советские юбилейные монеты, обертки и вкладыши от жевательной резинки, фотографии и плакаты киноактеров и известных музыкантов. Но главными предметами коллекционирования моего детства были, конечно же, почтовые марки. А несколько позднее, уже в юношеские годы, я весьма активно принял умножать родительскую библиотеку. Чем, собственно, изредка занимаюсь и по сей день. Вот как раз эти два вида коллекционирования и станут главными «героями» данных ностальгических записок.

Дело в том, что марки и книги собирали в СССР миллионы людей, и Северная Осетия в этом смысле была далеко не исключением. Помню весьма красноречивую фразу, произнесенную в моем присутствии известным дирижером и филателистом, народным артистом РСФСР и Северной Осетии Павлом Арнольдовичем Ядых: «Как мне кажется, даже небольшой альбомчик почтовых марок непременно должен быть в большинстве современных семей. Ведь коллекционирование этих миниатюр с раннего детства формирует хороший вкус у ребенка, знакомит его с произведениями изобразительного искусства, с историческими событиями, с флорой и фауной нашей планеты...»

Филателистическая эпопея

Почтовыми марками я заболел довольно рано, еще в дошкольном возрасте. Все началось с того, что двоюродный брат Аллан Мерденов прислал мне из Москвы дюжину миниатюр в металлической коробочке из-под канадских леденцов. Я тогда с интересом рассмотрел зверушек, изображенных на марках, и отложил посылку на книжную полку.

Но уже в первом классе интерес к коллекционированию почтовых миниатюр начал постепенно нарастать — почти все пацаны нашего многоэтажного дома на какое-то время превратились в заядлых филателистов. Самое интересное, что, наравне с собирательством непосредственно марок, некоторые коллекционировали так называемые «вырезки» — фотографии марок из периодических изданий. В связи с этим мама выписала мне журнал «Филателия СССР», из одного номера которого можно было навырезать огромное количество марочных изображений.

Из всех «вырезок» в нашем дворе более всего ценились «демоны» — так называли венгерскую серию марок, на которых были изображены маски злых духов Африки. За одну «вырезку» из этого набора можно было сменять десяток настоящих марок, в том числе и заграничных (под эту категорию попадали все иностранные экземпляры). У меня не было ни одной «вырезки» с рогатым существом, и это меня невероятно расстраивало. И тут меня посетила оригинальная мысль: я вырезал из книжки народных сказок огромное изображение некоего беса, ножницами нарезал по всему периметру «зубцы» и с балкона показал его сидевшим во дворе на лавочке пацанам. Эта демонстрация сопровождалась легендой о том, что «этого демона мне прислал брательника кент с Америки, он сильно дорогой, и потому мачтушка не разрешает мне выносить его на улицу». Этот миф продержался месяца два, пока я сам его не развеял. А самым натуральным шоком для всех стала покупка Робику со второго подъезда венгерской серии настоящих, не вырезанных марок — тех самых «демонов».

В период моего увлечения филателией я начинал нервно дышать при виде любого киоска «Союзпечать». Ведь именно там продавались почтовые миниатюры — как сериями, так и по одному экземпляру. Чаще всего я приобретал их в газетных ларьках, которые находились на проспекте Мира напротив кинотеатров «Октябрь» и «Комсомолец», — поход в кино я обычно совмещал с покупкой новых экземпляров в свою коллекцию.

Аналогичным было мое поведение при приезде в любой другой город — там я тоже весьма активно уделял внимание всем газетным киоскам. Но более всего мне в этом смысле нравились Москва и Грозный, где были специализированные магазины «Филателия». Причем в столице страны в ее знаменитом «Детском мире» был огромный филателистический отдел — параллельно со специализированными магазинами по торговле марками. Интересно, что в 1978 году я в одном из киосков «Союзпечати» города Грозного увидел в продаже серию тех самых венгерских марок-«демонов». Они стоили 2 рубля 4 копейки, и я тогда упросил маму купить сразу два набора — мне и моему лучшему другу Марку. Главная детская мечта сбылась.

«Масляный дяхорик» и «банные тёханши»

В среде орджоникидзевских школьников в 1970-х годах был распространен довольно самобытный детский жаргон. Мужчин они называли «дяхориками», женщин — «тёханшами», камень — «бульдик», пистолет — «пекаль» или «пестик», спички — «спики», туалет — «тубзик», математику — «матеша» и т. д. Естественно, что эта терминология не обошла стороной и филателистическую тему. Например, глянцевую миниатюру с портретом писателя Михаила Пришвина иначе как «масляный дяхорик» не называли.

Интересный подход у наших начинающих филателистов был и к чтению названий стран на марках. Уясь в начальной школе, они еще не знали латинских букв и, например, надпись на кубинской марке «Cuba» читали по-русски — «Сива»!

В 1974 году у нас во дворе стало известно о существовании местного Общества филателистов. Его заседания проходили дважды в неделю, и там можно было купить экзотические марки, которых в свободной продаже почти не было. При этом самым большим культурологическим шоком для пионеров стали выставленные на продажу иностранные марки с изображением обнаженных женщин с картин известных художников. Это были мини-репродукции с полотен мировых знаменитостей — художников уровня Рафаэля, Рембрандта, Тициана и Энгра. Но для моих ровесников эти громкие фамилии ничего не значили, а изображенных на этих марках див античной эпохи называли не иначе как «банные тёханши». Подобные марки были в коллекции каждого уважающего себя пацана, но они не выставлялись в общем альбоме, а хранились между страниц «высокостоящих» в шкафу книг. Один шестиклассник с нашего двора как-то притащил такую

серию в школу, и одноклассница стукнула на него классной руководительнице, дескать, пацан морально разложен до точки кипения и стал воротилой порнобизнеса. Учительница торжественно изъяла «крамольные» марки, тщательно их изучила с морально-этической точки зрения и пришла к выводу, что изображения сии порнографическими не являются, а принадлежат к образцам высокого классического изобразительного искусства. При этом она вернула серию не самому несостоявшемуся Тинто Брассу, а его родителям, на всякий случай порекомендовав до совершеннолетия оградить своего отпрыска от подобной коллекционной специализации. Говорят, мама провинившегося пионера, прия домой, хотела торжественно сжечь марки в пепельнице, но глава семейства выступил категорически против такого варварства и изолировал миниатюры, поместив их в собственный бумажник. Подобное отношение к живописной классике говорит о том, что это был чрезвычайно развитый и продвинутый в эстетическом плане человек.

У меня тогда тоже была серия марок с репродукциями картин Рубенса и Рембрандта, где фигурировала обнаженная натура. Но в 1976 году я с ней расстался: один парень со стороны обменял ее у меня на серию марок, посвященную Олимпиаде в Монреале. В этой серии был блок, и потому она стоила гораздо дороже моих «банных тёханш», поэтому я без колебаний согласился на обмен.

«Будем меняться!»

Обмены марками между пацанами в середине 1970-х — вообще отдельная тема! В этом процессе иной раз действовали сценарии, которым могли позавидовать голливудские режиссеры, снимавшие фильмы о масштабных аферах. Вот пример такого «развода». Одному пятикласснику понравилась серия марок с изображениями польских рыцарей, которая была у его соседа по подъезду. Он предлагал ему за нее парагвайские марки, демонстрировавшие различные породы собак. Тот колебался, и тогда «собачник» подключил к делу третьего филателиста — своего ближайшего друга. Вечером эти трое собрались на дворовой лавочке, и началось представление. Владелец собачьих мордашек вновь предложил свой вариант обмена, хозяин миниатюр с рыцарями традиционно нахмурился, а вот третий участник спектакля показал высший пилотаж сценического искусства. Он сделал вид, что первый раз слышит о таком варианте обмена — выпутил гла за, вскочил на ноги и стал вопить, потрясая кулаками над головой:

— Руха, ты че творишь? Ты че, правда моих любимых псин хочешь отдать за этот набор железок на полуохлых клячах? Одумайся! Ведь твои марки — Парагвай! Четкая, настоящая заграничная страна! А эти с ведрами на головах где сделаны? В стране, которая, считай, шестнадцатая республика Союза! Двоюродный брательник там служил в армии и говорит, чё там все как у нас — социализм, заветы Ильича! Не вздумай меняться! А если чересчур тебе приспично, я тебе за этих собак дам серию английских королей — лист из тридцати двух марок! Я знаю, чё они дороже стоят, но я согласен потерять в манях, лишь бы псины на сторону не ушли!

Владелец польской серии воспринял этот монолог как руководство к действию и стал трясущимися от волнения пальцами — чтобы не спугнуть удачу! — спешно вынимать своих рыцарей с листа собственного кляссера¹.

К одним нашим соседям из первого подъезда на каникулы приезжали в гости два племянника. Их отец служил в Венгрии, и поэтому у этих ребят было много импортных марок на обмен. А поскольку я был их самым близким другом, они кроме меня ни с кем марками не менялись, плюс еще щедро угождали меня жвачкой и даже американской шипучкой, которую у нас знали тогда только по иллюстрациям в западных журналах (сейчас мы ее через Казахстан завозим). Привлекательность этих обменов была в том, что братья-«венгры» меняли заграничные марки на советские один к одному. Это при том, что первые стоили по нескольку рублей за серию, а цена набора отечественных марок была в разы меньше. Причем на обмен у братьев были припасены не миниатюры соцстран, а различная африканская и южноамериканская экзотика — очень красивые марки с красочными блоками. Впрочем, как показало время, эти ребята оказались весьма дальновидными коллекционерами — со временем советские марки здорово подросли в цене.

Закат филателистической эпопеи

Время шло, и мальчишки-филателисты постепенно превращались в юношей, у которых в большинстве случаев появлялись новые интересы и увлечения. Поэтому многие из них не просто перестали коллекционировать марки, но даже начали потихоньку их распродавать. Помню, когда наш многоквартирный дом накрыла волна нового увлечения — виниловые пластинки, многие

¹ Кляссер — вид альбома для марок. (Здесь и далее прим. автора.)

соседские пацаны стали регулярно посещать Общество филателистов с целью, прямо противоположной задачам их прежних посещений. Они частями распродавали свои коллекции, покупая на вырученные деньги очередной диск-гигант в свою фонотеку.

Я в четырнадцать лет тоже серьезно увлекся музыкой и поэту му также перестал пополнять свою коллекцию почтовых миниатюр. Но, к счастью, у меня так и не хватило духа ее продать — уж слишком много приятных моментов в моей жизни было связано с покупкой этих маленьких зубцовых бумажных прямоугольников, треугольников и квадратов. Более того, один мой знакомый виниловод спустя двадцать лет подарил мне свою коллекцию марок вместе с двумя гэдээровскими альбомами среднего формата. Кроме того, осенью 1990 года я не удержался и купил в одном из газетных киосков серию парагвайских спортивных марок, и это дало толчок к новой, правда довольно короткой, волне коллекционирования почтовых миниатюр. Тогда я познакомился с уже упомянутым мной Павлом Ядых, и он здорово помог мне в приобретении разного рода филателистической красоты, я до сих пор ему очень за это благодарен. Он не раз приглашал меня к себе, в сталинский дом на улице Бородинской, и долгими зимними вечерами, последними в советской эпохе нашего государства, мы беседовали о нюансах коллекционирования.

Помнится, во время моего второго и кратковременного захода в марочную гавань меня удивила одна вещь: почти все коллекционеры были настолько порядочными людьми, что продавали марки только по ценам изданного за рубежом каталога. При этом они исходили из официального курса валют, согласно которому один доллар стоил 60 копеек. Естественно, покупать марки по такому курсу было очень выгодно.

Этот последний всплеск моего интереса к почтовым маркам продлился недолго — до печально известной Павловской реформы 1991 года. После нее, насколько помню, цены в СССР выросли вдвое, и мой бюджет уже не позволял тратить деньги на приобретение филателистического материала.

Громадная польза

Позже, уже в новом тысячелетии, один мой старший товарищ всерьез увлекся нумизматикой и коллекционированием марок. Он тогда попросил меня показать мое собрание почтовых миниатюр. Оно его в значительной мере разочаровало. По его словам, там не было дорогих и редких марок — экземпляров пер-

вых десятилетий существования СССР, изданий капиталистических стран и разного рода интернациональной старинной экзотики. Я тогда ему напомнил, что эту коллекцию собирал будучи мальчишкой пионерского возраста и меня тогда менее всего интересовали маленькие одноцветные раритеты конца XIX и первой половины XX века. Эти марки для детского неискушенного взгляда были абсолютно непривлекательны с эстетической точки зрения и, уж конечно, не шли ни в какое внешнее сравнение с пусть ныне дешевыми, но столь красивыми и красочными марками, выпущенными в странах Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока.

Сегодня, с высоты прожитых лет, я нисколько не жалею, что собирал эти бесперспективные с финансовой точки зрения марки. Да, они со временем не подорожали, более того, в инфляционном эквиваленте некоторые из них утратили свою прежнюю стоимость. Это так. Но объясните мне, какими деньгами можно измерить те знания и эстетические навыки, которые я приобрел, коллекционируя эти красочные миниатюры? Ведь благодаря им я стал неплохо разбираться в классическом искусстве, узнал много интересного о флоре и фауне всех континентов нашей планеты и об обитателях ее морских глубин, приобрел ценные знания об истории олимпийского движения последних сорока лет минувшего столетия. Все это, по моему личному мнению, абсолютно бесценно и не имеет аналога в денежном измерении.

При всем при этом мне известны истории, когда коллекционирование марок велось именно с целью выгодного вложения и приумножения капитала. Однако это делалось не мальчишкой-пионером, а людьми зрелого возраста, которые знали в советские времена, что и почем стоит покупать. Ниже я приведу одну из таких историй.

Пустые тряпки?

В советские времена в Орджоникидзе жила одна особо ничем не примечательная семья. Правда, жена была по возрасту значительно моложе своего супруга, но подобные моменты чрезвычайной редкостью не являются. У этих людей не было детей, и потому предметом главной заботы мужа была его верная жена. Он неплохо зарабатывал и мог содержать свою семью на довольно высоком, по советским меркам, социальном уровне. Единственное, что несколько раздражало супругу, — страсть мужа к коллекционированию почтовых миниатюр. Ей казалось, что он тратит на

свое увлечение уж очень большие суммы. Она не раз высказывала свои претензии вслух, на что супруг успокаивающе улыбался и говорил, что его коллекция — оптимальное вложение денег и своего рода финансовая подушка для их семьи. Супруга умолкала, но по ее виду было заметно, что она не особо верила в эффективность подобного капиталовложения.

И вот в нашей стране изо всех сил подул воспетый группой Scorpions "Wind of Change" — «Ветер перемен». Вскоре он превратился в социально-политический ураган, который смел существующий строй и развалил некогда мощнейшее государство на пятнадцать неравных частей. Спустя несколько лет после этой катастрофы пожилой муж-филателист отошел в мир иной, оставив в наследство супруге все совместно нажитое имущество, включая коллекцию марок.

Как известно, инфляционные процессы в то время съели денежные накопления десятков миллионов человек, и в их число попала относительно молодая вдова собирателя почтовых миниатюр. Оставшись одна со своей сверхскромной зарплатой, эта женщина взяла в руки один из десятка марочных альбомов своего покойного мужа и отнесла его человеку, который дал в газете объявление о скупке предметов коллекционирования. Этот господин внимательно рассмотрел страницы альбома и, поразмыслив пару минут, предложил за него сумму денег, эквивалентную стоимости японского телевизора небольшой диагонали. Женщина, услышав это, была шокирована: получалось, что ее муж тридцать лет своей жизни просто-напросто копил на десяток импортных телеприемников?! А ей рассказывал сказки о выгодном инвестировании?!

Расстроенная, она в слезах вернулась домой и по телефону пожаловалась ближайшему другу покойного супруга на то, как ее «полжизни водили за нос». Мужчина выслушал всплеск этих эмоций и через пару дней перезвонил, чтобы предложить свой вариант продажи коллекции. Судя по его словам, в Краснодаре был в ту пору небольшой комиссионный филателистический магазин. Его специализацией была скупка коллекций оптом и далее распродажа их по частям. При этом клиента честно предупреждали о том, что ему заплатят несколько заниженную фактическую стоимость марок (это, по их словам, обуславливалось оптовым характером сделки), но, если его такое условие устроит, возьмут все серии вместе и расчет будет немедленным.

Вдова сложила коллекцию в чемодан и отправилась с ней в столицу Кубани.

Примерно через два месяца она позвонила своему советчику во Владикавказ и попросила его дать в местную газету объявление о продаже своей двухкомнатной квартиры — на вырученные от продажи марок деньги женщина купила себе просторную трешку в Краснодаре, и, как я слышал, оставшейся суммы еще и на новую мебель хватило. Это было примерно тридцать лет назад.

Часть третья КНИГИ Выгода и престиж

Коллекционирование книг в СССР имело несравненно большие масштабы, чем увлечение собирательством марок. Наличие частной домашней библиотеки считалось престижным и привлекательным одновременно. Правда, первое обстоятельство имело в данном виде коллекционирования не всегда положительные стороны. Дело в том, что хорошие книги в советские времена всегда были дефицитом, малодоступным большинству граждан страны. В связи с этим значительные части тиражей особо востребованных книг оседали в квартирах людей, которые их часто вообще не читали, а приобретали в качестве выгодного вложения денег — весьма заманчиво было купить томик стоимостью два рубля, который на черном рынке стоил все двадцать! Кроме того, финансово обеспеченные люди приобретали книги и для того, чтобы просто «не отстать» от других представителей советской богемы. Таким образом, нередко складывалась парадоксальная ситуация — настоящие интеллектуалы, которые на самом деле любили читать, далеко не всегда имели доступ к торговым книжным закромам, а вот люди, реально далекие от зрительного складывания букв в смысловые предложения, имели дома весьма солидные и разнообразные собрания литературных произведений. Иной раз такие граждане подбирали цветовую гамму книжных корешков многотомных собраний сочинений под обои той комнаты, где стоял книжный шкаф.

В советских магазинах был отдел обменного фонда — там выставлялась книга частного лица и заполнялся специальный формулляр, в котором хозяин томика писал, на что именно он готов его обменять. Помню, там были и такие строки: «Эту книгу я меняю на что-нибудь из БК², желтые и красные обложки не предлагать».

² БК — престижная серия «Библиотека классики», выпускавшаяся в разноцветных томах.

Детский опыт

Еще с дошкольного возраста самой большой радостью для меня бывали те нечастые дни, когда маме звонила ее знакомая продавщица книжного магазина и сообщала о завозе товара. Мама приносила домой стопочку из десятка книг, большая часть из которых была детскими. К моменту моего появления на свет у нас дома уже была неплохая библиотека — бабушка работала директором универмага на проспекте Мира и имела хорошие связи в рядах местной торговой мафии. Наше собрание книг по большей части представляло собой неплохой перечень многотомников отечественной и зарубежной классики — подписных изданий из литературного приложения к журналу «Огонек». Но, естественно, в детстве меня эти книги не привлекали — их содержание было для меня скучным, да и иллюстраций в них было маловато. Помню, авторами первых классических произведений, которые я начал читать примерно в третьем классе, были Джек Лондон, Ярослав Гашек, Алексей Толстой (в детстве я бредил темой Петра Первого, мечтал носить треуголку и биться в абордажном бою), ранний Антон Чехов.

Из сказок я более всего любил пятитомник Александра Волкова о Волшебнике Изумрудного Города (шестая книга этой серии тогда еще не была написана), «Маугли» Редьярда Киплинга и волшебные сказки народов СССР. Помню, однажды мы с мамой в середине 1970-х зашли в магазин подписных изданий, и я там увидел тома детской «Библиотеки Всемирной литературы». Тогда я был нескованно огорчен тем, что эти книги стоят на прилавке, а купить их нельзя. К слову сказать, книг Волкова у моих друзей и соседей тоже не было — мы ходили ими наслаждаться в читальный зал библиотеки на улице Орджоникидзе, она располагалась напротив магазина «Полуфабрикаты» и кафе «Три поросенка».

Как-то маме одна ее коллега-врач, в связи с тем что ее сыновья выросли, подарила десять томов из «Библиотеки пионера», которые я с удовольствием читал и перечитывал. Самое забавное было то, что через пятнадцать лет эта женщина забрала пионерские книги назад — у нее появились внуки. Впрочем, мне они уже не были нужны.

«Золотая рамочка»

На шестом этаже в моем подъезде жила пожилая супружеская пара. Имен не помню, а фамилия их была Дзасоховы. Я дружил с

внуком этой четы, который приезжал к ним на каникулы из другого города. Это была в высшей степени интеллигентная семья, у них была солидная коллекция марок и великолепная библиотека. Мне очень нравился и казался необыкновенно уютным интерьер их зала — огромный книжный шкаф, круглый стол посреди комнаты, тяжелые велюровые шторы и каслинского литья фигурка Дон Кихота на телевизоре.

Главной отличительной чертой их собрания книг от нашего было наличие в нем большого количества фантастических и приключенческих произведений, которые они мне всегда с радостью давали почитать. Вот как раз тогда я влюбился в книги из серии «Библиотека приключений и научной фантастики» (БПНФ). В народе эту серию называли «Золотой рамочкой» — из-за серийной обложки, отделанной золотистым тематическим орнаментом. Одно время среди книголюбов бытова ла легенда, что обложки первых, еще довоенных изданий БПНФ якобы печатались с применением настоящего сусального золота. Но это, скорее всего, был миф. Дома у меня был в ту пору лишь один томик из этой серии — «Три мушкетера» Александра Дюма. Ко времени моего окончания школы в нашей домашней библиотеке было целых шесть «Золотых рамочек».

Теперь представьте себе шок, который я испытал, узнав, что у одного из орджоникидзевских книголюбов дома на полках стоят 300 томов БПНФ! Такое количество показалось мне тогда запредельно фантастическим, невероятным.

«Классики и современники»

Эта серия книг в мягком переплете была чрезвычайно популярна в советское время. Ее экземпляры нередко можно было приобрести только «с нагрузкой» — продавцы к томику бечевкой привязывали какую-нибудь «неликвидную» книгу, и продавали их только в паре.

В наше время многие книголюбы поспешили избавиться от книг этой серии — их мягкие переплеты стали однозначно непрестижными. А я все их сохранил — в память о тех временах, когда читал их с удовольствием и они были дефицитом. К тому же среди них немало книг, которые я уже в другом издании и не купил бы.

Легендарная «Всемирка»

«Библиотека Всемирной литературы» была самой труднодоступной для приобретения книжной серией советской поры. И в

связи с этим самой престижной. Она включала в себя 200 томов, каждый из которых на черном рынке стоил 50 рублей. То есть все книги серии тянули на 10 000. Это была стоимость самой крутой советской машины для простых смертных — «Волги» ГАЗ-24. Как рассказывают, были случаи, когда «Всемирку» в СССР меняли на указанный автомобиль в пропорции один к одному. Как и всякий другой книжный дефицит, эта серия часто оседала в квартирах людей со связями, которые отродясь ничего, кроме букваря и меню в ресторане, не читали. В связи с этим в Союзе однажды произошла весьма показательная история.

В квартире одного московского воротилы теневой экономики в шкафу стояла «Всемирка» — все 200 томов в суперобложках. Стояли они так лет десять, и никто к ним не притрагивался. За это время сынок бизнесмена подрос и стал вести праздный образ жизни — как и положено классическому представителю золотой молодежи. Родители не особо радовались тому, что их чадо периодически приходило домой в невменяемом состоянии и поэтому урезали парню финансирование его загулов. Тогда он нашел оригинальный выход из положения — стал тайно от домочадцев продавать тома «Всемирки», оставляя в шкафу одни суперобложки, набитые сложенными газетами. Поскольку он торговал этими книгами по бросовой цене, вскоре от 200-томника в шкафу остались одни «супера». Эта домашняя афера была раскрыта лишь через несколько лет, когда в комнате передвигали мебель.

Рынок за ДК «Металлург»

В десятом классе я, готовясь к поступлению в вуз, стал ходить к репетитору по математике. У него дома я обнаружил ряды книг ранее незнакомого мне серийного оформления. Как выяснилось, это были так называемые «макулатурные» издания. В те годы любой советский гражданин мог сдать в приемный пункт 20 кг старых газет и получить за них специальный талон, дающий ему право на покупку дефицитной книги. Насколько мне известно, в нашем городе подобного государственного официального книгооборота не было, и потому местные книголюбы приобретали «макулатурки» либо с рук, либо за пределами республики. Стоимость одного тома этой серии на черном рынке колебалась от 15 до 25 рублей. Например, трехтомник Дюма «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» стоил 75 рублей и был несбыточной мечтой многих отечественных библиофилов.

А продавали эти книги по воскресеньям в роще за ДК «Металлург».

Как вскоре выяснилось, эту торговую точку посещал не только мой репетитор, но и три учительницы из моей школы. Одна из них тогда брала все книги в двух экземплярах — формировала библиотеки для сына и дочери. В те времена многие люди коллекционировали литературу для своих наследников. Но, к сожалению, не всем подросшим деткам эти наследства оказались нужны — наступили новые времена с новыми ментальными приоритетами.

«Тёльича» на «Зилок»

В поздние перестроечные годы на книжном рынке выходного дня произошел интересный случай. Один из завсегдатаев «точки» принес для продажи рок-энциклопедию, изданную в Италии. Неизвестно по какой причине, но в этом весьма объемном томе наравне с общепризнанными легендами «тяжелой» сцены присутствовала и известная диско-дива Сабрина. Причем фото ее было, по сложившейся к концу 1980-х традиции, довольно откровенного характера. Увидев столь необычную книгу, граждане книголюбы потянулись к расстеленному на траве целлофану, на котором лежало это импортное издание. Тогда его не пролистал только ленивый. В итоге эта дорогостоящая вещь так и не «ушла» (хозяин оценил ее аж в целый стольник) в тот день. На следующий базар владелец рок-энциклопедии принес ее уже завернутой в плотный прозрачный пакет, обклеенный липкой лентой — чтобы, как он выразился, «не залистали насмерть».

Ближе к полудню на горизонте появился некий нетрезвого вида товарищ атлетического телосложения. Подобные персонажи иногда принимали на грудь на лавочке вблизи книжного рынка и потом забредали на его территорию. Походив минут пять между тревожно поглядывавшими на него книголюбами, незнакомец подошел к целлофану с лежавшим на нем вышеописанным изданием, взял его в руки, несколькими резкими движениями избавил от обертки и липкой ленты и принял листать. Когда чужак дошел до страницы с Сабриной, глаза его заблестели и хищная улыбка возникла на давно небритом лице:

— Че за офигенная тёльича! Гоню с нее... Братуха, давай, чисто по-брацки, я ща дергану ее с этого календаря и на «Зилок» свой наклею. Типа, в кабине, внутрях, короче...

Хозяин книги, до того с ужасом наблюдавший за процессом столь варварского распечатывания своего ценного товара,

внезапно вновь обрел дар речи и, выхватив рок-энциклопедию из лопатообразных рук, злобно прошипел прямо в лицо пьячуге:

— Ты Хищного Бэшана с Шалдона знаешь?

Алконавт призадумался и молча кивнул. Продавец сузил глаза и еще более жутким тоном продолжил:

— Она — его любимая певица. Эту книгу с ее фото специально с Парижа сюда для него везли. Вырвать фото хочешь? Приkleить на «Зилок» задумал? Давай! Рви! Клей!.. Да Хищный Бэшан после такого тебя самого по всей кабине «Зилка» размажет, как кабачковую икру в школьном буфете!

Чужак нервно икнул:

— Н-не н-надо мазать... Я, типа, пошутил, по мелочи... На, забирай свою колоду.

Вернув книгу, он резко развернулся, театральным жестом уперся массивным подбородком в свою грудь и поплелся в сторону трамвайных путей. На полпути приостановился, резко повернув голову в сторону и громко провозгласил:

— Да я это отцу еще в детстве обещал, стоя на копне сена, кроче...

Затем обреченно махнул рукой и вскоре исчез из виду.

Свидетели этой сцены тут же стали расспрашивать продавца, кто такой Хищный Бэшан и откуда он его знает. Выяснилось, что речь шла о выдуманном персонаже и на Шалдоне отродясь никого с подобным прозвищем не проживало.

Интересные персонажи

Некоторые продавцы и покупатели книг на орджоникидзевском теневом рынке были сами по себе людьми неординарными, достойными особого описания.

Была там одна молодая супружеская пара, из-за которой кое-кто специально ходил в рощу за «Металлургом». Это были восторженные, реально влюбленные в книги люди, даже не пытавшиеся скрыть свои эмоции при виде очередной заинтересовавшей их книги. Вот их примерный публичный диалог из числа многих других:

— Дорогая! Иди скорее сюда, посмотри какую изумительную книгу здесь продают!

— О-о! Это же то, что я искала всю свою жизнь! Бери немедленно не торгуясь! Сейчас я лишусь чувств!

Самое интересное, что близко знавшие их люди в один голос уверяли, что подобный восторг и пафос не были напускными или

фальшивыми, а соответствовали их реальным характерам и внутрисемейным отношениям.

Значительная часть продавцов опасалась называть спекулятивную цену своего товара и придумала для этого особый словесный шифр. Если у них спрашивали сколько стоит сорокарублевый двухтомник, они бодро отвечали: «Четыре...» А затем тихим голосом добавляли: «...золотых». Такие словесные игры вполне можно было понять — за спекуляцию могли привлечь к уголовной ответственности.

Среди покупателей встречались и охотники за малотиражностью. Им не особо важно было содержание книги — главное, чтобы ее выпустили в наименьшем количестве экземпляров. По общеколлекционным правилам это было своего рода залогом того, что она в будущем значительно подорожает.

О подобного рода радетелях о своем финансовом будущем я расскажу несколько подробнее.

По неизвестной мне причине в Советском Союзе не издавались произведения в жанре фэнтези. Исключением были лишь две книги отечественных авторов — «Старик Хоттабыч» Л. Лагина и шеститомник А. Волкова о приключениях в Изумрудном городе. Официально они считались обычными сказками, но их сюжеты имели все признаки классических фэнтезийных произведений. В первой книге в наш мир попадало существо из мира магии, а в упомянутом многотомнике речь шла об обычной девочке, оказавшейся в окружении добрых и злых колдунов и прочих персонажей волшебного происхождения. И лишь в постперестроечный период отечественные издательства приступили к выпуску мировой фэнтезийной классики, да и наши писатели, мастера этого жанра, принялись усердно скрипеть условными авторскими перьями.

Интересно, что некоторая часть наших земляков — любителей научной фантастики (НФ) фэнтезийные произведения встретила в штыки. Они дружно объявили фэнтези примитивными сказками для инфантильных читальщиков и с презрением встречали каждую новость о выходе в свет издания, полного повествований о единорогах, могучих воителях и укротителях драконов.

Однажды на владикавказском книжном рынке выходного дня произошла довольно забавная словесная дуэль между любителем НФ и поклонником приключений во вселенных Толкина, Льюиса и Желязны. Спор зашел о том, кто кого из героев книг двух упомянутых жанров сможет однозначно загасить:

— Да герои научной фантастики всех ваших драконов со звездолетов лазерными пушками пожгут! Легко!

— Ха! Да драконы вон любой ведьмье скажут, и она эти звездолеты в ночные горшки превратит, а их экипажи — в их содержимое!

— Да эту ведьму любой звездный десантник в секунду из блastera замочит!

— Этот твой десантник если что и замочит, то только собственные скафандровые штаны, когда его в полночь за шиворот какой-нибудь вурдалак или тролль схватит!

Сквозь пески и барханы

В Советском Союзе наиболее хлебными в контексте доступности книжного дефицита считались республики Средней Азии. Как рассказывали, в тамошних кишлаках и аулах можно было купить практически любую изданную в СССР книгу. Причем купить по строго установленной государственной цене, которая была одинаковой и в Караганде, и в Таллине. При Советах стоимость проезда до нужного места была относительно недорогой, поэтому книголюбы со всей страны устремлялись на Восток державы. И прельщала их не сказочная пещера Али-Бабы, а прилавки среднеазиатских сельских книжных магазинов. Ведь именно на них были разложены самые настоящие бумажные сокровища — товар, за продажу которого легко можно было выручить десятикратную прибыль.

Характерно, что на берега Амудары за литературными изысками отправлялись не только потенциальные спекулянты, но и обычные книголюбы. Например, я знаю одну женщину, которая, подкопив деньжат, регулярно посещала «книжный клондайк». По наивности ей тогда казалось, что, вкладывая честно заработанные деньги в «валюту в твердых переплетах», она тем самым обеспечит себе безбедную старость. Собрала она таким образом тысячу томов, потратив на них, без стоимости поездок, примерно три тысячи рублей. И успокоилась — «на руках» цена этих книг была 15–20 тысяч рублей. По тем временам это были фантастические деньги. Однако новые, постсоветские годы на корню разрушили изначальные планы любительницы прибыльного чтения. В 90-е советские книжные издания утратили свой сверхвостребованный статус — их стали продавать за бесценок, а иногда и вовсе выбрасывали на помойку. Большинство книголюбов тогда броси-

лись скупать ранее незнакомые советскому читателю романы, среди которых были повествования о вампирах, оживших мертвецах, грозных фэнтезийных воителях и колдунах.

На горизонтах «дикого капитализма»

В период правления Ельцина многое из перечисленного выпускалось в твердых ламинированных обложках с яркими изображениями полуобнаженных девиц в доспехах, сидящих на драконах или фантастических тронах — подобных сюжетов было немерено, и часто они не имели никакого отношения к содержанию книги.

Помня об интересе соотечественников к советской серии «Золотая рамочка», сразу несколько издательств стали выпускать книги в похожем оформлении, некоторая часть из них даже печаталась за рубежом.

Книги перестали быть дефицитом, с полок магазинов навсегда исчез псевдолитературный балласт, да и стоимость новых изданий среднего уровня была довольно доступной для массового читателя. При этом тиражи книг упали в 10–20 раз. Ощутимый удар по российскому книгопечатанию был нанесен рухнувшим в августе 1998 года курсом рубля. Некоторые издатели ради того, чтобы хоть немного сдержать рост цен на свою продукцию, заметно снизили ее качество. Из-за метаморфоз, произошедших с валютой, пришлось отказаться от печатания книг на иностранных типографских предприятиях.

Во Владикавказе все еще функционировал книжный рынок. Его уже не называли «черным» (страна стала капиталистической) и передислоцировали в здание шахматного клуба, расположеннное в Центральном парке отдыха им. К. Л. Хетагурова.

Одно время там действовал весьма своеобразный алгоритм продажи книг. Два продавца рано утром приходили к началу торговли с очередной партией новинок, полученных накануне из Москвы. Они продавали их по невысокой цене, стремясь, чтобы к следующему завозу не осталось нереализованных экземпляров. А вот те, кто приходил на «точку» позднее, ближе к полудню, вынуждены были приобретать желаемое у господ-перекупщиков, которые значительно увеличивали утренние цены. Несмотря на такие затейливые коммерческие ходы, книжный рынок выходного дня со временем окончательно выдохся и прекратил свое существование.

Книжная торговля новой эпохи

В нулевых годах в широкой продаже появились тома с отличной полиграфией, с тиражами впятеро меньшими и с ценами впятеро большими, чем в 1990-х.

Законы коммерции нового тысячелетия наложили свой отпечаток и на владикавказскую торговлю печатными изданиями. У нас появились книжные магазины премиального уровня, а большинство торговых точек прежнего образца, насколько мне известно, стали делать упор на реализацию литературы учебного характера и канцтоваров. Художественную литературу они стали чаще привозить на заказ.

Еще в середине лихих 90-х в России стали появляться семьи, в квартирах которых не было ни одной книги. Лет тридцать тому назад одна моя знакомая разошлась с мужем из-за полной ментальной несовместимости. Обсуждая со мной это безрадостное событие, она сказала, что в доме ее бывшего избранника, где они прожили весь период супружества, было всего две книги — телефонная и «туалетная». Последняя лежала на полке в уборной, где ее на протяжении многих десятков лет читали представители нескольких поколений семьи владельцев жилья. Этот весьма увесистый том был издан еще в сталинские времена и с тех пор столь экзотического места своего хранения и чтения не покидал. Интересно, дотянула ли «туалетная» книга до начала нового тысячелетия? И насколько долго она там продержалась? Ведь в нулевых годах от своих домашних библиотек стали избавляться даже знакомые мне граждане с научными степенями.

С течением времени тиражи книг уменьшились в разы. Широкое распространение получили новые носители информации, и люди стали читать новинки и классику посредством телефонов, компьютеров и электронных книг. Последние способны вместить в себя объем литературы, сопоставимый с фондами довольно крупной публичной библиотеки.

Новые времена сделали поистине царский подарок слабовидящим людям и тем, кто, находясь в полном сознании, прикован к постели тяжким недугом и не может самостоятельно держать в руках даже самый легкий, почти невесомый том. Аудиокниги наполнили их мир широчайшей и ярчайшей по эмоциональному окрасу палитрой литературных произведений. Причем появилась возможность слушать их в исполнении профессиональных актеров-чтецов.

А вот обычные книги стали утрачивать свой некогда постсоветский общедоступный статус. Например, те же «Золотые рамочки» издаются по сей день, но их стоимость измеряется сегодня несколькими тысячами рублей. Они — классические «малотиражки».

Да, при их изготовлении используется высококлассная бумага, некоторые снабжены ляссе. Но при этом их цена за последние тридцать лет увеличилась в среднем в 180–200 раз! Курс доллара, кстати, за тот же период вырос лишь в 22–24 раза. Таким образом, относительная доступность книг этой серии лично для меня примерно сравнялась с тем, сколько за них просили на советском черном рынке в середине 1980-х годов — сейчас я на свою зарплату могу купить 6–8 экземпляров, как и 40 лет назад.

В наши дни роскошно изданная книга с золотым срезом и изысканными иллюстрациями является престижным подарком «большому человеку». Подобные издания в значительной мере утратили свой статус объекта чтения и перешли в категорию дорогих сувениров.

Кроме книг и марок владикавказские коллекционеры покупали и приобретают по сей день огромное количество предметов тематического собирательства: антиквариат, монеты, виниловые пластинки, произведения живописи и скульптуры, значки, диафильмы, лицензионные аудио- и видеодиски, модели автомобилей, кораблей и образцов военной техники, карманные календарики и многое-многое другое — все то, что делает их жизнь интереснее, наполняет ее увлекательным процессом поиска необходимого экземпляра, заметно расширяет кругозор и обогащает знаниями о самых разных гранях окружающего их мира.

Алена ДЖЕНИКАЕВА

ОТ ТЕРЕКА
ДО ТУРЦИИ

ОЧЕРК

... *Y* моря всю ночь лил дождь. Молния освещала набегавшие тревожные волны, черный, расстрепанный берег и ветром прибившие на турецкую землю лодки. Оттуда на сушу вываливались мешки, большие тюки и люди. Неистово вился ветер, разнося плач и рыдания. Мертвых хоронили, больных уносили на носилках. Обессиленная группа переселенцев — осетины-мухаджиры — удалялась от берега в поисках лучшей жизни в сторону Сиваса.

С 1865 года минули века...

Я собиралась в Стамбул под сводки свежих новостей о задержках авиарейсов. За окном лил сильный дождь, похожий на рокочущий водопад. Казалось, что он вот-вот смоет дом в огромный поток, плывущий по улице. Но какая же это великая ценность — внутренний покой! Только неделю назад я сошла с трапа самолета, летевшего рейсом «Анталия — Владикавказ» и кружившего в небе часа два перед приземлением, и вновь засобиралась в путь-дорогу. Был уже сентябрь. Я понимала, что поездку в Стамбул нельзя никак пропустить. Даже если дождь смоет все дороги, а самолет задержкат еще надольше.

Приглашение от турецких осетин «наконец» приехать, увидеть Стамбул и посмотреть, «как мы живем», превратилось уже в какой-то интернет-вирус. Ну как не полететь? Ведь я обещала. А обещанного три года ждут, и они давно истекли. Обещанное — это не только «приехать в Стамбул и навестить осетинскую общину», но и привезти настоящий осетинский сыр, засоленные листья горького перца в лигровых банках, сувениры с пометкой «из Осетии». Да легко!

Открыв свой красный, истасканный перелетами чемодан, я с наслаждением вдохнула раскаленный аромат настоявшегося турецкого августа. Запах моря остался даже на сланцах. Времени оставалось лишь на то, чтобы проглотить кофе, на ходу мазнуть ресницы тушью, влезть в удобные кросссы, купленные в Ozon, — и понеслась!.. И как же время умудрилось меня так «испортить», что приходится делать непривычное... О боже, как же мне нравится обувь на шпильках! Я всегда в ней ходила, танцевала, творила... Так нет же, не получается ее сейчас носить. Времени столько нет. И что мне в Стамбуле на шпильках делать? Там же всем все равно, в чем я. Лишь бы мне было удобно. Но вот что неудобно там, в Стамбуле, среди турецких осетин — так это не знать своего родного осетинского языка. Они им владеют в совершенстве, по словарю. Тебя просто не поймут. Удивительно? Там реально неудобно не знать его. Да лучше, дефилируя по турецкой улице Истикляль на шпильках, сломать каблук и упасть, а потом еще минуту не подниматься с земли от смеха. А поднявшись, опереться на сломанный каблук, выпрямиться, улыбнуться и пойти

дальше, отмахнувшись словами «Ницы қәены!» [Ничего страшного!¹]. И это будет моя история. Обожаю родителей, научивших меня в совершенстве владеть родным языком! Благодарю их всегда и везде: в самолетах, в Осетинском театре, на кухне в час ночи... Вот, оказывается, насколько дальновидными они были, когда говорили мне: «Учи свой язык. И всегда будет легко встать, улыбнуться и идти дальше!»

Мобильник разрывался. На ватсап успела залететь эсэмэска: «Dæ bon horz! Æz dæn...» [Добрый день! Это я...] Именно так пишут турецкие осетины — пользуясь латиницей.

Узнаю улыбчивый голос Лейлы:

— Цæттæ дæ? Хæдтæхæг куы'рцæуа Стамбулмæ, уæд ма тыхс, мæ зæрдæ, мах дыл фембæлдзыстæм. Дзæбæхæй баҳæццæ у! [Ты готова? Как самолет прилетит, не переживай, мы тебя встретим, мое сердце. Хорошей дороги!] Kadar! [До свидания! (тур.)]

— Хорз. Бузныг. [Хорошо. Спасибо.]

Короткий разговор с турецкой осетинкой Лейлой подкрепил во мне уверенность перед поездкой в незнакомый город.

Отпуск заканчивался. Он был подобен прошедшему в жаркий день проливному дождю.

Вылет задержали. Сбавив внутреннее негодование и въедливость ко всему живому вокруг, я терпеливо пережила это томительное ожидание, проглотив тройной чизбургер за две тысячи рублей. Разыщалась, когда открыли выход к самолету. Но тут же обессиленная от ожидания толпа ринулась к гейту. Ринулась и я, хотя не собиралась к чьей-то высокой спине. Но я все же двигалась в сторону выхода, и это утешало. Как же я понимала путешественника Тора Педерсена, объехавшего весь мир без использования самолета! Вот красавчик! О Хуыцау, баҳхуыс қæн! [О Господи, помоги!] — взмолилась я. — Держись, мой внутренний покой! Впереди — неделя спелого, как сочные яблоки, сентября в Стамбуле. Это ли не радость?

И всё, ты — на взлете. Счастье-то какое!

* * *

...Этот момент настал. Маэстро Гергиев полчаса не мог уйти со сцены от затянувшихся аплодисментов. Я кричала, не переводя дыхания: «Браво, браво!»

— Пилот оценил ваши эмоции... Пожалуйста, просыпайтесь, пора к выходу. Мы прилетели.

Слова стюардессы, вылетевшие из широкой красивой улыбки и повисшие над моей головой, вернули меня в реальность, где я вдруг поняла, что проспала весь полет крепким сном и что меня не разбутут.

¹ Здесь и далее в квадратных скобках перевод с осетинского. (Прим. ред.)

дили даже благодарственные аплодисменты пассажиров в момент приземления самолета.

Я не торопилась, несмотря на то что пассажирская кабина была уже почти пуста. Мне как будто нужны были этот полет, это непривычное, неспешное пробуждение, эти счастливые мгновения чудотворного безделья.

Вспомнив, что меня встречают у выхода из аэропорта, что он не такой малюсенький, как дома, и что нужно пройти контроль и получить багаж, я спокойно сняла ногу с ноги и несуетливо вышла из самолета навстречу спелому, как сочные яблоки, сентябрю в древнем мегаполисе.

Вперед!

Стамбул будто все еще оставался под влиянием аномальной африканской духоты, накрывшей этим летом все Центральное Средиземноморье. Жара моментально заползла мне за шиворот какой-то липкой, вязкой карамелью и оставила влажный, как от прикосновения улитки, след.

Погодка — класс!

Меня встречали.

— О-о, Аленә, қәдәй-уәдәй! [О-о, Алена, наконец-то!] — подбегая ко мне, воскликнула Лейла и схватила тяжеленный чемодан так легко, словно в ее руках оказалась дамская сумочка. — Хъәбыстәе, батәе үйй фәстәе... Тагъд қәенүн хъәуы, қәннод фәндагыл бирәе ҳәәдүлгәтә ңәуы әәмә нә фәндаг зын рауайдәен [Объятия и поцелуи оставим на потом...]. Надо спешить, трасса очень загружена машинами], — быстро проговорила Лейла, засунув чемодан в багажник и обменяв все жесты приветствия на искреннюю лучезарную улыбку.

«Как же все-таки грамотно она говорит по-осетински, всю жизнь находясь вдали от Осетии», — подумала я, вспомнив, как лет десять назад осетины из разных уголков планеты собирались в Сочи отметить Дни культуры. Там я и познакомилась с Лейлой. Помню восторг от встречи: одна из самых известных осетинок Лейла Кылыш-Албего-ва, проживающая в Стамбуле, великолепно говорившая на осетинском языке, общалась со всеми скромно, без стремления эпатировать за счет своей уникальности и желания привлечь всеобщее внимание. Именно тогда она пригласила меня посетить Стамбул. С тех пор прошло десять лет.

И вот мы рядом, минут десять уже рассекаем по широкой трассе, а распаренное тело, остывая в комфортабельном авто Лейлы, будто дышит каждой своей порой. «Как прекрасна жизнь!» — подумала я, от души улыбаясь Лейле.

— Ныр дзур, күйдәе... Күйд бахәццә дәе? Маңауыл тыхс. Алцы-дәр хорз уыдәен, суазәг дәе қәндзыстәм, күйд хионы, афтәе [Ну

рассказывай теперь, как ты... Как добралась? Ни о чем не переживай, все будет хорошо, примем как родную], — говорила она, умело управляя автомобилем.

Как же благодарна я ей была в тот момент! И не только за то, что она просто спасла меня от большого скопления незнакомых людей и утомительного поиска трансфера до назначенного места, но и за пронзительные минуты тихого счастья. За то, что я ехала в Стамбул так, как едут домой, к родным. За любовь, которая способна быть рядом на любом расстоянии.

Ее только нужно разглядеть...

Я — в Стамбуле!

* * *

Примерно через час мы уже проезжали по крутым, извилистым, узеньким улочкам исторического района.

— Мы между южной частью Босфора и Золотым Рогом, район Бейоглу, — рассказывает Лейла. — Тому, кто хочет узнать про современный Стамбул, сюда. Он самый важный из всех районов. Тут недалеко проспект Истикляль.

Громоздившиеся над нами постройки утопали в зелени, они органично вписывались в сложный холмистый ландшафт. Шумные туристические кварталы сменяли тихие улочки, а в историческом центре прямо над головой сушилось белье. Неровный ритм города сразу бросался в глаза.

Свернули на переулок Каллави, узкий, обложенный симпатичными домами.

— Приехали! — с облегчением воскликнула Лейла.

До отеля Elmira Pera Hotel, номер в котором забронировали для меня турецкие осетины, проводили люди, видимо, работающие с Лейлой. Изящные балконы и эркеры, замысловатые барельефы и фризы провисали над головой, словно закрывая небо. На ресепшнене меня встречали несколько человек, очень милые и улыбающиеся люди.

— Merhaba, Benim adım Mesut, — поприветствовал меня, представившись, хозяин отеля Месут. О нем мне рассказывала Лейла. И он, видимо, знал меня уже заочно. Так встречают не всех посетителей. Мои скромные знания турецкого языка позволили мне понять фразу Месута: — Гости Лейлы — мои гости! Я рад, что вы остановились именно у нас. Наш отель в это время бывает забронирован полностью.

Меня ждал комфортный номер в нежных тонах. Интерьер напоминал стиль османских дворцов XIX века, однако в нем отчетливо прослеживалось европейское влияние. Деревянный расписной потолок дополняли шикарные люстры из хрусталия. В зале с огромными панорамными окнами меня уже ожидали два гарсона средних лет. Каково

же было мое удивление, когда один из них заговорил по-осетински!

— Ёгас цу, наэ зынаргъ уазæг! [Добрый день, наш дорогой гость!]

От неожиданности я плюхнулась на оттоманку.

— Сæххормаг дæ фæндагыл, исты ахæр [Ты проголодалась в дороге, перекуси], — продолжил мужчина, указывая на накрытый деревянный столик с резными ножками. — Ирон хæринæгтæй дæ хорз фенæм — чьиритæй [Мы приготовили тебе

осетинские пироги], — засмеялся он. — Куы ахæрай, уæд-иу бынмæ нынццу, æнхъæлмæ дæм кæсæм Лейлаймæ. [Как перекусишь, спускайся, мы будем тебя ждать с Лейлой.]

Стол уже был накрыт: осетинские пироги, сыры, национальные закуски. Меня приняли так, как принимают только дома, в любящей семье. «Да! Это самый лучший отель, в котором я когда-либо останавливалась в своих путешествиях», — подумала я, жадно проглотив кусок фыдджына. Вкус оправдал мои ожидания. Для осетинского пирога, приготовленного в Стамбуле, это очень даже неожиданно.

За окном лилась колоритная однотонная мелодия. Выглянув, я увидела двоих мужчин, игравших на багламе и зурне и с надрывом певших турецкую народную песню. На узкой улочке по обе стороны компактно разместились столики. Люди ели, пили, громко разговаривали как бы одной семьей. Внешняя сторона здания была украшена декоративными гирляндами и зелеными маркизами, на которых было написано Ficcin [Фыдджын — пирог с мясом]. «Так вот оно какое, это излюбленное место не только для туристов и турецких осетин!» — подумала я и быстро спустилась вниз. Не терпелось пообщаться с турецкими осетинами, дойти до улицы Истикляль, которая находилась буквально в тридцати шагах от переулка, и прогуляться по району Таксим.

Оказывается, отель был втиснут буквой П между улицей, ресторанином и другим отелем. Ficcin с большим количеством посадочных мест разместился вдоль одной улицы Каллави. Кто-то проводил время непринужденно в стиле мещанина, а кто-то — с лампадкой, более романтично, обнявшись и подпевая артистам.

Кайф!

Ко мне подошла Лейла и еще несколько человек — ее родственники, о которых она всегда рассказывала. Среди них — сестра Сухейла и брат Рауф. Меня обнимали, целовали, приветствовали.

— Мæ зæрдæ [Мое сердце], — сказала Лейла и обняла меня крепко-крепко, добросовестно выполнив свои обещания и мои ожидания с момента встречи в аэропорту.

Передо мной стояла женщина, которая никогда не жила на родине предков, но прекрасно знает и сохраняет родной язык, осетинские традиции. Женщина, которая носит две фамилии — Албегова и Кылыч и которая уже более двадцати лет занимается ресторанным бизнесом в Стамбуле.

Среди этих людей не нужно было подбирать особые слова, выискивать правильные, «умные» ответы, стараться выглядеть по-другому и... носить любимую обувь на шпильках. Все говорили на осетинском. Как же я гордилась тем, что владею одним из самых тонких и мудрых языков в мире! Гордились и они тем, что знают язык и могут общаться со мной, понимать и в эти минуты иметь связь с далекой, но такой близкой Осетией.

Договорились провести ближайший вечер вместе.

— Пойдем со мной, я тебе такое место покажу! — интригуя, сказала Лейла.

Мы поднялись на второй этаж ресторана. На выложенных стенах огромного зала, заставленного деревянными столами и стульями, висели картины с осетинскими мотивами, подвесные полки были заставлены национальными сувенирами.

— Здесь мы встречаемся и общаемся с нашими осетинами, живущими в Стамбуле и других городах Турции. Ты же знаешь, у нас есть осетинская община, — с особой гордостью произнесла Лейла. — Это кукла Дзиовой, чаша Моураова, картина Есенова...

Я была поражена. Она так трепетно прикасалась к каждому изделию, словно приглаживала. Видно было, что они ей очень дороги. Я начала разбирать сумки и доставать подарки, пополняя ее коллекцию. Как же она радовалась каждому сувениру! Среди презентов был и осетинский флаг. Она взяла его в руки осторожно, как хрустальную вазу, прижала к лицу и заплакала... Заплакала и я. От радости, от тепла, от деликатности, от бережности, от таланта хранить самое ценное.

— Моя семья — из осетинского рода Ілбегатæ, которая эмигрировала в Турцию в 1865 году из села Алагир, — рассказывала Лейла, накинув осетинский триколор на плечи. — Из Российской империи уезжали по разным причинам. Это было нелегким решением. Чтобы ты понимала, Алена, я — представитель четвертого поколения генерала Муссы Кундухова. Мои предки уходили тяжело, навстречу новой, непонятной жизни, где встретили совершенно другую культуру. Многие не выдерживали изнурительную дорогу и возвращались обратно или погибали. Оставшиеся мухаджиры образовали небольшие поселения в Сивасе, Карсе, Муше, Битлисе, Эрзуруме. Турецкие

Албеговы проживали в селениях Сивас, Бойалык, Йозгат, Кайпынар. В 1960–1965 годах нас было двести семей, мы считались самой многочисленной осетинской фамилией в Турции. Тогда было легче сохранять и изучать родные язык и культуру, мы многое узнавали от наших бабушек и дедушек. Тогда нам запрещали носить осетинские фамилии, нас хотели лишить исторических корней. По этой причине Албеговы были вынуждены принять новые фамилии — Кылыч, Эрдогъан, Каплан, Думан, Четин, Дуран, Алтынок, Джидал, Джейлан, Озель... С тех пор прошло 160 лет. Мы сохранили свои фамильные предания, помним родовые тамги², поддерживаем родственные отношения. Сейчас турецкие осетины в основном живут в больших городах, таких как Стамбул, Анкара, Измир, Анталья и других. Но мы продолжаем встречаться и общаться. Здесь живем большой семьей, стараемся сохранять осетинскую идентичность. Спасибо тебе за воспоминания...

Лейла рассказывала все это с таким вдохновением, как будто всю жизнь прожила в Осетии. Ее счастливое восприятие того, что для нас давно кажется обычным, даже немного одноклеточным, на родине бесценно как уникальный пример сохранения исторической памяти. Бесценно и умение любить и бережно хранить свою историю, беречь то, что ей с таким трудом досталось... И нет другого желания. Это ее цыкурайы фәрдыг³.

* * *

Вечерело. Ресторан Ficcin превратился в шумную, веселую таверну. Играла турецкая музыка. Горевшие свечи на столиках перемигивались со светившимися на маркизах гирляндами, выливая на всю уличку уютное тепло. Это место и для неторопливых ужинов под долгие разговоры, и для спонтанного аппетита под чудесную музыку, и даже для важного кота, стоящего на задних лапах и вымаливающего чего-нибудь из моей тарелки...

А коты в Стамбуле — почетны. Даже Лейла недавно обзавелась ими и все переживала в свое отсутствие, как они там и что едят. Здесь все жители кормят уличных котов, тратя на это часть своих доходов. Посетители ресторана, говорившие на разных языках, наслаждались вкусом и красотой полюбившихся блюд, невольно демонстрируя тем самым разную культуру поведения за столом — кто-то чавкал, не

² Тамгá — родовой фамильный знак, который ставился на родовое имущество, в том числе и скот. Как правило, потомок определенного рода заимствовал тамгу своего предка. (Здесь и далее прим. автора.)

³ Цыкурайы фәрдыг — бусина исполнения желаний в этнической культуре осетин; досл. «бусина, дающая все, о чем попросишь».

стесняясь, кто-то шумел приборами, а кто-то вскакивал на стул и подпевал артистам, выказывая безмерное удовольствие. Главное — все были искренними ценителями этого заведения, в котором подают традиционные блюда турецкой и черкесской кухонь — сезонных овощей, тушенных в оливковом масле, вездесущего кёфте⁴, черкесских клецок и пасты из измельченной курицы, чеснока и грецких орехов... Но фаворитом на всех столах все же был традиционный осетинский пирог, чаще с мясом, который в другом месте вряд ли можно было найти. Отсюда и название заведения, которое придумала сама Лейла. Вот почему один из самых популярных ресторанов кавказской кухни в Турции Ficcin стал старым и надежным другом для постоянных посетителей Стамбула. А когда-то, лет двадцать назад, он был лишь небольшим магазинчиком готовой кухни. Благодаря Лейле ресторан в 2011 году включили в десятку лучших заведений огромного мегаполиса. Сейчас Лейла — владелица целой сети ресторанов. Она часто сама печет осетинские пироги, а если попадается осетинский сыр, то получается настоящий уәелибәх [пирог с сычужным сыром].

— Ты не будешь против, если мы разрежем сыр, который ты привезла, и угостим посетителей, чтобы удивить их вкусом самого лучшего сыра на земле? — выйдя из кухни, спросила Лейла.

Так и сделали. Она уважительно разносила разрезанный на тонкие кусочки сыр вдоль столиков, предлагая всем осетинский деликатес:

— Deneyin, deneyin! [Попробуйте, попробуйте! (тур.)]

Видно было по ее широкой и красивой улыбке, заливистому смеху, как она наслаждалась этим процессом. «Вот она, любовь!» — подумала я.

Вокруг стола собирались братья, сестры, племянники Лейлы, работающие с ней. Накрыли стол по осетинским традициям.

— Я тебе тоже что-то приготовила, — обратилась ко мне Лейла и вынесла глубокую тарелку с пельменями, политыми сметаной и посыпанными пряными специями.

— Это хъәбынтае [пельмени с мясом]. В Осетии, наверное, так их уже и не называют. Сама приготовила, — произнесла Лейла и наконец присела рядом.

Я знала давно, была наслышана о ее талантах изумительно вкусно готовить, а теперь и сама смаковала блюда.

Это было счастьем!

Выше, за отдельным столом, сидела большая веселая компания. Она чем-то выделялась на фоне других туристов. Внезапно заиграла

⁴ Чиг-кёфте — блюдо турецкой и курдской кухни, сырные котлетки или тефтели с овощами.

национальная музыка. «Неужели абхазская играет?» — удивленно подумала я и вопросительно посмотрела на Лейлу.

— Да, да. Сегодня к нам присоединились кавказцы, гости из Абхазии, они очень любят приезжать, — тут же ответила гостеприимная хозяйка и указала жестом, чтобы я к ним присоединилась.

— Как же это здорово! — я вскочила и побежала к абхазцам.

А они как раз уже исполняли свой национальный «Шаратын», танец-соревнование, кто кого перепляшет, обнаружит находчивость и ловкость. Я присоединилась к грациозным девушкам и закружилась.

Все вокруг тоже кружилось стремительно и темпераментно. Аплодировал весь ресторан. «Bravo, bravo!» звучало на всех языках для всех национальностей одинаково. В особом восторге были турки — им очень нравятся кавказские танцы и музыка, они интересуются нашими традициями и кухней.

А потом мы ели, пили, затягивая время традиционными тостами и приближая стамбульскую ночь. Вряд ли кто-то мог понять, кроме нас самих, над чем мы так заразительно смеялись и о чем так громко и оживленно говорили. Осетинская речь лилась по улочке Каллави и спускалась к проспекту Истикляль. Ее слышали все, ею восхищались. По крайней мере, так казалось.

* * *

Ночь была коротка. Но хотелось встать пораньше. Нельзя терять время на сон. Надев свою удобную обувь, я спустилась вниз и направилась прямо к ресторану Ficcin. Меня встречала Лейла:

— Доброе утро. Я буду рада, если мы позавтракаем вместе.

Круглый столик был уже накрыт. Глазунья, нарезанные овощи, сыры, колбасы и любимые симиты — традиционные турецкие бублики с румяной хрустящей сладковатой корочкой, щедро посыпанные кунжутом, с нежным мякишем. В небольших чашках пузырился настоящий турецкий кофе, который немыслим без пенки. Рядом — стакан воды и кусочек рахат-лукума.

— Погуляй по проспекту Истикляль, району Бейоглу, а потом — на Принцевы острова. Все сразу не объехать и не увидеть... Сколько я здесь живу, все равно не объездила весь Стамбул, — ответила Лейла на мое желание «быстро везде побывать и все сразу увидеть». — И вот еще что. Прилетел Гергиев, на днях пройдет его концерт здесь.

Лейла говорила это, испытывая гордость за его достижения. Ее глаза светились и выражали не только любовь к музыкальному творчеству гениального Маэстро, но и теплую привязанность к малой родине и свою причастность к национальным корням.

«Надо же, какой вещий сон...» — подумала я и примерно через тридцать шагов вниз по улочке Каллави вышла на широкий

проспект. Так вот она какая, самая шумная и популярная улица Стамбула Истикляль! Главная пешеходка города, несмотря на раннее утро, была полна людьми. По обе стороны проспекта находилось большое количество баров и ресторанов, магазинов и супермаркетов. Уличные торговцы продавали жареные каштаны, кукурузу, симиты и воду. Я осматривала достопримечательности, посещала магазины, заглядывала в перпендикулярные проспекту переулочки, погружаясь в особую ауру современной турецкой цивилизации.

Но самым заметным и привлекательным атрибутом улицы стал движимый символ Стамбула — красный ретротрамвай. Он проезжал несколько раз, забитый туристами. Я лишь успевала фотографироваться на его фоне. И тут же вспомнила наш владикавказский красный трамвай, который украшал Александровский проспект с исторических времен. Люди угощались в «Макдональдсе», «Бургер Кинге», «Старбаксе», посещали Mado, Zara, Özsüt или Ramiz Köftecı, заходили в кофейни и кондитерские, покупали сувениры и турецкие сладости. Меня больше интересовали исторические здания, храмы, а также роскошные балконы, скульптуры на фасадах и широкие окна. Прогулка по проспекту привела меня на площадь Таксим, где можно было посидеть на лавочке и полюбоваться красотой революционных памятников... А, тот монумент, где присутствуют двое советских политиков — Ворошилов и Фрунзе. Я нашла этих двух товарищей в фуражках. В свое время они работали в городе молодой Турецкой Республики Константинополе, протянув руку помощи в непростые времена этой стране.

Свернув с проспекта Истикляль, я стихийно бродила по извилистым улочкам района, в основном вымощенным камнями. Преодолевая постоянные спуски и подъемы, я смотрела, как протекает жизнь в Стамбуле. Витрины маленьких бутиков сменяли дома, покрытые густым виноградом, а миниатюрные художественные галереи — уютные кофейни. Здесь я расprobовала турецкий фисташковый кофе сорта «Мененгич». Вряд ли после него захочу пить кофе за пределами Стамбула...

А вот и Галатская башня — символ города. Она оборудована музеем и смотровой площадкой. Пройдя огромную очередь туристов, увидела город с высоты полета чайки.

Здесь не требовался навигатор, достаточно было идти все время вниз или вверх по узким улочкам. Красно-белая кирпичная кладка домов соседствовала с позолоченными фресками византийских церквей.

Я понимала, что поселилась именно там, откуда пешком могу дойти практически до всех главных достопримечательностей Стамбула.

Город напоминал калейдоскоп. С поворотом головы менялись и картинки, и настроение. Шпили старых минаретов, виднеющиеся с Галатского моста, корабли на волнах Босфора и тучи кричащих чаек, кружящих в воздухе. Десятки рыбаков, замерших под шум волн, и призывы молитв, раздающихся с мечетей в дымке старинного Стамбула. Великолепные дворцы Долмабахче с его богатым убранством и Топкапы, который столетия был резиденцией и офисом турецких султанов, шикарные виллы и трущобы...

* * *

Я благодарила Лейлу за каждый свой неторопливый шаг по улочкам Стамбула, за прогулку на пароме по Мраморному морю на остров Бьюкада с его роскошными особняками, церквями и монастырями. За Босфор перед закатом с его огненными красками, мостами и мечетями, сияющими в золотой вечерней подсветке. За легенды и архитектурные шедевры, хранящие дух прошлых эпох. За историю Стамбула, которая уже навсегда переплелась с моей судьбой и прямо на глазах оживала сквозь выветренные веками поры шершавых каменных стен старинных замков и дворцов.

Но главное — за живучий и живущий здесь осетинский язык, благодаря которому Стамбул стал для меня одним из любимых городов.

Я лениво упаковывала свой чемодан, пытаясь каким-то образом уложить в него ароматы холодных белесых камней и плюща на старых крепостных стенах, утреннего спрайта холодной босфорской воды и водорослей, терпкого мускуса морской пены из Мраморного моря, запах свежесваренного турецкого кофе, сладкой пахлавы, симита и осетинских пирогов от ресторана Ficcin. Они настоятся и заполнят собой пустующий во мне флакон памяти. Я буду пахнуть этим счастьем.

Лейла провожала меня с надеждой на новую встречу. Да, она из тех, которые слышат, прежде чем им говорят, понимают до того, как объяснят. Их просто любишь.

Это было редким подарком. Безусловным. Незабываемым.

— Ирыстон у мæ зæрдæ. Ды дæр — мæ зæрдæ! [Осетия — мое сердце. И ты — мое сердце!] — ветер разнес ее слова по всему Стамбулу.

Они летели вместе со мной из Турции до Терека.

«Восхитительная женщина, — думала я. — Осетинка! Она все-таки вернулась на малую родину, ни дня не живя там...»

С 1865 года минули века...

Терентий ГРАНЕЛИ

НЕЧАЯННОЕ
ОТКРОВЕНЬЕ

СТИХИ

ПЕРЕВОД С ГРУЗИНСКОГО В. СВЕТЛОСАНОВА

С МТАЦМИНДЫ

Собственным теменем чувствуя время,
Все еще в тайне о чем-то мечтаю.
В сердце слагается стихотворенье,
Плитам могильным его прочитаю.

Тянутся вдаль облака друг за другом,
Рвется душа к голубому простору.
Древние горы стоят полукругом,
Кто-то вдали поднимается в гору.

Стой здесь и думай — на что ты истратил
Жизнь? — и оплакивай эту потерю.
Строки свои не доверю тетрадям —
Лучше надежному сердцу доверю.

* * *

Голубые сгостились сумерки.
Обо мне, прошу, не грусти —
Мне, бездомному, мне, безумному,
По шуршащей листве брести.

Вижу тени, и с ними шепотом
Разговариваю. И пусть
Я похож на умалишенного, —
Я еще не лишился чувств.

Я похож на легкое облако,
Бесприютное на ветру.
Ни покоя, ни сна, ни отдыха —
Успокоюсь, когда умру.

Голубые сгостились сумерки.
Обо мне, прошу, не грусти —
Мне, бездомному, мне, безумному,
По шуршащей листве брести.

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Вечер, весна, теней перекличка,
С ветки на ветку прыгает птичка.

В небе душа ищет спасенья
От одиночества и забвенья.

Там для нее нету преграды,
Там ее ждет великая радость.

Ночь распахнет настежь просторы,
Скроют луну далекие горы.

Вечер, весна, теней перекличка,
С ветки на ветку прыгает птичка.

1926

* * *

Чуть светлеет,
Редеет тьма.
Боже, где я?
Это тюрьма.

Долг день мой,
Схожу с ума.
Боже, где я?
Это тюрьма.

Луч сквозь двери,
Ночь, звезды, тьма.
Боже, где я?
Это тюрьма.

* * *

Пасмурно и дождливо,
Дело идет к весне.
День проходит тоскливо,
Что он оставит мне?

Где-то за облаками
Место моим мечтам.
В мире дневном — я с вами,
В грезах ночных — я там.

* * *

Снова ночь и снова ожидание,
Дрожь стихов, и далеко рассвет.
В полночь оживет воспоминание
О далекой неге детских лет.

Снова ночь и снова ожидание,
Сердце то забьется, то замрет.
Ночь, как призрак в голубом сиянии,
Скоро сгинет прочь, и страх пройдет.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Я один — куда иду, не знаю —
Прошлое закрыто на замок.
Кроме этих строк, моя родная,
Что еще я в этой жизни мог?

Летний полдень. Путник на дороге,
Я стою уставший, чуть живой.

Пусть меня убьют мои же строки,
Но, убив, возвысят над землей.

2

Иду — и сердце часто бьется,
Вновь чувствует оно тревогу!
Дождь прекратился, светит солнце,
Я простираю руки к Богу.

Всю ночь блуждая до рассвета,
Вымаливал себе прощенье.
О Господи! Прости мне это
Нечаянное откровенье.

* * *

Сумрак плетет
Свою паутину.
Дождик всплакнет,
Если я вдруг сгину.

Осень — итог,
Тоска и разлука.
Жалко, что Бог
Не послал мне друга.

ТБИЛИСИ С ГОРЫ

Голубь стрелой
Взмыл к облакам.
Там, под горой,
Белоснежный храм.

Чуть шелестят
Листья. Замри!
Тускло горят
Вдали фонари.

Здесь я мечтал
Вдвоем с тобой.
Виден вокзал
И мост над Курой.

Ветер несет
Грусть и тоску.
Поезд идет
В Тифлис из Баку.

* * *

Вот с Мадатови
Голубь простился,
Белый на кровли
Снег опустился.

Солнце окутав,
Туман сгустился,
Белый под утро
Снег опустился.

Скорбный далекий
Образ приснился.
Мягкий и легкий
Снег опустился.

Вот с Мадатови
Голубь простился,
Белый на кровли
Снег опустился.

Илли* о Черном Ногае

ИЗ ЧЕЧЕНСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ
ПЕРЕВОД С ЧЕЧЕНСКОГО А. ПРЕЛОВСКОГО

Ва-лай-ла, я-ла-лай, ва-лай-ла, я-ла-лай,
ва-лай-ла, я-ла-лай!

Это случилось, когда однажды рождался новый рассвет
и на утренних травах переливалась роса.

Это случилось, когда светило выплыло из-за гор
и теплым золотом света все озарилось вокруг.

В то утро бячча¹ в мечеть не на молитву пошел —
Он оттуда начал сподвижников криком к себе сзывать:
«Эй, сельские гордые канты², да будет с вами Господь!
Если мы вверх посмотрим, что мы видим тогда? —
наши высокие горы в зелени буйных трав!
Если мы вниз посмотрим, что мы видим тогда? —
наши долины в травах, выжженных дожелта!
Канты, время настало бить родникам из-под скал,
время пришло чинарам приумножать листву,
время пришло средь листьев горлицам ворковать,
время пришло и ястrebам горлиц лесных ловить!»

Этот призыв услышав, сельские канты вмиг
стали в поход собираться: каждый пояс надел,
оружие злее медведя к поясу привязал
и, нарядясь, как на свадьбу, двинулся к бячче он.
Солнце еще горело, как все уже собрались.
Их шестьдесят оказалось, каждый мог бы сказать:

Печатается по изданию: Чеченская народная поэзия. XIX–XX вв. / сост.
И. Б. Мунаев, А. В. Преловский. М.: Новый ключ, 2005. С. 54–70.

* Илли — героико-эпическая песня.

¹ Бячча — военный предводитель в походе или набеге.

² Кант — молодец.

«Ты лучше меня, — сотоварищу, — я же лучше тебя!»
Двинув коня в дорогу, встал впереди вожак,
следом за ним помчались чеченские канты все.

Короток или долог путь у всадников был,
но на закате солнца подскакали они
к месту — к тому аулу, где на подворье своем
должен был находиться хозяин — Черный Ногай.
«Ждут ли кого в этом доме? Здесь ли хозяин сам?» —
спрашивать стали гости, не слезая с седла.
«Здесь гостей принимают! Здесь и хозяин сам!» —
вышел с такими словами из дома Черный Ногай.
Ловко и скоро, словно все шестьдесят стремян
разом поддерживал, всадников с сёдел сумел ссадить;
неуследимо, будто всех шестьдесят коней
разом сам же рассёдливал, по стойлам сумел развести
этот хозяин ухватистый, этот Черный Ногай.

В дом гостей проводивши и рассадив за столом,
стал угощать их яствами, отменным вином поить
Черный Ногай. Не спрашивал кантов он ни о чем,
и канты не говорили. Так миновало три дня.

Только на третье утро, когда золотой рассвет
разлился по миру золотом, хозяина отзовала
из дома во двор супруга и так сказала ему:
«О Черный Ногай! Господь с тобой, неужто не понял ты,
зачем приехали гости? Давно уж не молод ты,
а вот не спросил, зачем они пожаловали к тебе,
да и они тебе тоже ни слова не говорят.
Не затем ведь они прискакали, чтоб у тебя в дому
только поесть появились и только вина попить!
А не затем ли явились канты чеченские к нам,
чтоб все бы твое богатство на скорых конях увезти?
А если им не удастся богатством твоим завладеть,
то с пастища не угонят ли твой отменный табун?»

Выслушавши супругу, старый Черный Ногай
серым стал, словно пепел, темным, как почва, стал.
Не чуя земли под ногами, он в дом со двора вошел.

«Да не лишитесь счастья, о канты, гости мои, —
стал говорить хозяин. — Уж простите меня,
что не спросил я вовремя, зачем приехали вы.
Вы же три дня молчите, не говорите мне,
зачем, по какому делу сюда заехали вы.
Вижу, не пить мои вина сюда приехали вы,
вижу, не есть еду мою сюда заявились вы.
Вижу, что вы приехали, сельские канты, сюда,
чтобы мое имущество на скорых конях увести,
а если вдруг не удастся богатством моим завладеть,
то с пастбища за рекою угнать мой отменный табун.
Пусть Бог меня позабудет, пусть вашей дружбы лишусь,
если патроны нынче не стану я заряжать.
Я шестьдесят патронов порохом серым набью —
на каждую голову вашу придется один заряд!
Так что ж, приступайте к делу, за чем приехали вы!»

Из всех, кто сюда приехал, поднялся бячча один:
«Да будет Господь с тобою, Черный Ногай, ведь мы
явились не для разбоя — табун у тебя угонять,
приехали не за златом и серебром твоим!
Сюда мы к тебе явились, чтоб ты нам забрать помог
коней у князя Сахьяри — табун племенной его,
который пасут табунщики за Тереком на лугах.
Спасибо тебе, что принял как полагается нас.
Мы у тебя загостились, прости нас, Черный Ногай.
Но мы здесь, увы, не видим из сыновей никого.
А не отправишь ли с нами в набег одного из них?»

И Черный Ногай ответил: «Есть сын у меня один,
лет пять еще до пятнадцати ему расти и расти...»
Он приобнял подростка, огладил его бешмет,
на белом бешмете три пуговки старательно застегнул
и так сказал: «Сын мой храбрый, иди с гостями в набег.
Но именем Бога нынче пред вами всеми клянусь,
что если мой сын вернется, хоть пуговку потеряв,
то собственnoю рукою я тут же сына казню!
Если из шестидесяти всадников хоть один
будет убит, а сын мой назад возвратится, что ж,
приму я сына, но клятвы я не нарушу своей!
И если же хоть жеребенка оставишь с маткой его

на пастбище князя Сахьяри, то видит Господь, что мне, сын мой, придется — о горе! — тебя зарубить. Иди!»

Нового канта на лошадь сам посадил отец.
Мальчик тут же вскачь пустился, словно заправский кант,
чтоб пастбища князя Сахьяри еще до рассвета достичь.
Короток или долог путь у всадников был,
но подскакали к Тереку, а за рекой — табун.
Маленький Сын Ногая так сказал вожаку:
«Вы останьтесь на этом, я ж на том берегу
сделаю все, что надо», — и направил коня
в воду, вытянув плеткой как будто огнем обжег.
Конь рванулся и реку грудью могучей рассек —
позахлестнуло водою пойменные луга,
и разбежался в стороны князя Сахьяри табун.

Маленький Сын Ногая стал коней собирать,
стал их сгонять на берег, к Тереку, но на него
бросились три безумных, три зубастых щенка,
силою схожи со львами, — это им доверял
князь Сахьяри табун свой и не держал пастухов.

Эти щенки, что схожи силой со львами, стремглав
кинулись к Сыну Ногая, чтобы его разорвать.
Но маленький Сын Ногая, выхватив шашку свою,
стал, тех щенков отгоняя, смертью зубастым грозить.
Ну а щенки, изловчившись, сзади зашли и враз
кинулись на спину мальчику и, не сумевши загрызть,
в схватке когтями три пуговки все же успели сорвать.
Маленький Сын Ногая тут же щенков зарубил.

Ни жеребца, ни жеребых медленных в скачке кобыл,
ни жеребенка при матке не упустил, — всех собрал
Маленький Сын Ногая и через Терек провел.
И поскакали обратно канты, гоня пред собой
гордость князя Сахьяри — великолепный табун.

Черный Ногай в это время с верхней башни своей
в восьмистекольный турмал³ глядел — давно ожидал,

³ Турмал — подзорная труба.

где в долине появятся канты и сын его,
сопровождая угнанный князя Сахьяри табун.
Так, приближая далекое, близкое отдаляя, Ногай
всех их сумел увидеть и, кроме того, разглядел:
всадники едут веселыми, сын же невесел его.
Черный Ногай, супруге турмал свой передав,
заговорил: «Погляди-ка, супруга моя, пусть к тебе
будет Господь благосклонен, как едут с добычей они.
Всадники едут вёселы, ликуют все на подбор,
Сын же наш маленький едет угрюмым, в печали большой.
Если сказал я, что будет, — то так и станет оно;
если сказал, что не станет, — то и не будет того.
Что же ты видишь, скажи мне, о супруга моя!»

Мужу ответила женщина: «Вижу табун и людей:
гонят веселые всадники к нам лошадей дорогих.
Сколько уехало, столько ж и здесь их: все шестьдесят.
Сын же наш грустен, руками свой белый отцовский бешмет
он держит, увы, на бешмете трех пуговиц недостает, —
вот почему опечален твой маленький кант, Ногай!»

Черный Ногай отозвался: «Если уж поклянусь,
то не смогу эту клятву я нарушить вовек.
Если сказал я, что будет, — то, значит, станет оно;
если сказал, что не станет, — то, значит, не будет того.
Так что судьбы не избечь нам, и придется — о горе! — отцу
голову сына любимого, слово держа, отсечь!»

Взял со стены он шашку, из буkovых ножен ее
выдернул — синею сталью сверкнула шашка в руках.
Стал на точиле натачивать лезвие грустный отец,
стал поджидать, как появится маленький сын во дворе.

Канты, табун подгоняя, к селению подъехали, где
было подворье Ногая. От кантов отъехал один,
волком поджарым казался он — волком как будто и был
маленький Сын Ногая. Он стал друзьям говорить:
«Да не оставит Господь вас, о чеченские канты, друзья!
Славное дело мы сделали — славный угнали табун.
Если же вправду считаете вы делом великим набег,
то я вам дарю безвозмездно нашу добычу, а сам

от дележа откажусь я и вас покину, друзья!
 Если еще захотите опять за добычей пойти,
 то меня поищите в долинах, а не в горах.
 Черный Ногай, мой родитель, строг и решителен он!
 Если сказал он, что будет, — то так и станет оно;
 если сказал, что не станет, — то и не будет того.
 Как отправлялись мы, помните, в этот счастливый набег,
 он говорил: «Коль с бешмета пуговку, хоть бы одну,
 сын, потеряешь, то будешь отцовской рукою казнен!» —
 так он поклялся перед Богом, так говорил мой отец.
 Если вы помните, канты, Терек когда переплыл,
 стал лошадей собирать я, что разбрелись по кустам.
 Там три щенка оказались, что силою схожи со львом.
 Вот на меня и напали, и в схватке три пуговки враз
 сорваны были с бешмета, а их ведь мой строгий отец
 сам застегнул, отправляя с вами, о канты, меня.
 Так что теперь не сносить мне бедной своей головы.
 Вы же домой возвращайтесь. Мне же дорога одна —
 волком поджарым скитаться, крова и пищи искать!
 Вас я теперь покидаю, буду в долине вас ждать!» —
 и ускакал от товарищей маленький гордый герой.

Бросив табун, поспешили сельские канты за ним,
 стали просить, как догнали: «Храбрый наш кант, не спеши!
 Да сохранит Всемогущий славного канта для нас!
 С Черным Ногаем тотчас же встретимся мы и его
 станем упрашивать, чтобы снова отдал нам тебя.
 Ты подожди нас немного, мы возвратимся сюда!»

Все шестьдесят гордых кантов быстро примчались в аул,
 где в это время клинок свой Черный Ногай наточил.
 Встали они на колени, замерли — все шестьдесят,
 шапки с голов поснимавши. Вышел к ним Черный Ногай.
 Стал говорить, огорченный: «Да не оставит вас Бог,
 о чеченские канты! С чем вы явились сюда?
 Встаньте с колен, умоляю! Вас я слушать готов!
 Если просить прискакали, то поспешите просить!
 В мире, где солнце восходит, греет и радует нас,
 с вами готов поделиться всем, чем владею я сам.
 Так что чего ж прискакали, славные канты, ко мне?»

Канты сказали Ногаю: «Пусть Бог не оставит тебя, Черный Ногай, пред тобою мы как заступники здесь! Пуговки три на бешмете, что ты застегивал сам, в схватке с бешмета сорвали три разъяренных щенка. Сын твой отважный в то время в кучу табун собирал. Ради Всеышнего, просим, смилийся, Черный Ногай, сын твой — смельчак, неповинен. Сына ты должен простить!»

«Бог вас простит, мои гости, — кантам ответил Ногай, — зря вы примчались: исполнить просьбу, увы, не смогу. Если сказал я, что будет, — то, значит, станет оно; если сказал, что не станет, — значит, не будет того!»

Бячча тогда собравшимся кантам своим прокричал: «Пусть вас Господь не оставит, гордые канты мои! Видите, что происходит? Хочет он сына казнить! Просим за смелого сына: “Смилиостивись, отец!” Черный Ногай собирается, сына казнив, жить и жить. Нам же что делать, если канта убьют за нас? Кантам, давайте разделимся, станем друг к другу лицом, ружья направим друг другу прямо в раскрытую грудь. Выстрелим одновременно — одновременно умрем здесь, на подворье Ногая, где сына зарежет Ногай!»

На два ряда разделились канты, мажары⁴ свои твердо направив друг другу прямо в раскрытую грудь. «Будь же ты счастлив отныне, Черный Ногай! Неужель сына убьешь, не дослушав, что мы тебе говорим? Сына, отважного канта, зря умертвишь? Не отдашь?» — так вопрошал в исступленье бячча и голос срывал.

Черный Ногай отвечал им: «Сколько попросите вы, столько вам раз и отвечу. Верен я клятвам своим: если сказал я, что будет, — значит, и станет оно; если сказал, что не станет, — значит, не будет того!»

«О вы, чеченские канты! — бячча вскричал. — Ничего нам не осталось, как грянуть из восьмигранных стволов!» —

⁴ Мажар — старинное кремневое ружье.

и отошел. В это время, сдернув платок с головы, женщина вдруг закричала: «О канты, не стоит спешить! Не торопитесь стреляться! Я еще слово скажу!» — так остановлено было смертное дело тогда.

Замерли все, ожидая, что скажет мужу жена.
 Женщина заговорила, боли и гнева полна:
 «Черный Ногай! О супруг мой! Остепенись, Бог с тобой!
 Ты уж не молод, чтоб словом сеять беду и позор!
 Люди к тебе приезжают — ты их сажаешь за стол.
 Все уважают в округе — знатный и бедный — тебя.
 Как же, супруг мой, позволишь, чтоб у тебя во дворе
 эти прекрасные канты перестреляли себя?
 Вечный позор обретешь ты, если таким смельчакам
 в просьбе законной откажешь, если ты сына казнишь!
 Надо тебе осторожней, предупредительней быть!
 Раньше тебя попросили — сына ты кантам отдал;
 вновь тебя просят о сыне — так почему ж не отдать?»

Выслушав слово супруги, Черный Ногай побледнел,
 снял он папаху и пояс с шашкой на ней развязал:
 «О досточтимые канты, да охранит вас Господь!
 Просьбу одну я исполнил, эту пока не могу.
 Вам же причину открою, что побудило меня
 так поступать, так сурово близких судить и карать.
 Слушайте, сельские канты, исповедь — слово души:

Было мне пятнадцать лет. Как сыну,
 вам которого отдал я нынче.
 Был я молод и здоров, и силой
 Бог меня с рожденья не обидел.
 Знающие люди говорили,
 что не так уж я силен, но я-то
 им не верил, был готов поклясться
 на Коране, что могуч и ловок, —
 так тогда я был в себе уверен!
 У меня был конь, скакун отменный,
 и я тоже, тоже был уверен,
 что он может всех побить и в скачке,
 и в выносливости, даже мог бы
 в том поклясться, глупый, на Коране.
 Я себя считал большим и сильным,

потому обет суровый принял:
год скитаться по горам, долинам
и лесам, чтоб зримый мир обхеать.
Убедиться, что я — самый сильный,
что скакун мой — самый совершенный.
Много или мало я проехал —
на лесной поляне очутился.
Поперек тропы тогда лежала
старая огромная чинара.
Так, уверенный в себе, я тронул
рукояткой плетки ту чинару,
чтобы сдвинуть ствол с моей дороги.
Но не шевельнулась та чинара!
Разогнал коня, чтоб перепрыгнул
он чинару, но заржал и прынул
от чинары мой скакун бесстрашный.
Спешился, попробовал руками
отдвинуть я с тропы преграду,
но не смог и шевельнуть чинару.
Скакуна я спутал и отправил
попасться, а сам прилег на бурку,
положил седельце в изголовье
и заснул, немало утомившись.
Думал я, что кто-нибудь проедет
по тропе еще, — вот посмотрю я,
как справляться станет он с чинарай.
Я проснулся поздно и увидел:
легкой рысью мимо едет всадник.
Вот и он приблизился к чинаре
и, как прежде я, легонько плеткой
приподнял чинару и... отбросил
на полдня пути, — вот богатырь-то!
Бросился я к всаднику, хотелось
поприветствовать, но он не принял
моего приветствия и дальше
поскакал, невозмутимо гордый.
Я, его опережая, снова
выговорил: “Оссалам-алейкум!” —
первым поприветствовал. Но всадник
вновь меня с дороги отодвинул
рукоятью плети — снова молча
он продолжил путь свой, горделивец.

Я вдогонку выстрелил из лука —
всадник даже не повел плечами,
из мажара я тогда ударил.
Всадник даже и не оглянулся.
Но сказал: “Не суетись, гаденыш!
А уж если захотел подраться,
то отыщешь Тихий Холм, — я буду
ожидать, чтобы с тобой схватиться!” —
и поехал дальше по дороге,
будто ничего и не случилось.
Заседлав коня, собрав оружье,
я поехал вслед, но вижу, конь мой
всадника догнать, увы, не может.
Лишь когда рассвет окрасил горы
и роса на травах засверкала,
к Тихому Холму я смог подъехать,
но не первым: всадник был там раньше.
Он прилег и, видно, спал, уставши
ждать меня. А я же, постеснявшись
вновь его приветствовать, в сторонке
лег на бурку, как бы отдыхая
после утомительной дороги.
Надо мною вдруг раздался голос:
“Не укладывайся спать, гаденыш!
Не для сновидений, а для драки
ты сюда приглашен, запомни!”
Я вскочил, и мы схватились драться.
Саблями сначала мы схлестнулись,
выстрелили из мажар, а после
стали врукопашную бороться.
Так три дня, три ночи миновало,
золотое солнце показалось.
“Солнце — за меня!” — вскричал противник.
“Если солнце за тебя, то, значит,
за меня — сам Бог!” — так я ответил,
и подножкой сильного свалил я.
Выхватил кинжал, хотел зарезать,
голову ему хотел отсечь я.
Но сказал мне побежденный всадник:
“Ты меня сперва пусти на волю,
а потом убей, но уже свободным!”
Отпустил я всадника на волю,

но, сорвавши с головы папаху,
вдруг увидел: волосы густые,
золотые стали рассыпаться
по плечам, — девицей оказался
этот кант, невозмутимый всадник.
“Я дала обет, мой победитель,
странствовать. И на святом Коране
поклялась, что я не выйду замуж
за того, кто в схватке мне уступит!” —
мне тогда красавица сказала...»

Ва-лай-ла, я-ла-лай, ва-лай-ла, я-ла-лай,
ва-лай-ла, я-ла-лай!

Черный Ногай помолчал в раздумье и чеченским кантам сказал:
«Вот какая женщина, канты, сына любимого мне родила!
Так не стыдно ль ему в набеге быть таким ненадежным, а?»

И с табуном от князя Сахьяри канты уехали, но за селом
жеребых кобыл они отделили и бедным раздали, себе же коней
взяли тех лишь, что оставались, — так закончился славный набег.

* * *

Пусть же не покинет кантов счастье!
Пусть же им сопутствует удача!
Если ж час настанет и предстанет
выбор, предназначенный судьбою,
то пускай примером им послужит
жизнь и клятва Черного Ногая!

Ва-лай-ла, я-ла-лай, ва-лай-ла, я-ла-лай,
ва-лай-ла, я-ла-лай!

Амаяк Тер-АБРАМЯНЦ

Я НЕ ОБИЖУ ТЕБЯ, ВУЛКАН

РАССКАЗЫ

ГУППИ

Уже шестьдесят лет минуло, а как вспомню этот случай, до сих пор подташнивает. В ту пору мы жили в Подольске — сером, дымящем трубами, индустриальном, с пятиэтажками и унылой нелюбимой школой, где ученики ходили строем. Мне было лет одиннадцать, а отец работал хирургом в центральной районной больнице, по старинке называемой Земской. Жизнь в городе была однообразной, бедной событиями. Раз в две недели в кинотеатр «Художественный» в одном здании с городской прачечной завозили какой-нибудь красивый цветной иностранный фильм — «Три мушкетера», «Фантомас», «Великолепная семерка»... А выйдешь из кинозала — и снова серость, однообразие: трубы, пятиэтажки, полугнилые избенки на берегу Пахры. Конечно, были наши мальчишеские игры — в ножички, любили сражаться на палках, заменявших мушкетерские шпаги, лепили из пластилина армии и сражались ими (но это в домашних условиях). Примерно раз в месяц случалось, что в городе кого-то зарезала шпана или пьяный — за часы, за норковую шапку, за бутылку водки или просто так, от скуки, но это забывалось быстро. В ту пору самым интересным занятием для меня было чтение приключенческих книг. Приготовив уроки, я усаживался вечером в кресло у письменного стола с настольной лампой и погружался в сладкие грезы — «Остров сокровищ», «Квентин Дорвард», «Белый Клык», что-нибудь из Жюля Верна, книги о путешествиях вокруг света, на иные планеты, сборники «На сушу и на море», «Мир приключений»...

Однажды отец принес с работы два стеклянных куба, в которых хирургам полагалось хранить послеоперационные находки или «препараты». Но так как хранить особо было нечего, кубы раздали желающим.

— Сделаем из них аквариумы, — сказал отец.

Кубы наполнили водой и поставили на круглый обеденный стол. Дно я устлал мелкой цветной галькой, которую привез летом из Коктебеля. Кто-то из военных, наш знакомый, привез два окаменевших коралла с Кубы: один в виде цветка, другой в виде веточки. А из рыбок посоветовали запустить гуппи. Пучеглазая самка с серебряным брюшком обычно неспешно плавала в центре аквариума. Самец был гораздо меньше, но с длинным и пестрым оранжево-синим шлейфом хвоста. Он неутомимо нарезал круги вдоль стенок аквариума; какие-то розовые улиточки ползали по стенкам, одновременно очищая их от всякой возникающей то тут, то там зеленой плесени. Хлопот аквариумы нам не доставляли — раз в день подсыпали порошок серого корма, наблюдая, как рыбки, подплывая к поверхности, хватали его крупинцы.

Как-то я пришел домой после уроков и сел обедать. Мама подала яичницу, которую я очень любил — с розовой корочкой. И только приступил к обеду, как увидел в аквариуме — из заднего конца брюшка пучеглазой гуппи вылетел серый комочек, похожий на запятую, за ним следующий.

— О, наша рыбка рожает, это мальки! — сказала мама.

Комочки вылетали один за другим, рассеиваясь вокруг гуппи, но тут я увидел, как она глотает те, которые оказались перед ней.

— Мам! — в негодовании воскликнул я. — Да она же своих мальков жрет! — Есть яичницу сразу расхотелось. — Как же так?!

— В мире рыб человеческие понятия морали отсутствуют, — усмехнулся сидевший рядом папа, с удовольствием уплетая свою порцию яичницы. — Нет добра, нет зла, нет любви...

— Значит, они не любят своих детенышей?

— Не любят, — подтвердил папа. — Я ж сказал, у них понятия любви отсутствуют.

— А почему у них нет, а у нас есть?

— Вы биологию еще не проходите?

— Нет.

— Вот то-то и оно, — сказал папа, усмехаясь. — Эволюция! Когда человек принял вертикальное положение, таз у него уменьшился, и стало гораздо трудней рожать — человеческие младенцы появляются на свет маленькие, недоразвитые, и их еще года два надо докармливать, защищать, на ноги ставить, беречь, — отсюда и человеческая любовь появилась. — Он взял маленький сачок, стал отлавливать новорожденных и переносить в другой заполненный водой чистый куб.

— Да, — вмешалась мама. — Только вам, мужикам, не понять, что мы переносим. Я так кричала, что сорвала голос, и с тех пор петь не могу.

Папа не обратил на нее внимания — последнее время они часто ругались, и то и дело звучало слово «развод».

— Да-а... — задумчиво произнес папа. — Вот от этого и вся человеческая мораль пошла — Онегины, Татьяны, клятвы... А ведь это уловка эволюции — любовь. Прием для нового перемешивания генов в поисках новых комбинаций, в поисках нового, более совершенного вида. Клянутся любить навек — и никогда эта клятва не исполняется. Приманка такая у эволюции: просто выполнили свое дело, и огонек остывает, гаснет, как ни крути.

— Тебя противно слушать! — сказала мама.

Отец встал из-за стола.

— Надо мне еще в больницу на совещание сходить.

Он надел синий плащ и синюю шляпу.

— А ты сходи-ка за картошкой, — сказала мне мама.

Я выходил из подъезда вслед за отцом. Отец меня не видел, однако направился он не в больницу, а повернул налево, дошел до следующего подъезда и скрылся в нем. Я знал, что там квартира детского хирурга, женщины с суровым лицом. Раза два я их видел вместе, однако маме ничего не говорил.

Развода, однако, не состоялось. Жизнь так и шла по накатанной колее. Один день походил на другой, и ничего не менялось. Я ходил в школу, дымили заводские трубы, и иногда пахло железной гарью.

Только после того дня интерес к аквариумным рыбкам у меня вдруг пропал. Я вылил воду с рыбками в унитаз, а камешки из Коктебеля и два коралла вернул в коробку, где они лежали раньше.

«ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО»

В Крым пришла осень. Игрушечный замок-башня «Ласточкино гнездо» белеет на фоне потемневшего моря с пологими крупными валами, а небо еще бледно-голубое, с лета выцветшее. У входа в замок какие-то контейнеры, самосвал подъезжает, мужики в шортах лениво расхаживают — ремонт! Сказка и проза. Дальний белый теплоходик исправно вспенивает каждый вал, тыкаясь в него носом. Ветер. И здесь наверху трепещет ветка акации и лоскут бумаги, оторвавшийся от контейнера... Мне кажется, я вдыхаю сухой кипарисово-хвойный запах и запах цементной пыли от стройки, хотя я в своей комнате в Москве, а вижу на экране происходящее там, в Крыму, через веб-камеру именно сейчас, сию минуту.

Когда был я там?

Боже мой... Столько лет назад, а точнее, сорок шесть или сорок семь. Почти полвека! Студент-медик на летних каникулах. Август... Нет, то был не я, а совсем другой человек... С такими же студентами проводил время. С другом Валерой из энергетического института, длинным, худым, скучающим, похожим на Максима Горького.

У подножия гигантской скалы с коронованной зубцами башней-дворцом из сказки — пляж с зеленоватой бухтой, лодочная станция.

Идея возникла сразу — взять лодку, чтобы посмотреть на эту красоту с моря. Мы оплатили два часа прогулки, оставили в залог паспорта, что было обычным делом в то простецкое время, и нам выдали весла.

Скоро нас приняла зеленая зыбь бухты. Замок над нами со своей зубчатой короной на самом краю огромной скалы, над обрывом, казался то ли падающим, то ли взлетающим. Море за бухтой стало ярко-синим с мелкой штилевой волной. И как только мы подплыли под замок, сразу — открытие! — в скале обнаружился естественный грот. Ввели в него лодку. Зеленая вода в гроте суетливо плескалась, на коричнево-золотистых, готически сходящихся вверху мокрых стенах весело танцевали ее блики. Однако едва мы прошли еще на лодку вперед, как, к нашему разочарованию, уткнулись в тупик. Вышли в море — а рядом еще один грот! Но он оказался маленьким — лодка едва могла в нем поместиться.

Теперь в открытое море! Лодка двигалась легко, и скоро мы очутились в километре-полутура от берега, сместившись на запад от «Гнезда».

— Может, искупнемся? — предлагаю Валере.

— Ты давай, а я не хочу.

Я вылез, плюхнулся в море, проплыл метров десять и остановился. Вода была настолько прозрачной, что, стоя в ней, я четко видел каждый палец на ногах, а ниже темнело густое, синее... Приятно щекотало сознание, что под тобой сотни метров бездны, казалось, что чувствуешь родственность со стихией. Проплыл еще немного и повернул к лодке со скучающим на веслах Валерой. Я плыл обычным брашсом, но, странное дело, лодка не приближалась, будто какая-то неведомая сила оттесняла меня. Перешел на кроль, но ситуация почти не изменилась.

— Слушай! — остановился я. — Здесь какое-то течение, что ли...

— А-а, — сказал Валера, — ну я тогда поплыл обратно...

— Значит, друга утопишь?

— Ага, — согласился Валера, берясь за весла.

Я перешел на кроль, и лодка стала приближаться.

Наконец вполз в лодку.

Мы огляделись и обнаружили, что находимся сильно западнее «Гнезда». Валера работал веслами, но минут через десять я отмечил по скале на берегу, что мы не сдвинулись с места.

— Дай погребу! — сказал я. — Мы на месте стоим!

Поменялись местами.

— Слабак! Тебе надо на значок ГТО сдавать, — усмехнулся я и взялся за весла.

— Ты греби, греби, — помахал рукой Валера и зевнул. — А я подремлю, меня море усыпляет. Видно, много брома...

Я и в самом деле был уверен в себе: руки у меня были больше и мускулистее, чем у Валеры.

Через десять-пятнадцать минут усиленной работы я увидел, что мы опять же нисколько не продвинулись относительно скалы-ориентира на берегу.

— Валер, елки-моталки, че-то стоим!

Про морские течения я только в книжках читал... Морское течение — это река в море, только без берегов, на глаз его никак не обнаружить — всюду, куда ни глянь, штилевое море с мелкой, детской волной.

Мы и не знали, что попали в береговое течение, которое шло от Турции вдоль берегов Кавказа, вдоль Крыма, поворачивало в открытое море где-то у мыса Ай-Тодор и у берегов Анатолии замыкало гигантское колесо.

Уже мелькали мысли о нашей печальной части. Придется плыть по течению, срезая к берегу, высадиться западнее «Гнезда» и посуху с позором флотоводцев, потерявших корабль, явиться на лодочную станцию...

— Давай вместе попробуем!

Сели рядышком. Валера взял правое весло, я — левое. И рванули! С радостью я увидел, что скала на берегу стала нехотя отделяться. Мы гребли, не переставая, минут тридцать, не давая себе отдыха, и вдруг увидели, что «Гнездо» быстро приближается. Лодка вырвалась из объятий морского течения!

Мы были горды собой, получая на станции паспорта, горды свежими красными мозолями на ладонях.

А теперь вверх в «Гнездо»! Праздновать!

Поднялись по склону и подошли к сказочному замку, однако нас ожидало разочарование. Над входом в сказку висела табличка: «Обслуживаются только иностранцы!»

Впрочем, мы даже не слишком расстроились, ведь мы уже тогда отделили себя от государства, изо всех сил навязывающего очень несимпатичные представления о красоте, доброе и правде.

Благо, между стенами «Гнезда» и перилами с балюсинами стояли легкие столики, где советским гражданам дозволялось пить красное каберне. Мы взяли по стакану, и я почувствовал, что в такой момент надо что-то сказать:

— Так выпьем же за то, чтобы наша дружба была так же высока, как эта скала! — сказал я, тут же почувствовав глупую пафосность этих слов, но других в тот миг не нашел.

Мы не завидовали тем, кто сидел в ресторане «Гнезда». Нас обдувал солоноватый свежий ветер, нас радовало красное вино с кислинкой, перед нами были распахнуты горы и море, истинные красоты, добро и правда, даруемые любому.

Прошли годы, десятилетия, наши пути разошлись. Не удалось удержать дружбу, и в этом повинен я. Снова и снова со стыдом вспоминаю свой глупый восточный пафос. Когда молод, кажется, все возможно изменить, исправить, заново перекроить. Но приходит миг — и упираешься в глухую стену. И хоть кричи, хоть кулаки разбей... Лишь тогда понимаешь это страшное слово — никогда. Тогда и жить не хочется, и гордости нет, живешь со снятой кожей, без ощущения себя, с внутренней пустотой, реальна одна боль от каждого движения, от каждого слова, спасителен только сон... Но надо терпеть — медленно-медленно нарастает новая кожа, медленно наполняется пустота, и ты становишься другим по молекулярному составу, по ощущениям, по убеждениям, по любимым книгам... И не одну такую жизнь порой надо прожить, чтобы постигнуть главное: все — Тайна, и в удивлении этим миром — Счастье.

Я НЕ ОБИЖУ ТЕБЯ, ВУЛКАН

Утром покидаем Налычевскую долину, покидаем страну вулканов, горячих озер, сине-зеленых водорослей — предков всего живого на Земле. Сегодня предстоит перейти Пиначевский перевал. Идем цепочкой, друг за другом, за нами увязывается симпатичный щенок по кличке Вулкан. Посчитав, что скоро отстанет и вернется в долину, мы не гоним его. К тому же он такой забавный, скрашивает монотонность марша: удлиненная черно-желтая мордочка с таким черным блестящим носом, будто с ним хорошо поработал ваксой сапожник, уши и хвост торчком, короткая черная шерсть на спине, желтые гетры лап и удивительно добрые, веселые карие глаза с какой-то поволокой, какая бывает у людей сразу после пробуждения. Но, кажется, он не торопится возвращаться: любопытство влечет его за нами все дальше и дальше.

В начале пути топаем сквозь бесконечные заросли шеломайника, потом начинается лес камчатских каменных берез... комариная бомбардировка... постоянный, почти незаметный пологий подъем, ощущаемый больше учащенным дыханием и толчками сердца, чем ногами. Пасмурно. Перевал скрыт серым туманом, даже зелень имеет сероватый оттенок. Дождь то начинается, то перестает. Чем выше, тем холоднее, и дождь льет сильнее. Пожалуй, мы уже слишком далеко ушли от долины и гнать нашего несмышленыша назад рискованно — заблудится. Придется ему стать туристом.

В зоне снежников и альпийских лугов дождь резко усиливается, становится холодно, поднимается ветер. Через тропу проскакивает ушастый заяц под удивленно-восторженный лай Вулканчика.

Подъем становится крутым, а мы лезем и лезем, без привалов, без остановок, в лоб, порой кажется, не выдержат постоянно натянутые, как струны, ахилловы сухожилия. И вот, когда онемевшие ноги уже не могут сгибаться, перед нами открывается травянистая плоскость — перевал! Но тут ударяет в лицо предзимне-холодный шквальный ветер, срывает защищающую от дождя клеенку, бейсболку... еле успеваешь ухватить. Видимость ухудшается: горы и сопки в потоках быстрого тумана становятся смазанно-призрачными, лишенными оснований... Спешим мимо тела — сложенной из камней пирамидки, обозначающей рубеж перевала. Ветер пронизывает, стремительно лишая тело тепла, — чтобы не окоченеть, надо поскорее одеться в теплое. Чуть спустившись, снимаем рюкзаки, натягиваем свитера. Это совсем не просто — ветер рвет вещи из рук, клеенку от дождя и кепку приходится придерживать, наступив на них ногой, в результате чего на козырьке бейсболки отпечатывается ребристый след подошвы сапога. Но тут уж не до красоты.

Торопимся вниз, растягиваясь, разбиваясь на группы, что начинает больше походить не на организованное отступление, а на бегство. Впереди — четыре фигуры, взявшись за руки, — семейство морского офицера из Мурманска: он, его жена и две дочери старшего школьного возраста. Они ходили по этому же маршруту в прошлом году. Накануне я спросил жену моряка, зачем идти по одному и тому же пути (тем более что девочки особого интереса ни к чему не проявляли — ни на водопад, ни на озеро, ни на вершину не поднимались), и она призналась, что в прошлом году дочки маршрут не осилили, и папа настоял идти снова в целях «воспитания воли».

Склон кремнистый, голый, и навстречу мчится ледяной ветер с дождем, но, укутавшись в клеенку, в свитере не так холодно.

Вулканчик, возникший рядом, растерянно скулит и лает. Ветер несет снизу арбузный запах снега. Спускаемся по снежнику, лежащему неподвижной белой извилистой рекой в ущелье меж голых кремнистых отрогов. Местами снег словно подкопчен какой-то черной, возможно вулканической, пылью, местами по нему тянутся розовые полосы, словно следы стекающего арбузного сока. Посреди снежника, куда ноги так и несут сами собой, будто извилистая серая тропинка — такая предательски заманчивая! — подтаявшая часть льда над подснежной рекой. Инструктор предупреждает держать друг от друга дистанцию — звук потока то и дело становится слышен прямо под ногами. Испытываешь ощущение сладковатой жути, когда представляешь мчащиеся внизу ледяные быстрые струи, несовместимые с твоей теплой плотью. Стараешься ступать осторожно, бережно и чувствуешь невольное облегчение, шагнув наконец на твердую землю — тропу вдоль края снежника. Однако там, где склоны слишком круты, приходится вновь и вновь переходить по снежнику. Река уже вырвалась из-подо льда, кое-где приходится перескакивать с камня на камень через поток до ближайшего уступа берега.

Щенок скулит, перепуганный ревом воды, но прыгает вместе с нами — не оставаться же одному! В особенно широком месте слегка недопрыгнул: подмытый снежный козырек с хрупом обломился и задняя часть туловища оказалась в воде, лишь передние лапы кое-как удержали, и плачущий вопль пронзил гул реки и непогоды. В следующий миг человеческая рука успела-таки выдернуть его за шкирку на берег.

Из-за очередного поворота ущелья внезапно прямо на нас вылетает пурей птица — желтая, распластавшая белые крылья. «Куропатка!» — кричу, однако никто не обращает внимания: все заняты переправой и смотрят только под ноги.

Ветер несколько стихает. Все реже попадаются поляны снежников, тропа среди сырых трав, доходящих до пояса, скользкая, раскисшая от грязи — штаны и ботинки скоро промокают насквозь. Сышен далекий лай собаки — на другой стороне ущелья, у края начинающегося леса, вьется и пляшет дымок. Дошли!

Какой сюрприз! — к нашему приходу здесь уже полыхает вовсю костер. Тут коротает время один из инструкторов без группы. Сушусь не раздеваясь — оказывается, на теле вещи сохнут быстрее, чем развешанные у костра. Отогревшись, чувствуешь удовлетворение, что перевал позади. И тут замечаешь: в жизни что-то явно изменилось к лучшему, и лишь в следующий момент осознаешь — исчезли комары! Во всяком случае, здесь, ближе к океану, их гораздо меньше.

Лай, который мы слышали, принадлежал черно-белой поджарой лайке Стрелке. Наш Вулкан доверчиво направился к ней знакомиться, но скоро раздался визг, и, получив трепку, он примчался к нам, улегся у костра, все так же удивленно, как на все прочее, глядя на огонь. «Стрелка с тех пор злая, как ее люди обидели, — рассказывает здешний инструктор. — Когда щенком была, один турист взял ее на руки, приласкал и выкрутил ухо ни с того ни с сего...»

Думали-рядили, что нам дальше с Вулканом делать. Один назад он уже не доберется. «Вот бы взять в Москву!..» — едва ли не каждый возжелал забрать его с собой. Но, слава богу, разговоры так и остаются всего лишь разговорами: готовых на такое дело не находится — у кого уже есть собака, у кого квартира тесная, кто просто ответственности испугался. А он смотрит на огонь своими беззлобно-детскими глазами, и невдомек ему, что мы решаем его судьбу: он уже верит нам. Как много в собаке рыцарской готовности поверить — поверить любому проходящему рода человеческого!

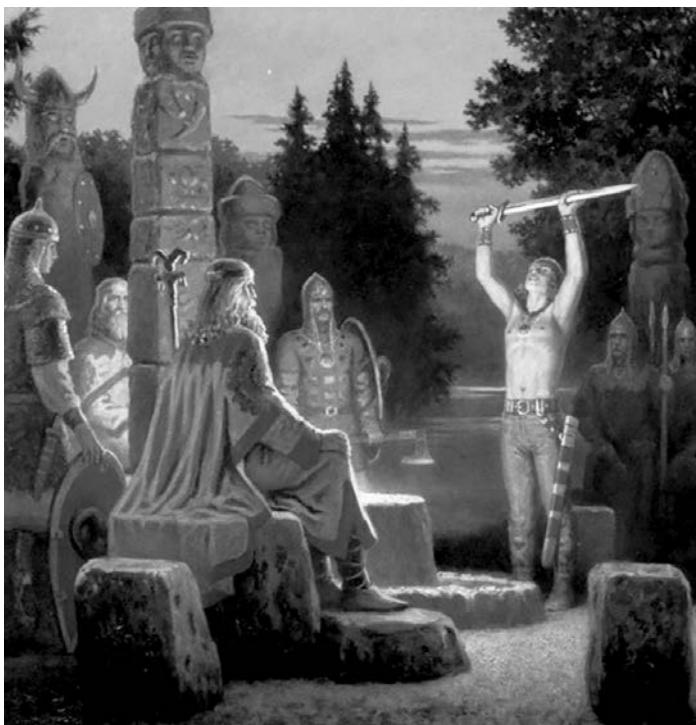
На следующий день мы вернулись к исходной точке нашего похода, уже доступной для автотранспорта, — на турбазу Паратунка. Здесь у нас в палатках были уже не деревянные нары, а железные кровати, с матрацами, чистыми, хоть и старенькими, простынями, пододеяльниками и подушками в наволочках. Да еще дощатый пол. В общем, комфорт полнейший. Кроватей по четыре в каждой палатке. Но из всех палаток Вулканчик выбрал нашу, а из четырех кроватей — мою. Деловито, чуть поскребывая когтями, забрался под нее, когда я улегся отдохнуть. Думаю, это было знаком особого расположения, и я даже озадачился — а не взять ли мне его с собой в Москву: в салоне самолета на пути сюда было несколько здоровенных псов, которых хозяева взяли в путешествие. Но я подошел к вопросу слишком прагматично, с эгоизмом горожанина, увидев в этом лишь ограничение собственной свободы. Это же надо ежедневно его выгуливать утром и вечером, купать его, убирать от шерсти квартиру. И с кем оставлять, если захочется куда-нибудь поехать?

Но как я сейчас понимаю, все это были отговорки эгоцентрика. И до сих пор я вспоминаю время от времени эту мордочку с черным, как вакса, носом в мелких капельках, наивный карий взгляд проснувшегося ребенка, вспоминаю с сожалением, что мне был дарован шанс бескорыстной дружбы, когда перечисленные неудобства становятся лишь благом, придающим дополнительный смысл жизни, а я его упустил.

Аслан ГАЛАЗОВ

К вопросу этимологии
этнонима «русы»:
очерки славяно-иранских
культурно-исторических
связей

Введение

*И*сторию русско-осетинских отношений традиционно ведут с 1774 года, с момента добровольного вхождения Осетии в состав Российской империи. Между тем связи русского и осетинского языков уходят в глубь тысячелетий. В XIX веке осетинский язык стал настоящей находкой для активно развивающегося в Европе и в России сравнительно-исторического языкознания — в особенности в связи с изучением индоевропейской семьи языков. Осетинский язык был исследован и идентифицирован авторитетными российскими и западными учеными того времени как индоевропейский язык. Индоевропейский язык в горах Кавказа, окруженный исключительно кавказскими языками, стал сенсацией в историко-филологической науке, дав начало целому ряду фундаментальных исследований в области изучения осетинского языка и его связей с другими индоевропейскими языками. Первооткрывателями осетинского языка для мировой лингвистики стали Ю. Клапрот, А. Шёгрен, Вс. Миллер и другие ученые.

Интерес к осетинскому языку со стороны лингвистики, сохраняющийся до наших дней, объясняется, по-видимому, его архаичностью: это единственный сохранившийся потомок скифо-сарматских наречий, относящихся к северо-восточной группе иранских языков. Это язык северных, или европейских, иранцев, с глубокой древности утративший контакты с другими иранскими языками и развивавшийся в контактах с европейскими, кавказскими, финно-угорскими и тюркскими языками. С одной стороны, осетинский обнаруживает родство с древними индоиранскими языками: авестийским, санскритом, древнеперсидским; с другой — дает значительный объем сходств с европейскими

языками: славянскими, балтскими, германскими. Наконец, осетинский тесно связан с неродственными ему кавказскими языками, что объясняется не только заимствованиями, но и кавказским субстратом в осетинском языке. Языковые сходства обнаруживаются также между осетинским, финно-угорскими и тюркскими языками.

На территории России осетинский язык — это единственный, помимо русского, индоевропейский язык со своей территорией, на которой он непрерывно фиксируется письменными источниками с I века н. э. («суровые и вечно воинственные аланы» Марка Аннея Лукана), но очевидно, что язык северных иранцев появился в Юго-Восточной Европе гораздо раньше: по крайней мере, со временем скифов и сарматов, давших названия главным водным артериям Восточной Европы, таким как Дон, Днепр, Днестр, Дунай, что говорит о высоком престижном потенциале иранских языков, более тысячелетия сохранявшихся на этой огромной территории.

Внутри индоевропейской семьи языков именно иранские языки, и в особенности осетинский, считаются большинством лингвистов наиболее близкими славянским и в большей степени восточнославянским языкам: русскому, украинскому, белорусскому. Выдающийся иранист В. И. Абаев писал: «Исторические данные позволяют утверждать, что из языков европейского круга скифский больше всего соприкасался со славянскими языками. Их контакты начались, вероятно, со временем обособления славянской группы, т. е. со второй половины II тысячелетия до н. э., и продолжались до гуннского нашествия, т. е. до IV века н. э., стало быть, около пятнадцати веков. Такое длительное общение способствовало появлению не только лексических, но и грамматических изоглосс»¹.

Сходства в русском и осетинском языках подкрепляются сходствами в религиозной сфере, эпосе и фольклоре. Иранские названия рек стали одушевленными героями, богатырями русских народных былин, такими как Дон Всеславьевич, Дунай, Днепр, что говорит о славянском освоении иранской топонимики. По мнению лингвистов, славянские божества языческого пантеона также имеют в большинстве своем иранскую или индоиранскую этимологию. Эти факты указывают на длительность и глубину славяно-иранских контактов.

Г. А. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский выделяют три больших периода в контактах славян и иранцев. «Наряду с общим индоев-

¹ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы // Абаев. В. И. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ: Ир, 1995. С. 342.

ропейским наследием в языке и культуре славянских и индоиранских народов имеется целый ряд таких сходных черт, которые отражают взаимосвязи этих народов на протяжении различных эпох: период контактов предков славян и индоиранцев (“арийская эпоха”), период контактов с иранцами в целом и, наконец, время, когда осуществлялись связи славян уже с племенами скифо-сармато-аланского круга. Каждая эпоха нашла свое отражение в языковом материале: славяно-арийские языковые сходства, славяно-иранские соответствия и, наконец, параллели между славянскими и осетинским языком — наследником скифо-сарматских диалектов. В осетинском обнаружены характерные сходства с рядом индоевропейских языков Европы: балтийскими, германскими и некоторыми другими².

Таким образом, в славяно-иранских связях можно выделить как общие индоевропейские корни, так и комплекс сходствий в языке, материальной и духовной культуре, обусловленных длительными историческими контактами. А. А. Зализняк ставит вопрос о возможном «соседстве между славянскими и иранскими племенами, не прерывавшемся со времен и.-е. общности»³. Другими словами, в науке ведется дискуссия о длительности и непрерывности славяно-иранских связей. Их культурно-историческое значение и их древнейший характер сомнений не вызывают. И сегодня русско-осетинские лингвокультурные связи, уходящие корнями в тысячелетия общей истории и восходящие к индоевропейскому прайзыку, продолжают вызывать интерес ученых и остаются актуальным полем исследований различной научной направленности и проблематики.

Причиной появления новых исследований становятся научные открытия, накопление данных в различных научных дисциплинах. А прочным фундаментом для методологического освоения этих новых данных является богатейший научный массив — наследие выдающихся лингвистов, историков, археологов, антропологов, этнографов, фольклористов, культурологов, представителей других научных направлений, изучавших славяно-иранские связи в контексте более широкой индоевропейской, финно-угорской, тюркской или иной проблематики. Следует вспомнить в первую очередь классические труды А. Шёгрена, Вс. Миллера, Ю. Клапрота, В. И. Абаева, Ж. Дюмезиля, М. И. Ростовцева, Ю. А. Кулаковского,

² Бонгард-Левин Г. А., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М.: Мысль, 1983. С. 76.

³ Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. М., 1962. Вып. 6. С. 41.

А. Г. Вернадского, Б. А. Рыбакова, В. В. Седова, Д. Т. Березовца, М. Ю. Брайчевского, В. Б. Ковалевской, Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова, А. Г. Кузьмина, О. Н. Трубачева, С. А. Плетневой, И. И. Ляпушкина, А. А. Зализняка, В. А. Кузнецова и многих других.

Отправной точкой данного исследования стало филологическое любопытство: интерес к этимологии слова «русский», к происхождению этнонима «русы». Трудно было представить, что любопытство заведет так далеко: откроет века научных споров и тысячелетия общих исторических дорог далеких предков современных русских и осетин.

Методология нашего исследования носит междисциплинарный характер, поскольку основана на сопоставлении данных различных наук на стыке лингвистики, истории, археологии, фольклора. Нас интересует комплекс данных и их корреляция. Поскольку мы исследуем этимологию этнонима «русы», задача состоит в том, чтобы сопоставить данные лингвистики с данными археологии, письменных источников, со сходениями или их отсутствием в материальной и духовной культуре, погребальном обряде, религиозных представлениях, эпосе и фольклоре. Будут ли данные различных наук коррелировать, подкреплять друг друга? Именно комплекс коррелирующих сходений дает объемное знание и прочные основания для гипотез и теорий.

Язык остается важнейшим источником информации — даже с появлением генетических исследований, поскольку язык больше, чем генетика. Именно язык и культура делают человека представителем того или иного народа. Язык формирует этнокультурную идентичность, национальный характер, сам дух народа: его этику, психологию, его архетипы. Посредством языка народы существуют и мыслят во времени. Язык неотделим от своего носителя — этноса, его исторической судьбы, его духовной и материальной культуры. Поэтому язык чрезвычайно информативен, в том числе в понимании истории, которая неизбежно оставляет в нем свои следы.

Лингвистика была изначально наукой исторической, и ее открытия становились одновременно открытиями в области истории. Если также учесть, что историческая наука изначально складывалась как свод и интерпретация письменных источников, исторических хроник, эпиграфики, устных преданий, мифологии, топонимов и гидронимов, то очевидно, что история и филология неразрывно связаны. Вот почему филологический вопрос этимологии слова «русский» оказывается исторической проблемой, которую пытались разрешить еще авторы «Повести временных лет» (далее ПВЛ), задаваясь вопросом, «откуда есть пошла Русская земля».

1. Истоки Руси

Широко известно высказывание польского филолога А. Брюкнера, написавшего в 1935 году: «Тот, кто удачно объяснит название Руси, овладеет ключом к решению начал ее истории»⁴. В современной российской науке вопрос этиологии названия «русы» и, соответственно, вопрос, «откуда есть пошла Русская земля», считается вроде бы делом решенным, но вот только норманисты считают его решенным в пользу норманнской, или скандинавской, теории, связывающей русов и истоки Древней Руси с варягами-скандинавами, с чем категорически не согласны антинорманисты. Длится этот научный спор со временем великого русского ученого М. В. Ломоносова, который был страстным антинорманистом и активно возражал своим коллегам, российским академикам-немцам Г. З. Байеру, Г. Ф. Миллеру и другим ученым, выводившим русов от варягов-скандинавов, и, в свою очередь, связывал русов с роксоланами, а последних считал славянским или смешанным славяно-сарматским племенем: «И так понеже народ российский с народом роксоланским есть одного имени, одного места и одного языка, то неоспоримо есть, что российский народ имеет свое происхождение и имя от роксолан древних»⁵.

В этом академическом споре о происхождении Руси, давшем начало многовековой полемике норманистов и антинорманистов, отразилась ставшая в последующем характерной для всей русской культуры полемика славянофилов и западников. Другими словами, научная проблема истоков Руси с давних пор имела существенный политический аспект. Преобладание в современной российской науке гипотезы варяжских истоков Руси соотносится с прозападным политическим курсом России последних тридцати лет.

В советских учебниках история России начиналась со скифов — древних обитателей южнорусской степи, которую М. И. Ростовцев называл «естественным продолжением могучего иранского культурного мира»⁶. Именно Россия в ее исторических трансформациях (Киевская Русь, Московское царство, Российская империя, СССР, Российская Федерация) является геополитическим и культурным наследником скифо-сарматского мира, великой

⁴ Bruckner A. O nazwach miejscowości. Krakow, 1935. С. 41.

⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. VI. М.; Л., 1952. С. 29.

⁶ Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на Юге России. Владикавказ, 2012. С. 7.

Скифии. От скифов наследует Россия свое евразийство. Долгое время скифы считались предками славян, пока Вс. Миллер и вслед за ним другие ученые не доказали, что скифы были ираноязычным народом. Но это языковое различие никоим образом не отрицает культурно-историческую связь славян со скифами и сарматами.

Таким образом, начинать историю России со времени скифов представляется более корректным. Предки русских, праславяне и древние восточнославянские племена, были частью огромного скифо-сарматского мира, веками находились в активном культурном, экономическом и политическом взаимодействии со скифами, затем с сарматами, затем с аланами. Отбросить скифо-сарматский период означает существенно исказить историю восточных славян и ранней Руси. Г. В. Вернадский, считавший влияние северных иранцев на историю древних славян и ранней Руси бесспорным, указывал на длительность и преемственность иранского влияния. В частности, говоря об истории древних славян, ученый отводит контактам со скифами ключевую роль: «...Именно на скифах увязывается первоначальная история славян. Именно скифам удалось объединить под свою власть не только степь, но и часть лесной зоны»⁷. Исследуя период формирования ранней Руси, Вернадский также отмечает особую роль иранского компонента: «...Из всех народов, которые вторглись в Южную Русь в сармато-готский и гуннский периоды, аланы пустили наиболее глубокие корни на Руси и вошли в наиболее тесную связь с местным населением — в особенности со славянами, чем какое-либо иное кочевое племя»⁸.

Ряд ученых полагает, что историю славян нужно вести с момента их упоминания в письменных источниках. Но такой подход представляется достаточно спорным. Тот факт, что греческие, латинские, арабские, иные древние источники не упоминают о славянах до VI века, не означает, что славян не существовало в природе. Они ведь не могли появиться вдруг, из ниоткуда. Следовательно, задача историка и филолога попытаться хотя бы по косвенным данным представить себе жизнь древних славян и праславян до их упоминания в письменных источниках. Изучение скифо-сарматского мира и его связей с культурой праславян, древних славян представляется в этом смысле продуктивным.

⁷ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М., 2012. С. 45.

⁸ Вернадский Г. В. История России. Древняя Русь. М., 1996. С. 152.

Говоря о содержании многовековой полемики норманистов и антинорманистов, следует выделить две основные гипотезы происхождения этнонима «русы»: северную — скандинавскую и южную — скифо-сарматскую. Антинорманизм складывался изначально как балто-славянская теория, выводящая русов из славянских племен южной Балтии, но эта теория не сложилась в стройную концепцию. Скифо-сарматская гипотеза, начало которой во многом положил Ломоносов, связав русов с роксоланами, активно развивалась и все больше заявляла о себе по мере накопления данных лингвистики, письменных источников, археологии, этнографии, фольклора в области славяно-иранских связей. Изучением славяно-иранских связей занимались многие выдающиеся ученые, представляющие различные науки и дисциплины, но эти данные не были в достаточной степени обобщены, в связи с чем иранская гипотеза происхождения названия «русы» также не имеет цельной, системной концепции. В этом смысле из последних крупных исследований, развивающих иранскую гипотезу, стоит отметить монографию Е. С. Галкиной «Тайны Русского каганата»⁹, в которой автором предпринимается попытка предложить подобную систематизирующую и обобщающую концепцию, опираясь на большой массив данных археологии, письменных источников и лингвистики.

Сегодня скандинавская, или норманская, теория этимологии слова «русы» является преобладающей. Норманисты полагают, что «русы» производны от финского слова *ruotsi* (гребцы), которым финны называли шведов. Таким образом, при финском посредничестве слово «русы», по мнению норманистов, попало в славянские языки. Проблема заключается в том, что восточные славяне хорошо знали шведов как «свеев», чаще использовали в отношении них и других скандинавов слово «варяги», но никогда не называли их «русами».

Важная роль северного фронта в истории восточных славян очевидна и естественна уже в силу географических обстоятельств, предполагающих длительное соприкосновение и взаимодействие северной части восточнославянских племен с народами Балтии, Скандинавии, финно-угорскими и германскими племенами. Достаточно вспомнить миграции готов в III–IV веках в Поднепровье и Северное Причерноморье, в ходе которых они неизбежно вступали в контакты с древнеславянскими племенами. Археологическим подтверждением подобных контактов может служить

⁹ Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002.

Черняховская культура, объединяющая славянские, германские и сарматские черты.

Но также очевидна в силу тех же географических обстоятельств важнейшая роль южного фронта и его народов в ранней истории восточных славян. Как полагал выдающийся археолог В. В. Седов, «начальная история славян самым тесным образом переплетается с историей кельтов и германцев, скифо-сарматов и балтов»¹⁰. Таким образом, история восточных славян изначально была связана с чередованием двух импульсов, двух направлений этнокультурных влияний: северо-западным и юго-восточным, что опять же объясняется географией: развитием Древней Руси на стыке Европы и Азии, Запада и Востока, Севера и Юга, на перекрестке военных, торговых и культурных коммуникаций мировой истории.

При всей важности славяно-балтских и славяно-скандинавских культурно-исторических связей гипотеза норманистов о происхождении этнонима «русы» из фин. *ruotsi* представляется сомнительной. Г. В. Вернадский недоумевал по этому поводу: «Возможно ли в действительности, что скандинавы, пришедшие на Русь, взяли себе имя в той форме, которая была искажена финнами, встретившимися им на пути?»¹¹ Не принимал гипотезу норманистов и польский славист Хенрик Ловмяньский: «Поскольку нет каких-то следов того, что у восточных славян слово “русь” первоначально обозначало шведов, представление о нем как об ославленной форме *Ruotsi* не находит подтверждения, а, скорее, вступает в противоречие с историческими фактами»¹².

Нельзя воспринимать всерьез и другой тезис норманистов о том, что именно варяги принесли на Русь основы государственности. Это упрощение сложной картины политогенеза, где значение имеют как внешние импульсы, так и внутренние законы развития. Присутствие варягов в эпоху формирования древнерусской государственности не означает автоматически, что именно варяги были движущей силой этого процесса. Возможно, варяги были лишь частью военно-политического и культурного пейзажа той эпохи. С. А. Гедеонов обращал внимание на несоответствие «норманнского мифа» и ничтожного следа, который норманы оставили в культуре восточных славян. «...Норманнская система происхождения Руси далеко не удовлетворяет существенному требова-

¹⁰ Седов В. В. Славяне в древности. М.: Науч.-произв. благотв. об-во «Фонд археологии», 1994. С. 1.

¹¹ Вернадский Г. В. История России. Древняя Русь. М., 1996. С. 286.

¹² Ловмяньский Х. Русь и норманы. М.: Прогресс, 1985. С. 67.

нию русской науки, а именно, объяснению из скандинавского элемента начальных явлений исторического русского быта... Указывает ли она на непреложные, верные следы норманнского влияния на историю и внутренний быт словенорусских племен? Мы увидим противное; увидим не только явное отсутствие норманнского начала в основных явлениях древнерусского быта, но и совершенную невозможность согласовать их существование с предположением о скандинавизме призванных варягов. А в таком случае не вправе ли мы положить, что письменные свидетельства, на которых норманнская школа преимущественно (можно почти сказать, исключительно) основывает свою историческую теорию, или сами по себе неверны, или неверно поняты новейшими толкователями?»¹³

Действительно, то влияние, которое приписывают варягам, должно было оставить следы в языке и культуре восточных славян. Но следы варягов преимущественно археологические. Количество скандинавских заимствований в русском языке ничтожно. В то время как иранская гипотеза этимологии этнонима «русы» из сармато-аланского «рухс» в значении «светлые» (благородные, знатные) подтверждается однокоренными словами с тем же значением «светлости», такими как «русый» и «рыжий», а также соглашается с большим количеством иранизмов в русском языке, схождениями в религиозной сфере, эпосе и фольклоре.

Именно в значении знатности, благородства, царственности используется слово «светлый» в «Слове о полку Игореве»: «Один брат, один свет светлый — ты, Игорю!»¹⁴ «Свет» в данном случае — синоним солнца, верховной власти. В ПВЛ мы не раз встретим выражение «светлые князья». Существование древней традиции использования в русском языке слова «светлый» в значении «благородный», «знатный», «царственный» (Ваша Светлость, Светлейший, светское общество) косвенным образом подтверждает, что этноним «русы» имел ту же семантику «светлости», благородства, господства — другими словами, семантику власти.

Если, как это делают норманисты, выводить русов от скандинавских «гребцов», то получается, что русы — это клан, сословие или дружина. Но, по свидетельствам средневековых письменных источников, очевидно, что русы — это многочисленный, сильный и предприимчивый народ, а не дружина, не род и не сословие. Ватага Рюрика никак не подходит на роль народа, хотя ПВЛ и

¹³ Гедеонов С. А. Варяги и Русь. СПб.: Ленинградское изд-во, 2012. С. 5.

¹⁴ Слово о Полку Игореве. М.: Худ. лит., 1985. С. 29.

сообщает, что Рюрик и его люди происходят из народа русов. Народы раннесредневековой Скандинавии хорошо известны, и русов среди них никогда не было.

Возникает и другой вопрос: если варягов призвали во второй половине IX века (862), то каким образом приписываемое им имя «русы» успело столь стремительно распространиться на обширную территорию от Ладоги до Киева, набрать престижный потенциал и за короткий срок объединить под этим именем многочисленные восточнославянские племена? Подобные процессы занимают гораздо больше времени. Или же они требуют массовых миграций, таких, например, как скифская, сарматская, готская, гуннская, о чём явно не идет речь в случае с легендарным «призванием варягов».

В этом смысле южная, сарматская, гипотеза происхождения этнонима «русы» представляется более вероятной с точки зрения исторического отрезка, необходимого для объединения различных племен под общим именем. Если русы были продуктом славяно-иранского этнокультурного симбиоза, то время их политического вызревания и подъема престижного потенциала имени «русь» определяется историческим отрезком в несколько веков (VI–VIII вв.).

Аргументом в пользу того, что этноним «русы» был первоначально связан с иранцами, может служить название древнего памирского народа рушанцев, чей язык относится к восточной ветви иранских языков. Самоназвание рушанцев, «роухни», означает «сияющие, светлые» и совпадает по значению с осетинским словом «рухс» и русским «русый». В Таджикистане рушанцы проживают в горном Бадахшане и разительно отличаются своим индоевропейским обликом (светлые кожа и волосы, голубые глаза) от других жителей страны.

2. Призвание варягов

«В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а поряд-

ка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами". И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля»¹⁵.

Как известно, норманнская теория основывается в первую очередь на этом фрагменте ПВЛ, рассказывающем о призвании варягов-русов, но многие ученые вслед за Шахматовым¹⁶ считают данный фрагмент позднейшей вставкой летописцев. Шахматов полагал, что изначально сказание о призвании Рюрика было легендой северных славянских племен, которая впоследствии стараниями летописцев была спроектирована на историю всей Древней Руси. Другой исследователь норманнской проблемы Д. И. Иловайский, также считавший сведения о Рюрике легендой, задавался логическим вопросом: «...есть ли малейшая вероятность, чтобы народ, да и не один народ, а несколько, и даже не одного племени, сговорились разом и призвали для господства над собою целый другой народ, то есть добровольно наложили бы на себя чуждое иго?»¹⁷

Д. С. Лихачев был убежден, что рассказ о призвании варягов является отражением средневековой традиции искать корни правящих династий в древних иноземных правителях, что должно было повышать авторитет династии среди местных подданных. По мнению Лихачева, история призвания варягов «искусственного, "ученого" происхождения» и была создана «в узкой среде киевских летописцев и их друзей на основании знакомства с северными преданиями и новгородскими порядками»¹⁸. К тому же были выявлены значительные смысловые сходства летописного «призыва варягов» с эпизодом из сочинения «Деяния Саксов» Видукинда Корвейского, в котором бритты обращаются к трем братьям-саксам Лоту, Уриану и Ангуселю с предложением о передаче им власти над собой. Эти сходства указывают на то, что подобные «истории призыва» в различных культурах относятся скорее к литературе, чем к истории, к так называемым бродячим сюжетам, которые часто заимствуются и следуют определенному жанровому канону.

¹⁵ Повесть временных лет. М.; Л.: Академия наук, 1950. С. 9.

¹⁶ Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. М.: URSS. Либроком, 2011.

¹⁷ Иловайский Д. И. Начало Руси. М.: Вече, 2015. С. 8.

¹⁸ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 93, 158.

Вместе с тем эпизод «призываия варягов» пусть не буквально, а в легендарной форме, но отражает историческую реальность: активное участие варягов в военно-политической и торговой жизни Древней Руси IX–X веков. Как правило, варяги находятся на службе у русов в качестве наемных дружин, воевод, послов, купцов. А. А. Зализняк считал призвание варягов-скандинавов установленным фактом, исходя из анализа собственных имен в договоре Олега с Византией. Наличие скандинавских имен в договоре с греками, безусловно, говорит о влиянии варягов в период IX–X веков, но в то же время не является доказательством того, что варяги изначально назывались русами, а не приняли это имя уже в Киеве.

Хенрик Ловмиянский, сравнив различные русские летописные своды, пришел к выводу, что варяги восприняли название «русь» от восточных славян: «Исходя из сравнения текстов, мы считаем, вслед за Шахматовым, что известие о скандинавском племени русь ввела только «Повесть временных лет»; его не было в предшествующих сводах (в так называемом киевском своде Никона около 1072 г. и в начальном — 1093 г.). Отсюда вытекает, что слова новгородской летописи «прозвавшаяся Русь, и от тех словет Русская земля» являются позднейшей интерполяцией, внесенной в текст только новгородским летописцем, который использовал свод 1093 года, но, как доказал Шахматов, изменял многие места по своду 1167 года. Новгородская летопись, записанная Никоном, ничего не сообщала о скандинавском происхождении этого названия; по киевской же традиции, записанной при Ярославе Мудром, варяги войска Олега приняли это название только в Киеве. ...Поэтому следует признать киевские известия достоверными, а скандинавское происхождение названия русь — собственной концепцией автора «Повести временных лет», где она появляется впервые»¹⁹.

Известно высказывание А. А. Шахматова о том, что «рукой летописца водили не отвлеченные представления об истине, а мирские страсти и политические интересы»²⁰. Вероятно, варяжский вектор генеалогических устремлений летописца был обусловлен содержанием исторической эпохи от Ярослава Мудрого до его внука Владимира Мономаха, когда активно развивались русско-скандинавские и русско-европейские династические, военно-политические, культурные и торговые связи. То есть мотив «призываия варягов» имеет очевидный политический аспект,

¹⁹ Ловмиянский Х. Русь и норманны. М.: Прогресс, 1985. С. 73.

²⁰ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. С. 16.

определяемый историческим контекстом времен написания летописи.

Примечательно, что в ПВЛ славяне призывают варягов Рюрика после того, как изгоняют со своих земель каких-то иных варягов. То есть легендарный Рюрик и его братья были не первыми и не последними варягами, которых приглашали северные славяне. В любом случае нет никаких оснований преувеличивать роль дружины Рюрика, которая могла насчитывать не более тысячи воинов, так что влияние варягов на славян не могло быть глубоким. Уже дети, а тем более внуки легендарной дружины Рюрика, очевидно, были полностью славянанизированы.

Из хроники событий, изложенной в ПВЛ, следует, что ничего выдающегося Рюрик не совершил, дальше Ладоги не продвинулся и в какой-то момент скончался. Поход на Киев спустя двадцать лет со времени призыва Рюрика смог осуществить только Олег, действовавший от имени малолетнего сына Рюрика, Игоря. Описание этого похода в ПВЛ вызывает много вопросов. Летопись рассказывает о том, как Олег пришел в Киев с малолетним Игорем, по пути покорив Смоленск и другие славянские города, обманом выманил к себе владетелей Киева Аскольда и Дира — и убил их.

ПВЛ перечисляет состав войска Олега в начале похода. «Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей». Русы не упоминаются в этом фрагменте среди войска Олега. После захвата Киева состав войска Олега меняется: «И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозвавшиеся русью». Выглядит так, как будто войско Олега в Киеве приросло «русами». Кто были эти «прочие, прозвавшиеся русью», которых летопись отличает и от варягов, и от славян и о которых ничего не сообщается в начале похода? Спустя 136 лет после похода Олега, описывая события 1018 года, ПВЛ перечисляет состав войска Ярослава: «Русь, и варяги, и словене». То есть летопись и в данном фрагменте, через сто с лишним лет после похода Олега, отличает «русью» и от варягов, и от «словенов» (новгородцев).

Поход Олега на Киев выглядит как нападение северных славянских и финно-угорских племен на Русь в ее узком значении — на территорию полян и соседних с ними славянских племен. Летопись отражает тот факт, что поход Олега и захват столицы русов Киева был совершен с помощью дружины варягов — в этом можно не сомневаться, но был ли сам Олег варягом, являлись ли варяги предводителями этого похода или были просто наемной

дружиной при Олеге, неясно. Олег устанавливает размер дани различным славянским племенам, которую должны платить ему, и отдельно устанавливает размер дани, которую Новгород должен платить варягам. Значит ли это, что сам Олег не был варягом? Д. И. Иловайский, анализируя договоры Олега и Игоря с греками, пришел к выводу, что нет никаких оснований считать Олега варягом. «Если Олег был норманн, пришедший в Россию с Рюриком, и дружины его состояла из норманнов, то как же, по свидетельству договора, они клянутся славянскими божествами Перуном и Волосом, а не скандинавскими Одином и Тором? Та же клятва повторяется в договорах Игоря и Святослава. Мы видели, что русь по всем несомненным признакам была сильный многочисленный народ и народ господствующий. Если бы это был народ, пришедший из Скандинавии, то как мог он так быстро изменить своей религии и кто его мог к тому принудить?»²¹

Олег обосновал убийство Аскольда и Дира тем, что они были не княжеского рода и княжили не по праву. Такое обоснование выглядит сомнительным, учитывая, что с Аскольдом связывают поход русов на Царьград, который, по византийским источникам, состоялся в 860 году. Атака русов, хотя и была отбита, произвела неизгладимое впечатление на греков, что нашло отражение в византийских письменных источниках. После нападения русов был заключен мирный договор, и византийский патриарх Фотий направил к русам епископа. Таким образом, с Аскольдом предположительно связана первая попытка крещения русов. Мы имеем дело с развитием полноценных международных отношений: война, мирный договор, включающий в себя торговые соглашения, развитие культурных связей (крещение). Возникает вопрос: стала бы Византия иметь дело с нелегитимным правителем русов, зная, что в Ладоге сидит подлинный правитель, Рюрик? Стал бы Рюрик сидеть безвылазно в Ладоге, в то время как в Киеве так активны и успешны, как утверждает ПВЛ, «его бояре», Аскольд и Дир?

Очевидно, что русы, нападавшие на Константинополь в 860 году крупными силами до шести-восьми тысяч воинов, никакого отношения к дружине Рюрика, прибывшей в Ладогу в 862 году, и вообще к варягам не имели. И, вероятнее всего, Аскольд также не имел никакого отношения к Рюрику и к варягам, а был самостоятельным и успешным военно-политическим правителем южной Руси, носившим титул кагана. Это подтверждается сообщениями арабских источников о том, что правитель русов зовется «хака-

²¹ Иловайский Д. И. История России. Древняя Русь. М., 1996. С. 5.

ном», а также сообщением Бертиńskих анналов о «народе Рес и об их короле, прозванием каган»²². Существование в ранней истории Руси титула «каган», который сохранится вплоть до князя Владимира, указывает в направлении, противоположном скандинавам и их конунгам. Речь идет о восточной традиции.

Набег русов на Византию 860 года, вероятно, был повторением предыдущих набегов, не попавших в византийские хроники. Согласно сведениям ПВЛ, на Царьград ходил еще легендарный Кий, основатель Киева и династии полянских князей. «Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А этот Кий княжил в роде своем, и когда ходил он к царю, то, говорят, великих почестьей удостоился от царя, к которому приходил»²³. Таким образом, военные набеги на Византию были традиционным занятием для полянской руси задолго до появления варягов.

В этом смысле захват Олегом власти в Киеве видится как пресечение династии киевских, полянских князей, а правильнее сказать, каганов. На киевском престоле Олег наследует убитым им Аскольду и Диру, а не Рюрику. Рюрик был князем варяжской дружины и, возможно, части северных славянских племен, но он никогда не был правителем Руси и русов, как тот же Аскольд. В этой связи представляется необоснованным начинать историю Руси с Рюрика. Аскольд и Дир в хронологии Руси стоят прежде Рюрика и Олега. По мнению М. Ю. Брайчевского, «легенда об узурпации власти Аскольдом и Диром, о хитростях Олега под Киевом, противопоставление Игоря Аскольду как “законного” князя должны были оправдать захват русской столицы ладожскими правителями, превратить подлинного узурпатора Олега в орудие справедливости и законности и тем самым обосновать права дома Рюриковичей на киевский велиокняжеский престол»²⁴.

Нельзя исключать иранское происхождение имен Аскольда и Дира, принимая во внимание тесные контакты полян с аланами Хазарского каганата, тем более что оба имени имеют иранские фонетические черты. Имя «Аскольд» в своей первой части сближается с этнонимом «ас» — самоназванием алан Дона и Приазовья. Вторая часть имени коррелирует с осетинским словом «къорд» (толпа, группировка). Возможно, будучи главой полиэтнического каганата русов, Аскольд был в то же время представителем

²² Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 288–289.

²³ Там же. С. 7.

²⁴ Брайчевский М. Ю. Утверждение христианства на Руси. Киев: Наукова думка, 1989. С. 67.

(военным предводителем, вождем) группировки асов (алан) в раннем Киеве?

Вопрос о связи ранних русов с алантами поднимали многие ученые: Д. Т. Березовец, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, В. И. Абаев, А. Г. Кузьмин, М. Ю. Брайчевский, Е. С. Галкина и другие. Иранские следы в ранней истории Руси привели М. Ю. Брайчевского к выводу, что славянской Руси предшествовала Русь сарматская: «Именно эта сарматская Русь была в древности хозяином порожистой части Днепра; проникновение сюда славянских переселенцев (на первой стадии довольно слабое) фиксируется археологическими материалами только от рубежа нашей эры (эпоха зарубинецкой культуры)»²⁵.

В арабских письменных источниках русы помещаются между славянами на северо-западе и алантами на юго-востоке. Русы противопоставляются славянам. Русы нападают на славян, грабят их, берут пленников и продают их хазарам и булгарам. «Постоянно по сотне и по двести [человек] они ходят на славян, насилием берут у них припасы, чтобы там существовать; много людей из славян отправляются туда и служат русам, чтобы посредством службы обезопасить себя»²⁶, — сообщает Гардизи. Другой известный арабский источник, Ибн Русте, рисует похожую картину. «Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян»²⁷. Тот факт, что русы продавали пленных славян хазарам и булгарам, указывает не на варягов, а скорее на салтовских алан, непосредственно контактировавших, с одной стороны, с восточными славянами на северо-западе Хазарского каганата, в Среднем Подонье и Поднепровье, а с другой — с хазарами и булгарами на юго-востоке, в Приазовье и на нижнем Дону.

С салтовскими алантами связывал этоним «русы» известный археолог, один из исследователей салтово-маяцкой археологической культуры и автор работы «Об имени носителей салтовской культуры» Д. Т. Березовец. В ходе анализа салтовской культуры и сопоставления данных археологии и письменных источников Березовец пришел к заключению, что «носители салтовской культу-

²⁵ Брайчевский М. Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Варяго-Русский вопрос в историографии. М.: Русская панорама, 2010. С. 196.

²⁶ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М.: Наука, 1967. С. 81.

²⁷ Там же. С. 82.

ры и есть русы восточных авторов»²⁸, и предположил, что место их обитания находилось в междуречье Дона и Северского Донца и в Приазовье.

3. Салтовские русы

Д. Т. Березовец полагал, что этноним «русы» был первоначально самоназванием одного из аланских племен. «По нашему мнению, — пишет он, — название русы, как и названия скифы, сарматы, венеды и т. д., является собирательным. Это название первоначально было свойственно лишь какой-то группе аланского населения, которое жило где-то в западной части Северного Кавказа, возможно вблизи Таманского полуострова. Под давлением арабских завоеваний начала VIII века это население отошло в район бассейна Дона и принесло с собой свое имя, которое стало присуще значительной части населения салтовской культуры»²⁹.

Хотя отождествление русов и салтовского населения остается лишь гипотезой, выводы Березовца заслуживают серьезного внимания. Археологические данные и, в частности, погребальный обряд салтово-маяцкой культуры указывают на ее полиэтнический состав: ученые выделяют аланское, древнее адыгское и древне-болгарское население. При этом одни ученые связывают салтовскую культуру с культурой Хазарского каганата, другие — с аланиями Северного Кавказа, Дона и Приазовья. Противоречия здесь, если разобраться, нет: салтово-маяцкая культура была северо-западным краем Хазарского каганата, прилегающим к землям юго-восточных славян, но в этническом отношении население было не хазарским.

В салтово-маяцкой культуре выделяют лесостепной и степной варианты. Степной вариант связывают с древними болгарами, лесостепной — с аланиями. Одним из маркеров связи лесостепного варианта салтовской культуры с аланиями являются катакомбные захоронения, аналогичные аланским археологическим памятникам на Северном Кавказе. Видный исследователь истории алан В. А. Кузнецов отмечал по этому поводу: «Как погребальный обряд, так и материальная культура Верхне-Салтовских катакомб имели ближайшие аналогии в уже известных в то время аланских

²⁸ Березовец Д. Т. Об имени носителей салтовской культуры // Исторический формат. 2018. № 3–4. С. 204.

²⁹ Там же. С. 206.

катаомбных могильниках Северного Кавказа, в связи с чем Спицын и Готье связали Верхнее Салтovo с аланами»³⁰.

Таким образом, хотя лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры и относится к культуре Хазарского каганата, но на деле оказывается культурой салтовских алан. Это важно отметить, поскольку в эпоху Хазарского каганата аланы наряду с древними адыгами и болгарами нередко покрываются именем хазар. Другими словами, если в политическом плане славяне имели дело с хазарами, то фактически они гораздо больше контактировали со своими соседями — салтовскими аланами, явившимися важной частью военной мощи Хазарского каганата. Действительно, следов хазарского влияния на славян практически не существует, в то время как иранское влияние проявляется системно и в языке, и в религиозной сфере.

Салтovo-маяцкая культура пришла на смену пеньковской, которую ученые связывают со славянским племенем антов. Анты, по мнению ряда ученых (В. В. Седов, Г. В. Вернадский), были продуктом славяно-иранского симбиоза. «В области территориального смешения славянского населения со скифо-сарматским (лесостепные земли между Днестром и Днепром, наиболее пригодные для земледелия) складывается славяно-иранский симбиоз. В результате процесса постепенной славянизации аборигенов формируется новообразование, известное в исторических источниках как анты — это иранский этноним, унаследованный славянским образованием, пережившим симбиоз со скифо-сарматами»³¹. Мы можем предположить, опираясь на выводы лингвистов и археологов, что схожие процессы симбиоза юго-восточной части славян с салтовскими аланами происходили и во времена Хазарского каганата.

По мнению Д. Т. Березовца и ряда других ученых (С. А. Плетнева, И. И. Ляпушкин, Ю. В. Готье), салтовское население сложилось в результате миграции в междуречье Дона и Северского Донца части северокавказских алан. Причиной миграции могла стать серия арабских военных походов против Хазарского каганата первой половины VIII века, и именно аланы, жившие вблизи Дарьяльского перевала, страдали в первую очередь от арабских нашествий из Закавказья. Переселившиеся аланы наряду с адыгами и болгарами, вероятно, несли военную службу на северных границах Хазарского каганата, собирали дань, участвовали в

³⁰ Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. С. 110.

³¹ Седов В. В. Этногенез ранних славян // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 7. С. 597.

хазарских войнах и, несомненно, должны были иметь контакты с южной частью восточнославянских племен.

Вместе с тем салтовские археологические памятники указывают на культуру, которая складывалась длительное время. Поэтому нельзя исключать и гипотезу Н. Я. Мерперта, считавшего, что салтово-маяцкая культура стала результатом развития местной сармато-аланской культуры³². Именно аланы-танаиты, или донские аланы, потомки сарматского племени аорсов, во второй половине IV века первыми в Европе испытали на себе сокрушительные удары гуннов. Часть алан ушла с гуннами и готами на Запад, но, вероятнее всего, уходили отряды воинов. То есть аланская нация на Северном Кавказе, в Предкавказье, Приазовье и на Дону сохранилось, подтверждением чего являются языки русских летописей, обитавшие на нижнем Дону до XIII века, когда, спасаясь от монгольского нашествия, их остатки вместе с половцами уходят в Венгрию. Возможно, часть алан-танаитов в конце IV века под напором гуннов мигрировала на север и стала осваивать лесостепную зону междуречья Дона и Северского Донца, то есть область салтовской культуры. Во всяком случае, Березовец на основании археологических памятников отмечает многочисленность салтовского населения. Маловероятно, что переселившиеся с Северного Кавказа аланы и адыги могли бы составить многочисленное население. Впрочем, одна гипотеза не исключает другую: переселившиеся аланы и адыги могли вливаться в уже существующую сармато-аланскую среду.

Письменные источники говорят о воинственности русов. Археологические данные указывают на воинственность салтовского населения. Как отмечает Березовец, «могильники салтовской культуры хранят в своих недрах многочисленные захоронения вооруженных людей, что свидетельствует о наличии значительной воинской прослойки среди населения»³³. По описанию русов средневековым арабским источником Ибн Русте, «когда у них рождается сын, то он (рус) дарит новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ребенком и говорит: «Я не оставлю тебе в наследство никакого имущества, и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь ты этим мечом»»³⁴. Воинственность русов, и в

³² Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры // КС ИИМК. Вып. XXXVI. 1951. С. 14–30.

³³ Березовец Д. Т. Об имени носителей салтовской культуры // Исторический формат. 2018. № 3–4. С. 206.

³⁴ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: в 2 т. М.: ГРВЛ, 1967. Т. 2. С. 83.

особенности культа меча, напоминают сообщения античных авторов о культе меча у сарматов и алан.

К салтово-маяцкой культуре может иметь отношение так называемый третий центр русов, Арсания, о котором наряду с Куйабой и Славией сообщают некоторые арабские источники X века (ал-Истахри, Ибн Хаукалъ). Куйаба и Славия легко прочитываются как Киев и Новгород. А по поводу Арсании и ее возможного местоположения споры идут до сих пор. Об Арсании сообщается, что это страна, в которой производятся мечи высокого качества, процесс изготовления которых держат в строгой тайне, поэтому убивают любого чужеземца. Если соотнести эти сведения с археологическими данными салтовской культуры, указывающими на развитое металлургическое производство и высокую степень вооруженности салтовского населения, а также с географическими данными, которые приводят арабские источники, то можно сделать предположение, что третий центр русов, Арсания, располагался на территории салтово-маяцкой археологической культуры. Очевидно также, что Арсания — это Аорсания, а аорсы — это аорсы. Согласно М. И. Ростовцеву³⁵, именно многочисленное сарматское племя аорсов со II века до н. э. занимает область Подонья и Приазовья. Аорсы («белые» с иранского) сближаются по своему значению с роксоланами («светлыми аланами») в значении знатности, благородства, царственности. Возможно, салтовские аланы и были потомками аорсов, сохранившими древнее самоназвание?

К концу IX века салтово-маяцкая культура прекращает свое существование. При этом археологически не выявляется следов пожаров или разрушений, которые могли бы свидетельствовать об ожесточенных столкновениях и гибели салтовцев. Куда же могло исчезнуть многочисленное салтовское население? Вероятно, население мигрировало под влиянием внешних причин непреодолимой силы: например, в результате давления новых орд кочевников с востока, венгров или печенегов. Одним из направлений миграции, очевидно, были земли полян и других восточнославянских племен, с которыми салтовская культура длительное время имела контакты как северо-западное пограничье Хазарского каганата. Опираясь на археологический материал и письменные источники, Березовец предполагает именно северо-западное направление миграции салтовцев и приходит к выводу о существо-

³⁵ Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на Юге России. Владикавказ, 2012. С. 62.

вании двух народов и двух территорий с именем Русь. «...Мы считаем бесспорным фактом существование в Восточной Европе двух местностей и двух разных народов, которые имели одинаковые названия. Одна из этих местностей находилась по берегам Северского Донца и его притоков, в среднем Подонье и Приазовье, вторая — в Поднепровье. Первую Русь знают восточные авторы VIII–X веков, вторая встречается в наших и византийских летописях, начиная с X в. Первая Русь не славянская, вторая — славянская»³⁶.

Миграция первой, «неславянской» Руси в сторону славянского Поднепровья может быть объяснением появления имени «русь» на территории, которая будет в дальнейшем связываться с полянами, и образованием там второй Руси — уже славянской, но, по-видимому, со значительным иранским компонентом, особенно в начальный период, о чем свидетельствуют иранские имена в договорах Олега и Игоря с греками. Березовец завершает свое исследование заключением, что «Днепровская Русь получила свое наименование от народа рус, рос, который имел самое непосредственное отношение к салтовским аланам»³⁷.

Гипотезу миграции салтовских алан в Поднепровье разделял академик Б. А. Рыбаков, основываясь как на археологических данных, так и на материале русских былин. «Мне кажется, небольшой цикл былин о Дунае не может быть исторически осмыслен без привлечения такого интересного и важного культурно-исторического явления, как сложившаяся в VIII–IX веках в древней земле амазонок яркая дружинная культура, известная археологам под именем Салтовской. Эти юго-восточные соседи зарождавшегося русского государства, аланы или алано-болгары по своему происхождению, строили каменные крепости от печенегов, знали письменность, воевали длинными копьями, булавами и саблями, жили в самых истоках “Дона Великого” (так “Слово о полку Игореве” называет наш Северский Донец), хоронили своих покойников в “глубоких погребах по сорок локтей” — в подземных катакомбах с дромосами. Салтовская культура была сметена в IX веке печенежским натиском: после него остались опустевшие крепости и огромные богатырские кладбища. Вполне возможно, что в момент сложения Киевской Руси дружинники-“салтовцы” могли войти на правах федератов в молодую

³⁶ Березовец Д. Т. Об имени носителей салтовской культуры // Исторический формат. 2018. № 3–4. С. 208.

³⁷ Там же. С. 210.

державу, тем более что борьба с печенегами должна была содействовать такому союзу. Поединок Дуная с Добрыней часто завершается побратимством»³⁸.

Итак, очевидно, что воинственная салтово-маяцкая культура, основное население которой составляли аланы, адыги и болгары, будучи северо-западным краем Хазарского каганата и важным элементом его военной мощи, более столетия соприкасалась с южными восточнославянскими племенами и имела с ними активные контакты. Поэтому есть все основания предполагать здесь процессы симбиоза и зарождения новой этнополитической общности русов. Случайно ли, что именно с полянами, в наибольшей степени контактировавшими с салтовскими аланами, первоначально было связано название «русь»? Если это имя принесли с собой варяги, как считают норманисты, то почему именно полянам передали они свое имя прежде всего, а не тем же ильменским словенам, с которыми варяги встретились на двадцать лет раньше?

4. Поляне-русь

ПВЛ, называя варягов русами в эпизоде «призываия варягов», в других эпизодах связывает имя «русь» с племенем полян. «Все это был один славянский язык: славяне подунайские, покоренные уграми, и морава, и чехи, и ляхи, и поляне, яже ныне зовомая русь». Поляне выделяются среди других славянских племен, и это подчеркивается в ПВЛ. «Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводит ее накануне, а на следующий день приносят за нее — что дают. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, если все нечистое, и браков у них не бывали, но умыкали девиц у воды»³⁹. Здесь противопоставлены не просто обычай разных племен, но различные формы социальной организации. Очевидно, что обычай полян говорят о патронимии, кровнородственной организации общества и большой семье, что не характерно для древних славян.

А. Г. Кузьмин считал, что изначально поляне не были славянами. Свадебные и погребальные обряды полян существенно отличались от славянской традиции. «Во всяком случае, о том, что по-

³⁸ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 2020. С. 66.

³⁹ Повесть временных лет. М.; Л.: Академия наук, 1950. С. 6.

ляне не были изначально славянами, свидетельствует много фактов, — пишет Кузьмин. — Например, свадебный обряд — у славян было многоженство, причем женихи крали невест, хотя чаще всего это происходило по предварительному сговору. У полян-руси за невест платили выкуп, а многоженство запрещалось. Разными были и похоронные обряды. Так, для всех славян характерно трупосожжение с последующим захоронением останков. Например, в «Повести временных лет» сообщается, что у восточнославянских племен радимичей, северян, кривичей и вятичей обряд трупосожжения сохранялся очень долгое время (у вятичей — до XI–XII вв.). Вообще же сожжение умерших было прекращено только с окончательным установлением христианства. А у полян-руси существовал обряд трупоположения. Разными были и формы организации племен — у полян-руси была кровнородственная община и большая семья, у древлян и других славянских племен — территориальная община и малая семья⁴⁰.

Если изначально поляне не были славянами, то кем же они были? Возможно, поляне имели сарматский субстрат, были славянизированными потомками роксоланов, аорсов, салтовских алан? Подобное предположение не лишено оснований, учитывая топонимические, лингвистические и археологические данные о расселении и контактах сармато-аланских и славянских племен в Подонье и Поднепровье в первом тысячелетии н. э. Во всяком случае, очевидно, что поляне-русь не имели отношения к варягам-скандинавам.

В ПВЛ есть еще одна деталь, выделяющая полян среди других славянских племен. На требование дани поляне, имевшие согласно летописи «обычай отцов своих кроткий и тихий», в отличие от других славянских племен предлагают хазарам «по мечу от дыма», то есть отдать дань воинами, воинской службой. Это указывает на то, что в случае с полянами мы имеем дело преимущественно с воинами, а не с земледельцами или охотниками-собирателями. Кроме того, формулировка «по мечу от дыма» подразумевает, что поляне были известны как производители высококачественных клинков. Такая трактовка соотносится со сведениями средневековых источников об особенных клинках русов, процесс изготовления которых они держали в секрете. Дань «по мечу от дыма» выглядит угрожающе, что и обсуждают старейшины хазар в известном эпизоде ПВЛ о полянской дани хазарам.

⁴⁰ Кузьмин А. Г. Варяги и Русь на Балтике // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 37.

Поляне ассоциируются со степью, с воинами и удалыми наездниками, даже «поляночки». «Летит поляночка лихая, в седле сидит как влитая» — это о Царь-деве из сказания о Ерслане Лазаревиче. Интересны в этой связи наблюдения Ф. И. Буслаева: «Из собственных народных, чисто русских наименований героической личности особенно характеристично слово “поленица”, которым называется и воин, и героиня, промышляющая богатырскими подвигами. Поленица значит не только разъезжающий по полям, но и охраняющий их, так же как в сербском слова “поляк” и “поляр” употребляются в смысле полевого сторожа. Слово это, следовательно, образовалось в быту оседлом, когда племена, усевшись на постоянных местах, почувствовали потребность охранять свою собственность вооруженно рукой от соседних хищников. Так, наши богатыри под предводительством Ильи Муромца стоят стражею на “Полях цыцарских”, охраняя границу от “великаны-навхальщины”. Так как поленица и поляк одного грамматического происхождения, то, по русским былинам, поляница полякует, то есть разъезжает по полям, очищая родную землю от врагов. Во всяком случае, следует заметить, что название богатыря “поленицею” состоит в видимой связи с собственными именами племен: древних полян, сидевших в Киеве, и позднейших поляков»⁴¹.

Таким образом, поляне — это те, кто живет на границе оседлого земледельческого мира славян, и в этом качестве поляне сближаются с антами. Анты — тоже окраинные, пограничные славяне предшествующей эпохи, активно контактировавшие с готами и с сарматами, что, естественно, повлияло на развитие антской культуры и выделило антов из числа других славянских племен. Так же и культура полян определяется во многом фактором пограничности и симбиоза с аланами и другими кочевыми народами.

Аргументом в пользу того, что первоначально этоним «русы» был связан с землями полян, Поднепровьем, может служить тот факт, что народ русинов (тех же русов) обитает сегодня не в Новгородских землях и не в Скандинавии, а на Украине, в Молдавии, Венгрии — то есть в тех местах, которые изначально связывались с полянами и Русью в узком значении.

5. Русский каганат

Говоря о происхождении этонима «русы», нельзя не упомянуть сведения средневековых источников о Русском (Росском)

⁴¹ Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос. Воронеж, 1987. С. 127.

каганате. В частности, это сообщение Бертиńskих анналов, летописного свода государства франков, о прибытии в 839 году ко двору Людовика Благочестивого посольства «народа Рос» и об их короле «прозванием Каган». Русский каганат упоминается и в арабских источниках IX–X веков. История и возможная локализация этого раннесредневекового военно-политического образования подробно рассматривается в книге Е. С. Галкиной «Тайны Русского каганата»⁴². Продолжая линию Д. Т. Березовца, А. Г. Кузьмина, В. В. Седова, Галкина полагает, основываясь на сопоставлении данных археологии и письменных источников, что ранние русы — это изначально одно из аланских племен, обитавших в Приазовье, Подонье и Поднепровье, которые прошли тот же путь интеграции в славянскую этноязыковую среду, что и болгары хана Аспаруха на Дунае, в течение века ассимилированные балканскими славянами. Подобно болгарам хана Аспаруха, салтовские аланы-русы были ассимилированы восточными славянами, но остались им свое имя.

По мнению А. Г. Кузьмина, в VIII–IX веках в Восточной Европе существовало несколько очагов, связанных с русами. «Слово “рус” (“рухс”) в иранских языках обозначает “светлый”, “белый”, “царственный”. На территории Среднего Поднепровья и Подонья в VIII — начале IX века существовало сильное государство русов-алан — Русский каганат. В него входили и славянские племена Поднепровья и Подонья — поляне, северяне, радимичи. Русский каганат известен и западным, и восточным письменным источникам IX века. Много следов аланской культуры сохранилось и в Киевской Руси. В начале IX века русы-аланы были вытеснены из Подонья венграми, которые разгромили Русский каганат. Часть русов-алан переселилась в Восточную Прибалтику, а точнее на остров Сааремаа (“Остров русов”, “Норманнский каганат”), и стали известны древним источникам как “Руссия-турк”. Русы-аланы в этот период составили еще одну разновидность Балтийской Руси. Видимо, уже в IX веке русы-аланы были славянанизированы»⁴³.

Таким образом, контакты салтовских алан и славянских племен полян, северян, радимичей в эпоху Хазарского каганата были настолько тесными, что можно предположить большую вероятность этнокультурного симбиоза и в конечном итоге ассимиляции салтовских алан славянской средой. Русский каганат, просуществовавший, по мнению Галкиной, около полутора веков, не

⁴² Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002.

⁴³ Кузьмин А. Г. Варяги и Русь на Балтике // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 52.

выдержал напора новых кочевников степи и в конце IX века прекратил свое существование. Но, как замечает Галкина, «история Русского каганата не завершилась в момент его гибели: именно земли, входившие в его состав, стали ядром Киевской Руси, а его жители внесли неоценимый вклад в древнерусскую культуру»⁴⁴.

Ограниченнность письменных источников о Русском каганате не позволяет сделать окончательные выводы о его точной локализации, внутренней организации, его реальной политической силе и этническом составе. Но очевидно, что в том или ином виде он действительно существовал, поскольку еще князь Владимир именуется «каганом русов» в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона. Название «Русский каганат» указывает на политеческий характер этого образования, а также на его противопоставление каганату Хазарскому. Очевидно также, что Русский каганат не имел никакого отношения к варягам, а был, скорее, продуктом славяно-аланского симбиоза.

На иранские следы в истории ранней Руси, и в частности в истории раннего Киева, указывает языческая реформа Владимира. Мы имеем дело с целым рядом славянских богов иранской этимологии, такими как Хорс, Дажьбог, Сварог, Симаргл, Стрибог. Это может говорить о значительной доле иранского компонента среди военной знати Киева эпохи Владимира, а также о том, что варяжскому влиянию на славян предшествовало более глубокое и длительное влияние скифов и сарматов, и их наследие, в том числе в религиозной сфере, стало частью восточнославянской идентичности, иранским религиозным субстратом. Учитывая длительное соседство и контакты северных иранцев и восточных славян, иранская этимология славянских языческих богов не кажется удивительной, отражая сильное иранское влияние.

В этой связи представляет большой интерес исследование Е. Л. Мадлевской «Русская мифология». По мнению автора, языческая реформа Владимира была продиктована внутриполитической обстановкой, сложившейся в Киеве во времена его правления. Как пишет Мадлевская, «значительное число жителей Киева в то время составляло население хазарского, еврейского и сармато-аланского (то есть иранского) происхождения... И если Владимир мог рассматривать Хазарию как восточную границу Киевской Руси, то хазары могли все еще считать Киев крайним западным форпостом Хазарского каганата. И пока каганат был в силе, Владимир не мог не считаться с киевским населением восточного происхождения. В этих условиях включение в круг «вла-

⁴⁴ Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. С. 81.

димировых" богов Хорса и Симаргла оказывается важным политическим шагом. Потомки дославянского населения иранского происхождения до X века сохраняли культы "солнца-царя" Хорса — важнейшего бога сармато-аланского пантеона, а также благодетельного божества Симаргла. При этом иранский этнический элемент, с одной стороны, представлял собой мощную вооруженную военную силу, а с другой стороны, он, по сравнению с другими этническими группами киевского населения, был экономически пассивен⁴⁵. Присутствие алан в истории раннего Киева в качестве важной военной и политической силы можно сравнить с процессами сарматизации древнего Боспорского царства и античного Танаиса. Сарматы оказали большое влияние на культуру греческого Причерноморья, но и сами восприняли плоды греческой цивилизации и были впоследствии ассимилированы греками.

Разумеется, участие «иранского этнического элемента» в истории раннего Киева и Юга России нашло отражение не только в языческом пантеоне Владимира, но и оставило свои следы в топонимике, археологии и, конечно, в языке. В. И. Абаев отмечает важное значение ирано-славянской фонетической изоглоссы *у(h)* (фрикативный «г»), характерной для южнорусских наречий. По мнению Абаева, фонема *у(h)* в южнорусских наречиях есть «вклад скифо-сарматской речи, которой искони была присуща эта фонема». Как пишет Абаев, «ареал фонемы *у(h)* в славянском знаменательным образом совпадает с ареалом скифо-сарматской топонимики и памятников скифо-сарматской культуры»⁴⁶. Исследование изоглоссы *у(h)* в сопоставлении с топонимикой и археологическими данными привело ученого к заключению о «глубоком и значительном участии скифо-сарматского элемента в этногенетическом процессе на юге России»⁴⁷.

Окончание следует.

⁴⁵ Мадлевская Е. Л. Русская мифология. Энциклопедия. СПб.: Мидгард, 2005. С. 122.

⁴⁶ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы // Абаев. В. И. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ: Ир, 1995. С. 341.

⁴⁷ Там же. С. 338.

АВТОРЫ НОМЕРА

БУЛКАТЫ Игорь — прозаик, поэт, переводчик с осетинского, грузинского, французского, английского языков. Родился в 1960 году в городе Самтредия Грузинской ССР. После окончания школы четыре года работал на Северо-Осетинской студии телевидения. В 1979 году поступил в Литературный институт им. А. М. Горького на семинар поэзии, по окончании которого работал редактором в различных издательствах и журналах. Автор нескольких книг повестей и рассказов. Переводил стихи осетинских поэтов: Шамиля Джиккайты, Ахсара Кодзати, Нафи Джусойты. Член Союза писателей России.

ГАЛАЗОВ Аслан родился в 1967 году в г. Орджоникидзе (Владикавказ) СОАССР. В 1984-м окончил среднюю школу № 5. В 1986 году был призван на срочную службу в армию. Выпускник факультета филологии СОГУ (1991). В 1994–1995 годах проходил обучение в Американском Университете (AU) в Вашингтоне, получил степень магистра искусств. В 1996–1998-м — сотрудник литературно-художественного журнала «Дарья», редактор. В 1998–1999 годах проходил обучение во ВГИКе на режиссерских курсах, мастерской В. А. Мана. В 2000–2011-м — директор творческих программ Фонда «Мир Кавказа». Режиссер художественных кинокартин «Ласточки прилетели» (2007), «Детство Чика» (2021), а также ряда короткометражных и документальных фильмов. Автор общественно-политических статей в журнале «Дарья» и газете «Северная Осетия».

ГРАНЕЛИ (Квирквелия) Терентий (1897–1934) — грузинский поэт и эссеист, художник-график. Родился в селении Цаленджиха Кутаисской губернии. Окончив школу, переехал в Тбилиси, где работал на железной дороге сцепщиком, затем кондуктором, позже устроился куриером в газету «Сахалхо сакме» («Народное дело»), увлекся сочинением стихов. В 1920–1921 годах издал два сборника стихов, тепло встреченных читателями. Вершиной творчества считается сборник стихов «Мemento mori» (1924). С 1928 года поэт постоянно боролся с депрессией, усугублявшейся неприятием его творчества в официальной советской литературе. Умер в Тифлисе, в бедности. В 1987 году прак поэта был перенесен в Пантеон деятелей культуры Грузии.

ГУРЖИБЕКОВА Ирина родилась в 1937 году в Баку. Окончила МГУ им. Ломоносова по специальности филолог и журналист. Публиковалась в республиканских газетах с 1955 года. Стихи печатались в «Литературной газете», литературных журналах Северной и Южной Осетии, в болгарской прессе. Автор 15 сборников стихов, многочисленных очерков и статей. Народный поэт Северной Осетии. Заслуженный работник культуры СОАССР. Награждена медалью «Во славу Осетии». Живет в Владикавказе.

ГУЧМАЗТЫ Алеши (1951–1992) — осетинский прозаик, детский писатель, романист и поэт. Родился в селении Гучмазтыау, Южная Осетия. В 1972 году поступил в Литературный институт им. Горького в Москве, но через полтора года вернулся на родину, работал в научно-методическом центре культуры, позже — в журнале «Фидиага». Его перу принадлежат рассказы «Урс фынта» («белые сны»), «Эхсәвидар» («Полуночник»), «Царды зыд» («Любовь к жизни»), роман «Де уди фарн» («Матронна»), который считается одним из важнейших произведений современной осетинской литературы. Также Гучмазты является автором сборника детских рассказов «Рохсана». Погиб в ходе грузино-осетинского конфликта.

ДЖЕНИКАЕВА Алена — член Союза журналистов России. Окончила с отличием факультет журналистики СОГУ им. К. Л. Хетагурова. В разное время работала внештатным корреспондентом республиканской газеты «Северная Осетия», реализовала ряд авторских телепроектов на ГТРК «Алания» и ТК «Осетия-Иристон». Сегодня — пресс-секретарь Минприроды РСО-Алания. Автор пяти монографий об известных деятелях культуры и искусства Северной Осетии. Регулярный автор российского журнала «Журналистика и медиарынок». Обладатель звания «Серебряное перо Руси» национальной литературной премии «Золотое перо Руси», победитель международных и всероссийских конкурсов журналистов. Свой творческий путь начинала с журнала «Дарья». Пишет стихи, прозу, публикуется в различных российских и региональных периодических изданиях.

ДЖИКАЕВ Шамиль (1940–2011) — осетинский ученый-филолог, поэт, переводчик и общественный деятель. Народный поэт РСО-Алания, профессор, лауреат Госпремии им. К. Л. Хетагурова. Родился в селении Дзома, Южная Осетия. В 1964 году окончил филфак СОГПИ. Работал редактором Северо-Осетинского радио и студии телевидения. В 1970 году защитил кандидатскую диссертацию. С 1990 года — завкафедрой осетинской литературы факультета осетинской филологии СОГУ. С 2002 года — декан этого факультета. Автор более 150 научных трудов по фольклору и литературе, шести поэтических сборников и трех пьес. Перевел на родной язык драмы «Король Лир» Шекспира, «Царь Эдип» Софокла, «Сирано де Бержерак» Ростана, стихи Р. Бернса, Ф. Шиллера, М. Лермонтова и др. Трагически погиб в 2011 году.

ЖУК Вадим (1947–2025) — актер, сценарист, либреттист, поэт, теле- и радиоведущий. Родился в Ленинграде. Окончил театроведческий факультет ЛГИТМиКа. Был единственным автором и худруком ленинградского, затем петербургского театра-студии «Четвертая стена». Снимался в фильмах А. Сокурова, И. Масленникова, В. Хотиненко, А. Барышевского и других. Автор сценариев и ведущий церемоний ряда анимационных и театральных фестивалей, а также автор и соавтор сценариев многих анимационных фильмов. Печатался в журналах «Знамя», «Арион», «Звезда», «Октябрь», «Новый мир» и зарубежных изданиях. Скончался в марте этого года в Суздале, куда приехал для участия в фестивале анимационного кино «Суздальфест», бессменным ведущим которого был многие годы.

ЙИЛЕМНИЦКИЙ Петр (1901–1949) родился в городе Кишперх (Летоград), Австро-Венгрия. Чех по происхождению. Педагог и писатель, основатель словацкого соцреализма в литературе. Писал вначале по-чешски, позднее по-словацки. Автор рассказов и романов, соединяющих в себе лиричность и социальную проблематику, за что получил неофициальное прозвище «словацкого Горького». Родился в семье машиниста, окончил учительское училище в Левице. После распада Австро-Венгрии и образования Чехословакии работал учителем, служил в армии. В 1922 году стал членом Компартии Чехословакии. В 1926–1928 годах жил в СССР. Большую часть этого времени провел в чешском селе Павловка под Анапой, где работал учителем в школе. Позже в Москве был слушателем Государственного института журналистики. В июне 1928 года возвращается в Чехословакию, где становится редактором словацкой коммунистической газеты «Правда». В 1942 году арестован гестапо за участие в антифашистском сопротивлении и отправлен в концлагерь. В 1945-м писатель возвращается в Словакию. С 1948 года работает атташе по культуре в Посольстве Чехословакии в Москве, где и скончался от сердечного приступа.

КУДЗАЕВ Роберт родился в 1995 году во Владикавказе. Окончил факультеты журналистики и юриспруденции СОГУ им. К. Л. Хетагурова. Работал юристом, а затем ушел в сферу рекламы и переехал из родного города. Сейчас отвечает за выпуск и продвижение контента авиакомпании «Победа», а также занимается продюсированием и режиссурой коммерческих съемок, пишет сценарии игровых фильмов. С литературным рассказом публикуется впервые. Живет в Москве.

ТЕДЕЕВ Шалико родился в 1939 году в Баку. Заслуженный врач Северной Осетии, поэт-песенник, мастер спорта СССР по классической борьбе, член Союза композиторов. Заслуженный работник культуры РСО-Алания.

Тер-АБРАМЯНЦ Амалк родился в 1952 году в Таллине. Окончил в 1975 году 2-й московский мединститут, а в 1992 году — Литературный институт им. Горького. Публиковался в периодике России и за рубежом. Лауреат и дипломант международных литературных конкурсов в Армении, Германии, Греции. Автор семи книг. Живет в Москве.

ТЕХОВ Борис (1920–1944) родился в селении Тбет. Окончил семилетку в Цхинвале, поступил в Художественное училище. Писал стихи, пьесы, рассказы, публиковался в газетах и журнале «Фидиага». Его наиболее известный рассказ «Два колоска» несколько раз издавался в разных сборниках. С четвертого курса училища ушел на фронт. Пропал без вести в июле 1944 года.

ТУАЛЛАГОВ Ян родился в 1957 году в Северной Осетии. В 1983 году окончил СОГУ им. К. Л. Хетагурова. Преподаватель русского языка и литературы.

ХАДЖЕТЫ Таймураз (1945–1996) родился в селении Ногкау, Южная Осетия. В 1964 году окончил среднюю школу в Цхинвале и был призван на действительную службу в Советскую Армию. В 1968 году поступил в Литературный институт им. А. М. Горького. С 1985 года работал руководителем литературного объединения молодых авторов при Северо-Осетинском обкоме ВЛКСМ. Член Союза писателей СССР с 1979 года. Публиковался в местной и центральной периодической печати с 1968 года. Автор поэтических сборников «Фарасат бардэжъ» («Девять вадников»), «Хъысмэт əмəе зарəг» («Судьба и песня»), «Ахсандуры ҳъаелс» («Искры кремни») и др. Перевел на осетинский язык произведения мировой и русской классики: Шекспира, Байрона, Китса, Гейне, Бодлера, Блока, Есенина, Ахматову, Цветаевой, Рубцова и др.

ХАРЕБОВ Батрадз — публицист, общественный деятель. Родился в 1950 году в селении Дзау Южной Осетии. Окончил среднюю школу в Цхинвале, затем географическое отделение естественно-биологического факультета СОГУ им. К. Л. Хетагурова. Защищил кандидатскую диссертацию Института экономики АН СССР «Методология изучения народонаселения малых регионов». Автор многочисленных статей и монографий. Во время грузино-осетинского конфликта (1989–1992) активно трудился журналистом, выступая с аналитическими статьями о ходе противостояния. Бывший министр информации и печати РЮО. Автор сборника документальных повестей «В нужное время, в нужном месте» (2019). Заслуженный журналист Южной Осетии, член Союза журналистов РФ. Руководит информационно-аналитическим управлением Парламента Южной Осетии, возглавляет Союз журналистов Южной Осетии.

ХУГАЕВ Ирлан родился в 1965 году в Орджоникидзе. В 1989 году окончил филологический факультет СОГУ. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Владикавказского научного центра РАН. Автор стихотворного («Вериги воли», 2013) и прозаического («Вечный огонь», 2018) сборников. Публиковался в журналах «Дарья», «День и ночь», «Дети Ра», «Образы жизни» и др. Живет во Владикавказе.

ХУГАЕВ Сергей родился в 1933 году в Хугатуки Южной Осетии. Окончил историко-филологический факультет Северо-Осетинского господинститута, затем Литинститут им. А. М. Горького. Работал учителем в сельских школах Дагестана и Северной Осетии, редактором студии телевидения, зав. отделом журнала «Мах дуг», старшим редактором Северо-Осетинского книжного издательства «Ир». Член Союза писателей РФ. Автор многих поэтических и прозаических книг. Народный писатель Осетии (2013).

ЦАГАРАЕВ Гиг (1923–1996) — осетинский поэт, переводчик, автор текстов более 100 песен. Родился в Алагире. В 1942 году окончил Орджоникидзевское пехотное училище и был отправлен на Сталинградский фронт. За боевые заслуги награжден орденами Отечественной войны I и II степени и медалями. После тяжелого ранения в декабре 1942 года был демобилизован. В 1946–1947 годах учился в Северо-Осетинском пединституте, в 1948–1953-м — в Литературном институте им. Горького. Автор поэтических сборников «Хэлардзинады зардджытæ» («Тесни дружбы») и «Афтæ райтуырд зарæг» («Так родилась песня»), сборника стихов для детей «Ичын» («Репей») и книги «Нæ бинонтæ» («Наша семья»). Два сборника стихов Цагараева издавались в переводе на русский язык: «Дыхание» и «Папа, купи облака».

ЦЕРЕКОВ Артур родился в 1965 году во Владикавказе. В 1986 году окончил экономический факультет СОГУ. В 2000 году написал свой первый фантастический роман «Ангелы Большой Войны» (напечатан по главам в еженедельнике «Экран Владикавказа»). В 2004–2006 годах являлся собкором газеты «Труд» по Северному Кавказу. Печатался в различных республиканских СМИ. Возглавлял пресс-центр СОГУ. На сегодняшний день работает собкором газеты «Слово». Лауреат ежегодной премии Главы Северной Осетии за лучшую журналистскую работу 2023 года. Дипломант всероссийского конкурса журналистских работ «Моя Земля — Россия» (2023).

ЦХУРБЛАЕВ Алан родился в 1976 году в Тбилиси. В 1991 году в результате разгорающегося грузино-осетинского конфликта переехал с семьей во Владикавказ. В 1999 году окончил французское отделение факультета иностранных языков СОГУ. Работал грузчиком, сторожем, экспедитором. В 2004 году освещал террористический акт в Беслане и последовавшие за этим судебные процессы. Работал корреспондентом ряда российских и зарубежных СМИ. С марта 2018 года — главный редактор журнала «Дарьял». Там же опубликованы первые художественные рассказы (1997). Также имеет публикации в журналах «Дружба народов», «Волга», других периодических изданиях. Составитель сборника прозы современных писателей Осетии «Здесь были».

ЧЕХОЕВ Сараби (1916–1969) родился в горном селении Бад Алагирского района. Первое стихотворение было опубликовано в газете «Растдзинад» в 1933 году. С тех пор стихи поэта печатались в районных и республиканских газетах, в журнале «Мах дуг». В 1934 году окончил Красногорскую семилетнюю школу, а в 1939 году — литературный факультет Северо-Осетинского пединститута. В 1940 году вышла первая книга «От души». Участник Великой Отечественной войны. После демобилизации работал редактором журнала «Мах дуг», учителем и директором средней школы № 5 г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ), директором республиканского Театра кукол, сотрудником районной газеты «Ленинское знамя». Автор поэтических сборников «Лирика» (1958), «Портр» (1964), «Зеркало» (1968), а также первого романа в стихах на осетинском языке «Цэр» («Живи»).

ЧОЧИЕВ Герсан (1921–1943) родился в селении Стырком. Учился в педтехникуме, но на третьем курсе оставил учебу из-за болезни. Тем не менее в 1941 году добровольцем ушел воевать за Родину, учился в военной школе, затем был отправлен на фронт. Погиб под Краснодаром в 1943-м. На фронте писал стихи, которые впоследствии вошли в сборник «Штыком и пером».

ШАЛАМОВ Варлам (1907–1982) — русский советский прозаик и поэт. Наиболее известен как автор цикла рассказов и очерков «Колымские рассказы», повествующего о жизни заключенных советских исправительно-трудовых лагерей в 1930–1950-е годы.

ДАРЬЯЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

* * *

WWW.DARIAL-ONLINE.RU

Журнал основан в 1991 году и поддерживает
традиции литературной периодики
в Северной Осетии.

Издается на русском языке и представляет
осетинский и в целом кавказский
литературный процесс
русскоязычному читателю.

«Дарьял» стремится соответствовать
своему времени и отвечать на его запросы.

Выходит шесть раз в год.

**ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
18668**

В оформлении обложки использована
скульптура А. Касабиева «Полнолуние»

ЖУРНАЛ «ДАРЬЯЛ» — ЭТО:

- Литературно-художественное издание, представляющее культуру и искусство Осетии всему миру
- Поле для исторических и философских дискуссий
- Площадка для молодежных экспериментов и идей
- Дружелюбная творческая среда, объединяющая народы Кавказа

